

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

**Серия
«Гуманитарные науки»**

2019

**Выпуск
3 (12)**

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 3 (12), 2019

Филология. История. Философия

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(председатель)
С. А. Сырбу, д-р хим. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук
Л. В. Михеева
(ответственный секретарь)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

А. А. Григорян, д-р филол. наук
(главный редактор серии)
О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
О. А. Павловская, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
Д. И. Польшин, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук
М. А. Меликян, канд. филос. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 3 (12), 2019

Philology. History. Philosophy

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФС77-60993 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics
(Chairman)

S. A. Syrbu, Doctor of Chemistry
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy
(Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»:

A. A. Grigoryan, Doctor of Philology
(Chief Editor of the Series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

O. A. Pavlovskaya, Candidate
of Science, Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

D. I. Polyvyanny, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

M. A. Melikyan, Candidate of Science,
Philosophy

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Вансяцкая Е. А. Речевой жанр ссоры в невербальном поведении коммуникантов-детей: тактика прерывания контакта	5
Григорьева Е. М. Неологизмы в современном английском языке и их отражение в словарях	9
Карпова О. М. Еще раз о типологии словарей (На материале английских словарей нового поколения)	12
Кокурина И. В., Ополовникова М. В. Логическая частица <i>schon</i> как маркер нарушения динамического фрейма	17
Таганов А. Н. Реальное и мистическое в художественном слове Оноре де Бальзака: «Прощенный Мельмот»	21

История

Балдин К. Е. Сельскохозяйственные выставки и крестьянское хозяйство в Костромской губернии в начале XX века	25
Околотин В. С. Роль запасных частей Ивановской области в подготовке военного пополнения для Красной армии в 1941—1942 годах	38
Юдин К. А. Кинопроизводство в период «холодной войны»: некоторые тенденции российской и зарубежной историографии	47

Философия

Финогентов В. Н. Перспективы разума в свете принципа инфинитизма	61
Прохоров М. М. Ноосферная организация коллективного разума	71
Подоль Р. Я. Ноосферная цефализация в рефлексии «философии общего дела» Н. Ф. Федорова	81
<i>Сведения об авторах</i>	89
<i>Информация для авторов</i> <i>«Вестника Ивановского государственного университета»</i>	91

CONTENTS

Philology

Vansyatskaya E. A. Speech Genre “Disagreement” in Nonverbal Behavior of Children: Strategy of Communication Aposiopesis	5
Grigoryeva E. M. Neologisms in Modern English and Their Reflection in Dictionaries	9
Karpova O. M. Once again about Dictionaries Typology (with Special Reference to English Dictionaries of new Generation).....	12
Kokurina I. V., Opolovnikova M. V. Logical particle schon as a marker of the dynamic frame violation	17
Taganov A. N. The real and the mystical in artistic word of Honore de Balzac: «Forgiven Melmoth»	21

History

Baldin K. E. Agricultural exhibitions and peasant economy in Kostroma province at the beginning of XX century	25
Okolotin V. S. The role of the spare parts of Ivanovo region in the preparation of the military replenishment for Red Army in 1941—1942.....	38
Yudin K. A. Film production in the period of the «cold war»: some tendencies of the Russian and foreign historiography	47

Philosophy

Finogentov V. N. Prospects of mind in the light of the principle of infinitism	61
Prokhorov M. M. Noospheric organization of the collective mind	73
Podol' R. Ya. Noospheric cephalization in reflection of N. F. Fedorov's «philosophy of the common cause»	
<i>Information about the authors</i>	89
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	91

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ССОРЫ В НЕВЕРБАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ КОММУНИКАНТОВ-ДЕТЕЙ: ТАКТИКА ПРЕРЫВАНИЯ КОНТАКТА

Статья посвящена исследованию речевого жанра ссоры в невербальном поведении коммуникантов-детей. Отмечается, что данный речевой жанр характерен для мальчиков и девочек. Выявлено, что наиболее распространенной тактикой является прерывание контакта, при этом используются средства различного характера. В результате данной тактики ссора прекращается.

Ключевые слова: речевой жанр, тактика, ссора, прерывание контакта, коммуникант, вербальные и невербальные компоненты коммуникации.

The article is devoted to the research of the speech genre “disagreement” in non-verbal behavior of speakers. This genre is known to be typical of both boys and girls. The most frequent strategy within the genre discussed is communication aposiopesis, for this purpose different types of linguistic means are exploited. The use of this strategy results in the disagreement coming to an end.

Key words: speech genre, strategy, disagreement, communication aposiopesis, speaker, verbal and nonverbal means of communication.

Общение детей представляет собой сложный процесс, осваивая который дети учатся добиваться поставленной цели, понимать собеседника, прощать его. Далеко не всегда общение проходит гладко, между детьми часто происходят ссоры. Ссора — речевой жанр, который отражает и оформляет в знаковых (вербальных и невербальных) формах типические ситуации бытовых социально-психологических конфликтов [4, с. 259]. Таким образом, это интересное явление, находящее воплощение как в вербальной, так и в невербальной составляющей этого процесса.

Как отмечают исследователи, ссора — это очень многоаспектный диалогический речевой жанр. Как правило, она возникает в рамках устного личностно-ориентированного общения коммуникантов. Правила протекания бытового коммуникативного конфликта (выражением которого является ссора) имеют характерную этнокультурологическую специфику. Они усваиваются носителями языка на бессознательном уровне вместе системой родного языка [2, 4].

Психологический механизм ссоры достаточно прост, ей предшествует состояние фрустрации. Это психологический дискомфорт, который возникает у человека в ситуации невозможности достижения какой-нибудь цели, и переживается одним из участников интерактивного взаимодействия. Фрустрация проявляется в виде чувства неудовольствия, обиды, раздражения, возмущения и т. д., которые становятся причиной негативно окрашенного

внутреннего напряжения. При этом необходимо отметить, что в ходе ссоры обязательно должна наступить развязка, которая достигается при помощи речевой агрессии, которая направлена на источник фрустрации, т. е. собеседника. Естественно, такое нападение стимулирует ответный выпад, происходит цепная реакция — ссора разгорается [4, с. 260].

Второй важной составляющей жанра ссоры — это статусное равноправие коммуникантов. Ссора возникает между людьми, имеющими социально-психологическую близость, т. е. участники ссоры — это хорошо знакомые люди. Данная близость коммуникантов предполагает соблюдение ими определенных норм взаимодействия. Конфликт, воплощением которого является ссора, возникает тогда, когда один из собеседников не соблюдает «условия игры», ведет себя не правильно, нарушая при этом некие этические или этикетные нормы.

Третьей особенностью ссоры является ее четко выраженная заданность, которая возникает на уровне коммуникативного намерения. В ходе коммуникации у обоих участников появляются установки на деструкцию, предполагающие наличие у партнера опасности или враждебности. Таким образом, ссору можно отнести к отрицательной фатике, т. е. такой коммуникации, задача которой состоит в ухудшении эмоционально-психологического состояния собеседника. Основным концептом, лежащим в основе речевого жанра ссоры, следует считать концепт «агрессия», «враждебность». Репрезентацией концепта становится речевая агрессия в различных формах и тактиках [4, с. 261].

На основе проведенного анализа ситуаций некооперативного поведения, к которым относится ссора, можно выделить 3 основных тактики — тактика обороны, тактика прерывания контакта и тактика примирения.

В настоящей статье обратимся к анализу тактики прерывания контакта, которая достаточно часто встречается в невербальном поведении коммуникантов. Интересным представляется тот факт, что данная тактика характерна как для девочек, так и мальчиков, но более распространена в монополевых коммуникативных актах. Это подтверждает нашу мысль о том, что коммуниканты должны быть равны по статусу и полу [1, с. 21].

Проиллюстрируем тактику прерывания контакта, которая является одним из средств разрешения конфликта. В данном случае адресат уходит от продолжения конфликта, при этом примирения противостоящих друг другу коммуникантов не происходит.

Данные ситуации необходимо анализировать в рамках сложного коммуникативного целого (СКЦ), понятие которого было введено Ф. И. Карташковой [3]. В рассматриваемой ниже конфликтной ситуации, описываемой с помощью СКЦ, коммуникант 1 является агрессором.

Hay was everywhere. Jeannie's show halter was ruined.

Garnet (K₁) sighed. She didn't know where to begin. She'd have to tell Jeannie (K₂) about the halter right away. But she'd be in a lot of trouble if anyone saw the barn looking this way.

K₂: Then, before she could get started, the worst possible thing happened. Jeannie came in. She was dressed for riding. Jeannie stopped and stared. Then she screamed. "What happened here? This place looks like a cyclone hit it!"

K₁: Garnet started to open her mouth to explain. K₂: But Jeannie saw the halter before Garnet had a chance.

“Is that my new show halter?” Jeannie screached in a terrible voice. “It is!” she said grabbing it. “You’ve ruined it! You, you idiot!”

K₁: “I’m sorry. Really I am,” Garnet mumbled.

K₂: “You’re going to be a lot sorrier when Mom hears about this,” Jeannie threatened. With that, she turned and stalked off toward the house.

K₁: Garnet knew she was in big trouble now [5].

В данном СКЦ K₂ (Джинни) — инициатор конфликтной ситуации: она возмущена беспорядком в сарае, в котором содержатся лошади девочек, являющихся сестрами. При этом она использует как невербальные средства, так и вербальные компоненты (ВК) — «Jeannie stopped and stared. Then she screamed. “What happened here? This place looks like a cyclone hit it!”». K₁ (Гарнет) пытается объяснить сложившуюся ситуацию: ее новая лошадь привыкает к новому месту и беспорядок лишь случайность: «Garnet started to open her mouth to explain». Далее ситуация конфликта усугубляется: K₂ видит испорченную сбрую, с которой она должна выступать: «“Is that my new show halter?” Jeannie screached in a terrible voice. “It is!” she said grabbing it. “You’ve ruined it! You, you idiot!”». ВК окрашен отрицательно, она использует отрицательно коннотированное слово «idiot», а комплекс НВК (фонационный и тактильный тип) маркируют ее раздражение и гнев. K₁ пытается извиниться: «“I’m sorry. Really I am,” Garnet mumbled». Но K₂ несклонна прекратить конфликтную ситуацию, она прибегает к угрозе, что выражено с помощью фонационного НВК: «“You’re going to be a lot sorrier when Mom hears about this,” Jeannie threatened». А далее K₂ прерывает контакт и уходит: «With that, she turned and stalked off toward the house». Таким образом, K₁ не в состоянии произвести ответный ход, так как контакт прерван K₂.

Следовательно, использование K₂ комплекса НВК и отрицательно коннотированного слова «idiot» приводят к прерыванию контакта, в результате чего данный эпизод некооперативного общения завершается.

Для коммуникантов-мальчиков также характерно использование данной тактики.

K₁: “Mind if I come in out of the rain?” Encyclopedia asked. As he ducked inside the tent, one of his feet hit an extra pack of cards lying beside the wooden box. The cards were scattered over the ground.

K₂: “Hey! What’s the big idea?” said Bugs.

K₁: “The idea is a simple one,” said the private detective. “See these cards? They are dry and not the least bit muddy, though I scattered them over the ground. Clarence didn’t steal this tent from your clubhouse.”

K₂: Bugs closed his hands into fists. His chin sprang out like the drawer of a cash register. “Are you calling *me* a liar?”

K₁: “Of course not,” said Encyclopedia. “I’m simply going to tell you what I’ll tell the police.”

Encyclopedia spoke quietly into the older boy’s right ear. Bugs listened. K₂: His face grew red, and then redder.

Suddenly he called, “Come on, Tigers! Let’s get back to the clubhouse. It’s no fun here” [6].

K₁ (мальчик по прозвищу Энциклопедия Браун) хочет доказать, что K₂ (Барз) не по праву занял палатку, принадлежащую третьему мальчику, который обратился к нему за советом и помощью. Он использует этикетные правила начала разговора: «“Mind if I come in out of the rain?” Encyclopedia asked». В ответ K₂ поначалу готов принять участие в разговоре, его ВК

окрашен нейтрально: «“Hey! What’s the big idea?” said Bugs». Когда K_2 узнаёт, что K_1 пришёл по поводу палатки, его поведение резко меняется — он готов к агрессии, что демонстрирует его НВК мимического типа «His chin sprang out like the drawer of a cash register». Кроме того используется специфическое невербальное действие «Bugs closed his hands into fists». Оно более сильно маркирует ситуацию и может рассматриваться как угроза. Далее следует ВК: «“Are you calling *me* a liar?”», в котором присутствует существительное с негативной коннотацией «liar». Данная номинация K_1 подразумевает воровство со стороны K_2 , поэтому последний реагирует крайне возмущённо. При этом K_1 ведёт себя тактично, в рамках этикетных правил, и вслух не говорит того, что он собирается сказать полиции. Но его ВК оказывает определенное воздействие на K_2 . Его эмоциональное состояние подтверждает психофизиологическая реакция (ПФР) неконтролируемого типа: «His face grew red, and then redder», что демонстрирует смущение и стыд. Затем он обращается к своим друзьям, т. е. прибегает к тактике прерывания контакта. Захватчик вместе со своими приятелями вынужден уйти.

Таким образом, несмотря на готовность K_2 к ссоре и конфликту, использование K_1 правдивых слов в его адрес ведет к прерыванию контакта и прекращению некооперативного общения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в зависимости от индивидуальных способностей коммуникантов, возможно использование различных средств в рамках тактики прерывания контакта: активных и пассивных. К активным формам можно отнести вербальные средства, невербальные средства, а также специфические невербальные действия. Пассивной формой является прерывание коммуникации. Все они, как в комплексе, так и по отдельности, способствуют прекращению ссоры, т. е. останавливают некооперативное общение.

Библиографический список

1. Вансяцкая Е. А. Средства невербальной коммуникации при некооперативном общении мальчиков : (На материале англоязычной художественной литературы) // Теория и практика иностранного языка в высшей школе : сборник научных статей. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2016. Вып. 12. С. 15—22.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : пер с англ. М. : Русские словари, 1996. 416 с.
3. Карташкова Ф. И. Сложное коммуникативное целое как единица лингвистики текста (На материале англоязычных художественных текстов) // Сборник научных трудов памяти Н. П. Федоровой. СПб. : СПбГУ, 2013. С. 89—95.
4. Седов К. Ф. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. 320 с.
5. Anderson M. D. The Wild Arabian. URL: [http:// goodreads.com](http://goodreads.com) (дата обращения: 20.05.2019).
6. Sobol D. J. Encyclopedia Brown Boy Detective. URL: [http:// goodreads.com](http://goodreads.com) (дата обращения: 10.05.2019).

Е. М. Григорьева

НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЯХ

Статья посвящена такому лингвистическому явлению как неологизмы. Их возникновение в языке обусловлено появлением новых реалий. Отдельные неологизмы, которые начинают активно употребляться в речи, становятся частью общеупотребительной лексики. В статье рассматриваются основные способы образования неологизмов, приводятся группы неологической лексики, а также рассматривается регистрация подобных лексем в словарях (на примере Cambridge Dictionary Online).

Ключевые слова: неологизм, словарь, общеупотребительная лексика, помета, иллюстративный пример, заимствования.

The article is devoted to neologisms. Their appearance in the language is connected with new realia. Some neologisms, widely used in everyday speech, can become a part of common lexis. The main ways of neologisms formation are studied in the article as well as different groups of neologisms and their reflection in dictionaries (Cambridge Dictionary Online).

Key words: neologism, dictionary, common lexis, label, illustrative example, borrowing.

В связи с развитием общества, появлением новых технологий, изменениями в общественной и культурной жизни появляются новые предметы (объекты). Для называния таких предметов необходимы новые лексические единицы, которые в лингвистике получают наименование неологизмы (греч. *neo* — новый, *logos* — слово).

Термин неологизм впервые появился в 1755 г. во французском языке, откуда после 1800 г. был заимствован в английский язык в следующем значении: употребление новых слов, инновации в языке, а также новое слово или выражение [1, с. 22].

Следует подчеркнуть, что сначала неологизмы могут быть известны лишь небольшому кругу лиц. Однако постепенно, когда предметы, обозначаемые этими словами, входят в повседневный оборот, неологизмы порой становятся частью общенародной лексики.

Такие лексемы возникают на основе имеющегося языкового материала и строятся по словообразовательным моделям, характерным для того или иного языка.

В современном английском языке отдельно выделяют несколько способов образования новых слов: фонологический способ, заимствования и морфологический способ.

При фонологическом способе образования неологизмов новые слова образуются из сочетаний звуков. Чаще всего данный способ используется в американском сленге. Например, глагол “to whee” (волновать) образован от междометия “whee” (обозначает восклицание радости и положительных эмоций).

Заимствования также становятся источником образования новых слов. Лексический состав английского языка пополняется именно за счет заимствований из различных языков, в том числе и русского. Примеры заимствований из русского языка: “dacha” (дача), “glasnost” (гласность).

Морфологический способ образования неологизмов заключается в том, что новые слова образуются из морфем рассматриваемого языка. Этот способ включает несколько разновидностей:

а) аффиксальный способ — это морфологический способ образования новых слов, при котором уже существующие суффиксы и суффиксы обретают новые значения:

- holic: “bookoholic” (человек, любящий читать);
- ian: “facebookian” (пользователь социальной сети Facebook);
- ization: “dollarization” (долларизация);
- ology: “peopleology” (наука, изучающая людей);
- cyber-: “cybercafe” (интернет-кафе);
- de-: “to deconflict” (предотвратить конфликт);
- mis-: “to mistext” (отправить сообщение по ошибке другому человеку);
- non-: “nonversation” (бессмысленный разговор);

б) словосложение представляет собой слияние двух основ: “antisocial networking” (добавление друзей в социальные сети ради количества);

“friend zone” (зона дружбы);

в) конверсия состоит в переходе слова из одной части речи в другую:

“to amazon” (совершать покупки на сайте Amazon.com);

“to starbuck” (пить кофе) [3, с. 64—65].

Как было отмечено ранее, тот или иной неологизм может перейти в разряд общеупотребительной лексики. Одним из условий его вхождения в состав подобной лексики становится его регистрация в словаре. По словам О. М. Карповой, словари новых слов английского языка появились под влиянием условий, сложившихся в национальной лексикографии. Они берут начало от словарей трудных слов, в которых получают регистрацию слова из латыни, господствовавшие на территории стран Западной Европы в Средние века. Примерами подобных справочников новых слов становятся “A Dictionary of Neologisms, 1941—1991”, 1995; Ayto J. “Movers and Shakers. A Chronology of Words That Shaped Our Age”, 2006 [2, с. 82].

В настоящее время особую популярность среди пользователей приобретают онлайн-словари, имеющие свои преимущества, среди которых доступность и быстрота получения информации. В таких словарях очень часто присутствует специальный раздел “New Words”, в которых представлена неологическая лексика. Одним из таких словарей становится Cambridge Dictionary Online [4]. В этом словаре регулярно появляются новые слова английского языка, регистрируемые в разделе “New Words”.

Неологизмы, представленные в разделе, относятся к различным сферам: *еда и приготовление пищи* (vegetable butcher, planetary health diet, LALS), *спорт* (plogging, immersive yoga), *чувства и эмоции* (koselig, firgun), *общение в социальных сетях* (textavism), *работа* (flexism), *лексемы, связанные с одеждой и стилем* (shrobbling, lampshading), *праздники* (landmarkation) и другие.

Словарная статья включает входную единицу, дефиницию, аппарат ДСФХ (грамматическая, фонетическая, региональная пометы), а также пример из источника (газета, журнал, телевидение), где было употреблено данное слово.

algocracy noun [U]

UK /,æɪ.'gɒk.rə.si/ US /,æɪ.'gɑ : .krə.si/

a social system where people are governed and important decisions are made by computer algorithms

Robots could use vast amounts of data and an insidious knowledge of ways to manipulate human behaviour to effectively take over vast swathes of our lives in what would effectively become rule by algorithm, or an ‘algocracy’, the head of the City watchdog has warned. [www.telegraph.co.uk, 11 July 2018]

cyberdefender noun [C]

UK /'saɪ.bə.dɪfən.dəʃ/ US /'saɪ.bə.dɪfən.dəʃ/

a person who takes actions to protect a workplace from cybercrime (=crime or illegal activity that is done using the internet)

To build the best line of defense for your business, you need to take a communal approach to your cybersecurity strategy. Cybercrime is modern crime; there is no silver bullet. That’s why everybody within your company needs to be a cyberdefender. [www.business.com, 1 November 2018].

Отличительной особенностью раздела становится введение после словарной статьи анкеты для пользователя, в которой ему предлагается сделать выбор относительно возможности включения того или иного неологизма в словарь. Добавление подобной анкеты делает справочник и раздел ориентированным на пользователя, user-friendly.

Итак, в настоящее время неологизмы становятся частью языка, логично и правильно отражая политические, экономические, образовательные особенности, происходящие в современном обществе. Очень часто они характеризуются яркой эмоциональной окраской. Словари новых слов приобретают все большую популярность в настоящее время. Особое внимание уделяется созданию в онлайн-справочниках отдельных разделов, в которых представлена подобная лексика.

Библиографический список

1. Дубенец Э. М. Лингвистические изменения в современном английском языке. М. : Глосса-Пресс, 2003. 255 с.
2. Карпова О. М. Английская лексикография : учебное пособие. М. : Академия, 2010. 176 с.
3. Натарова Н. В. Неологизмы в современном английском языке // Альманах современной науки и образования. 2016. № 12 (114). С. 64—67.
4. Cambridge Dictionary Online. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 25.05.2019).

О. М. Карпова

ЕЩЕ РАЗ О ТИПОЛОГИИ СЛОВАРЕЙ (На материале английских словарей нового поколения)

Обобщаются авторитетные типологии английских словарей, предложенные отечественными и зарубежными учеными на рубеже XX—XXI вв. Выделяются основные параметры классификаций, предлагается авторская типология словарей на материале специальных словарей. Рассматриваются новые тенденции в классификации справочников нового поколения, продиктованные антропоцентрическим характером современной лексикографии.

Ключевые слова: типология, классификация, признак, параметр, словарь, общий, специальный.

The paper describes typologies of English dictionaries offered by Russian and foreign scholars in the XX-th — XXI-st cc. Different parameters of classifications are discussed and the author's dictionaries typology based on specialized dictionaries is offered. The paper covers recent tendencies in classification of new English dictionaries, caused by anthropocentric character of modern lexicography.

Key words: typology, classification, feature, parameter, dictionary, general, specialized.

Вопрос о типологии словарей всегда считался основным вопросом теории лексикографии, поскольку разнообразие жанров существующих справочников, способов регистрации и лексикографической обработки входных единиц изначально вызывал мысль о необходимости их классификации. Этот вопрос стоял во всех национальных лексикографиях, в том числе и английской, которая имеет богатую историю и самое большое разнообразие словарей различных типов и объемов, создание которых восходит к XVI в. [8].

Интересно отметить тот факт, что прикладная сторона английской лексикографии долгое время формировалась и развивалась без опоры на какую-либо теорию (за исключением теории литературного авторитета, когда нормой английского словоупотребления считался язык великих писателей: Чосера и Шекспира) вплоть до XIX в., пока в Англии не появилось Филологическое общество, которое занялось разработкой принципов формирования словарей английского национального языка [2, с. 33]. Тогда и появились первые классификации словарей английского языка, которые были **предписывающими** (т. е. их составители диктовали соотечественникам норму словоупотребления авторитетных писателей) и позднее, в XIX в. — **регистрающими** (фиксирующими все общеупотребительные слова английского языка) [2, с. 35].

К XX в. английская лексикография накопила значительный опыт по созданию не только авторитетных толковых словарей национального языка, но и обогатилась большим разнообразием специальных справочников: словарей языка писателей, пословиц, цитат, литературных памятников, фразеологических, сленговых, учебных, диалектных, словарей имен собственных, сочетаний, правильности речи и т. д., которые отличались как по составу, так

и оформлению мега-, макро- и микроструктуры и, безусловно, требовали классификации. Так в теории английской лексикографии впервые появилось самое простое деление словарей английского языка на **словари для общих и для специальных целей** [18, с. 39—40]. К первым относились нормативные толковые словари английского языка, ко вторым — все справочники, регистрирующие и обрабатывающие отдельные слои лексики (сленг, диалектизмы, идиомы, архаизмы, неологизмы и т. п.).

Следует отметить, что вопросами типологии словарей в прошлом веке занимались многие ученые, однако только в 30-е годы XX в. выдающийся советский лингвист Л. В. Щерба впервые в мировой лексикографии выдвинул теоретически обоснованную классификацию словарей [4], которая стала базой для последующих типологий во многих национальных лексикографиях, в том числе, и в английской. Для своего времени эта типология была вполне приемлемой и отражала основные характеристики лингвистических и энциклопедических справочников начала XX в. Однако с течением времени с появлением новых типов словарей она потребовала модификации и выделения новых параметров классификации, которые не были предусмотрены в типологии Л. В. Щербы.

Пожалуй, наиболее достойным продолжателем типологических исследований в области теоретической лексикографии стал С. Ландау, предложивший такие параметры классификации словарей, как: количество языков; финансирование словарных проектов; возраст пользователя; размер словаря; граница тематического охвата языкового материала; ограничение аспектов языка; входная единица и некоторые другие [12, с. 18—19]. Его классификация словарей долгое время оставалась образцом для создателей последующих поколений английских словарей, которые лишь добавляли параметры для характеристики существующих и вновь изданных справочников для общих и специальных целей [19].

На рубеже XX—XXI вв. в английской лексикографии вместе с изданием значительного количества монографий [16, 17] и учебников по английской лексикографии А. Бежуа [6], Х. Джексона [10], Б. Аткинс и М. Ранделла [5], обобщающих инновационные теоретические и прикладные проекты, появились и новые типологии словарей. Наряду с общепринятыми признаками классификации словарей они отличались такими новыми параметрами, как: формат, объем, размер словаря, критерии отбора лексики в словник, способы лексикографической обработки входных единиц и т. д.

Более того, в последнее время английская национальная лексикография пополнилась большим жанровым разнообразием справочников, которые выходят за рамки существующих классификаций и расширяют само понятие лексикографии до **reference science**, включающей составление новых справочных ресурсов (указателей, календарей и других справочных пособий). Такая ситуация привела к классификациям словарей не по одному, а по ряду признаков. Например, в современной английской лексикографии традиционное противопоставление словарей по объекту описания — **лингвистический /энциклопедический** словарь становится менее актуальным.

В связи с интенсивной миграцией населения в развитие страны из стран третьего мира и в связи с этим изменением понятия *native speaker* (а соответственно, и самого профиля пользователя) возникает промежуточный тип словаря — **толково-энциклопедический**, который совмещает черты одновременно лингвистического и энциклопедического справочника. Так,

в макроструктуру нового типа толкового словаря английского языка вводятся подробные грамматические очерки, а также культурные реалии, незнакомые новым членам общества, и другая экстралингвистическая информация, требующая толково-энциклопедического описания. Сюда входят наименования из заимствованных культур иммигрантов в целях сохранения их национальной идентичности: названия праздников, еды, напитков, танцев и т. п.

К одноязычным, двуязычным и многоязычным словарям примыкает вновь появившаяся разновидность справочника — **билингвализированный словарь**, который представляет собой перевод авторитетных английских словарных изданий на другие национальные языки.

Претерпевает изменение и признак **объема словаря**, по которому ранее выделялись большие (big), средние (concise) и малые (pocket) словари. Так, по запросам пользователя появляются справочники нового печатного формата — мини словарики (gem dictionaries), особенно востребованные студентами и школьниками из-за удобного формата и компактного представления материала.

Следует отметить, что авторы многих современных типологий словарей, не включая в классификационные параметры такой показательный признак, как **лексикографическая форма**, т. е. способ представления материала в словнике, который позволяет выделить конкордансы, индексы, глоссарии, толковые словари и тезаурусы. Более того, за последние годы в английской лексикографии развивается **гибридная лексикографическая форма** — алфавитно-понятийный словарь, который также следует учитывать при классификации словарей нового поколения, когда в целях оптимизации информационного поиска в одном томе объединяются алфавитный и понятийный способ расположения материала.

Следующие важные параметры классификации словарей — это **полнота/ дифференциальность словника** (по которому лингвистические и энциклопедические словари, представленные в различных лексикографических формах) будут иметь полную или дифференциальную макроструктуру. А **полнота/дифференциальность лексикографической разработки** входных единиц позволяет разделить современные словари английского языка на полные и дифференциальные по лексикографической разработке слова (в зависимости от его лексикографической формы).

С развитием в новом веке наряду с профессиональной лексикографией таких направлений, как волонтерская, партнерская, рецензирование словарей и т. п. появляются и новые классификационные параметры. Среди них особую важность имеет параметр **междисциплинарности**, который отражает связь современной лексикографии с другими науками. В первую очередь, — с новыми информационными технологиями, культурологией, терминоведением и т. п. [14, с. 26].

В XXI в. особо интенсивно развиваются специальные словари английского языка: языка писателей, цитат, сленга, пословиц, терминов различных предметных областей и др. [1, с. 41], где первостепенную роль играют учебные словари английского языка, поскольку с постоянно возрастающей ролью английского языка как языка межнационального общения, приходит интерес к использованию учебных словарей английского языка в процессе обучения лексике и грамматике. Учебная направленность многих других групп справочников также усиливается, требующая выделения в новых классификациях словарей признака **учебной направленности** словаря [9]. Появляются различные типы учебных лингвистических справочников:

лексической и грамматической сочетаемости, произносительные, идиом, фразовых глаголов и т. д., а также большое количество учебных терминологических словарей для студентов неязыковых вузов и т. д.

Безусловно, в век цифровизации (диджитализации) общества [11] наблюдается интенсивное развитие Интернет лексикографии и создание разнообразных электронных справочных ресурсов и порталов, которые требуют новых классификаций словарей и, соответственно, введения новых параметров [7]. Самое простое деление всех существующих лингвистических и энциклопедических одноязычных и двуязычных словарей для общих и специальных целей производится **по новому формату представления материала в словаре** на печатный, электронный (на компакт диске) и он-лайн словарь [13, 15].

Более того, в связи с изучением запросов и требований пользователей словарей английского языка нового поколения не только через анкетирование, но и программу окулографии (отслеживание количества обращений к определённом справочнику в Интернете), все классификации выдвигают параметр **адресата** словарей на первое место [3, с. 168].

Таким образом, в настоящее время тип словаря современного английского языка можно определить только сочетанием ряда признаков, среди которых предлагаются следующие:

- адресат или целевая группа пользователей,
- формат представления материала в словаре.
- объект описания входных единиц,
- общий или специальный характер словаря,
- междисциплинарность,
- язык,
- объем словаря,
- его лексикографическая форма,
- полнота/дифференциальность словника,
- полнота/дифференциальность лексикографической разработки слова,
- учебная направленность словаря.

В заключении отметим, что репертуар классификационных параметров, безусловно, будет меняться с появлением новых типов словарей английского языка и с развитием теоретической и прикладной лексикографии вообще, и английской, в частности.

Библиографический список

1. *Денисов К. М., Карпова О. М.* Современная мировая лексикография и эволюция ее научной парадигмы // Вестник Ивановского государственного университета. 2018. Вып. 1 (18). С. 39—44.
2. *Карпова О. М.* Английская лексикография : учебное пособие для студ. выс. учеб. заведений. М. : Академия, 2010. 175 с.
3. *Карпова О. М.* О новом типе словаря в современной лексикографии // Материалы Международной научно-практической конференции «Культура языка и экология слова: русский язык в XXI веке», посвящённой памяти Льва Ивановича Скворцова (1934—2014). 15—16 апреля 2016 года / Владимирский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Владимир, 2016. С. 167—171.

4. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность / ред. Л. П. Зиндер, М. И. Матусевич. Л. : Наука, 1974. С. 413—418.
5. Atkins B., Rundell M. The Oxford Guide to Practical Lexicography. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2008. 552 p.
6. Béjoint H. The Lexicography of English: Origins to Present. Oxford : Oxford University Press, 2010. 458 p.
7. Granger S., Paquot M. Electronic Lexicography. Oxford : Oxford University Press, 2012. 532 p.
8. Cowie A. P. The Oxford History of English Lexicography. Oxford : Oxford University Press, 2008. 1312 p.
9. Heuberger R. Learner`s Dictionaries. History and Development; Current Issues // Oxford Handbook of Lexicography / ed. by P. Durkin. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 24—32.
10. Jackson H. Lexicography. An Introduction. London ; New York : Taylor & Francis e-Library, 2003. 190 p.
11. Karpova O. Russian Lexicography in the Era of the Internet // The Routledge Handbook of Lexicography / ed. by Pedro A. Fuertes-Olivera. London ; New York : Routledge, 2018. P. 619—635.
12. Landau S. I. Dictionaries. The Art and Craft of Lexicography. Cambridge : University Press, 1996. 370 p.
13. Lew R. Research into the Use of Online Dictionaries // International Journal of Lexicography. 2015. Vol. 28, N 2. P. 232—253.
14. Lexicography in the 21st Century” / ed. by S. Nielsen, S. Tarp. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2009. 341 p.
15. Nesi H. The Demands of Users and the Publishing World: Printed or Online, Free or Paid for? // The Oxford Handbook of Lexicography / ed. by Ph. Durkin. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 579—589.
16. The Routledge Handbook of Lexicography / ed. by Pedro A. Fuertes-Olivera. London ; New York : Taylor & Francis Group, 2018. 809 p.
17. The Oxford Handbook of Lexicography / ed. by P. Durkin. Oxford : Oxford University Press, 2016. 700 p.
18. Svensen B. Practical Lexicography. Principles and Methods of Dictionary-Making. Oxford : Oxford University Press, 2008. 285 p.
19. Swanepoel P. Dictionary Typologies: A Pragmatic Approach // A Practical Guide to Lexicography / ed. by P. van Sterkenburg. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Co. 2003. 459 p.

ББК 81.432.4-003

И. В. Кокурина, М. В. Ополовникова

ЛОГИЧЕСКАЯ ЧАСТИЦА *SCHON* КАК МАРКЕР НАРУШЕНИЯ ДИНАМИЧЕСКОГО ФРЕЙМА

Рассматриваются темпоральные логические частицы, маркирующие отступление от стандартной реализации фрейма-сценария; выделяются несколько видов нарушений темпоральных связей между элементами сценария, которые представлены ядерным элементом и коррелятом частицы *schon*.

Ключевые слова: логические частицы, коррелят, нарушение нормы, фрейм, сценарий.

The article deals with temporal logical particles that mark the deviation from the standard implementation of the frame-script; distinguished are several types of violations of temporal relation between the elements of the script represented by the kernel element and the correlate of the particle *schon*.

Key words: logical particles, frame, script, correlate, norm violation.

Когнитивная лингвистика, как одно из наиболее актуальных и значимых направлений современного языкознания, занимается изучением знаний, которые человек использует в процессе языковой коммуникации, и рассматривает структуры их организации и способы оперирования ими. Отмечается, что знание структурировано и организовано определенным образом, и именно это позволяет нам использовать его в новых контекстах, а также генерировать новые знания [2, с. 25]. Элементы и структуры знаний, которые были накоплены и используются человеком, определяются в различных работах как прототипы, фреймы, схемы, сценарии и др. Наиболее распространенным термином является фрейм, который дефинируется по-разному: как структура знания о типизированном объекте или стереотипной ситуации [6, с. 7]; унифицированная конструкция знания [9, с. 54]; один из способов представления стереотипной ситуации [5, с. 289]; единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия [3, с. 188]. Отмечается также конвенциональная природа фреймов, согласно которой они могут определять и описывать то, что в том или ином обществе является «типичным» и «характерным» [1, с. 17].

Традиционно выделяют статические и динамические фреймы. Динамические когнитивные структуры (фреймы-сценарии) характеризуются «наличием (1) базового элемента — элемента действия, (2) темпоральных связей и (3) каузальных связей между отдельными элементами» [7, с. 163]. Иными словами, динамический фрейм — это когнитивная структура, основанная на вероятностном знании о типических ситуациях, а также на ожиданиях в отношении свойств и взаимосвязей реальных или гипотетических объектов, базирующихся на этих знаниях. Сценарии характеризуются конвенциональностью и ситуативной привязанностью. Они организуют поведение и его интерпретацию [4, с. 152, 153].

Однако в реальной жизни развитие ситуации не всегда соответствует нашим представлениям о типичном протекании того или иного события.

© Кокурина И. В., Ополовникова М. В., 2019

В качестве языковых маркеров такого нарушения можно рассматривать логические частицы. Н. А. Торопова отмечает, что данные лексемы могут выполнять функцию «актуализаторов тех фреймов, которые отражают общепринятые правила и нормы разных сторон жизни человека» [8, с. 19]. Автор также указывает, что использование частиц указывает на отступление от обычных норм и, как правило, негативную оценку. В качестве яркого примера можно рассматривать темпоральные частицы, которые, в силу своей семантики, маркируют нарушение во временной последовательности действий, являющихся компонентами динамического фрейма. Проиллюстрируем это на материале немецкого языка на примере частицы *schon* ‘уже’ при глаголе.

Выделяя в качестве ядерного элемента глагол, частица *schon* соотносит его с действием другого глагола (коррелята) и маркирует различные виды отступления от типичного сценария: действие, выраженное ядром частицы, происходит слишком рано (ранее коррелята); действие, выраженное ядром, происходит слишком быстро (позднее коррелята); действие, выраженное коррелятом, происходит слишком поздно; действие, выраженное коррелятом, не является стандартным компонентом сценария. Рассмотрим эти варианты подробнее.

В ряде случаев между элементами сценария нарушаются темпоральные связи и эти элементы меняются местами:

(1) “Also gut. Danke, ich komme gern”. “Dann bis morgen“, ruft er vergnügt und **hat schon aufgelegt**, bevor ich noch *etwas sagen kann*. — «Ну хорошо, я приду, спасибо». «Тогда до завтра», — крикнул он удовлетворённо и **уже положил трубку**, прежде чем я успел еще *что-то сказать*.

В качестве ядерного элемента логической частицы *schon* выступает сказуемое *auflegen* ‘повесить трубку’ и соотносит его с другим действием, эксплицитно представленным в контексте (*sagen* ‘сказать’). Оба действия можно сопоставить с фазами типичного фрейма-сценария «Телефонный разговор», заключающего в себе знание о стандартном протекании ситуации. Однако, вопреки логической пресуппозиции, разговор идет не по плану: герой ещё не закончил общение, поэтому он не ожидал, что его собеседник так быстро повесит трубку. В приведённом случае не выполнены конвенциональные условия коммуникации, т. к. прежде чем прекращать разговор, нужно дослушать говорящего и попрощаться с ним, и только потом вешать трубку. При этом именно частица *schon*, обладая темпоральной семантикой, подчёркивает нарушение реализации данного сценария в представленной ситуации, показывая, что действие, выраженное ядерным элементом, произошло ранее действия, выраженного глаголом-коррелятом, хотя согласно сценарию должно быть наоборот.

Следует отметить, что в ряде случаев логическая частица *schon* с темпоральным значением выделяет в качестве ядра действие, которое следует за действием коррелята, а не предшествует ему. Тем не менее, в таких ситуациях также может наблюдаться несоответствие стандартному фрейму-сценарию, так как его элементы на временной оси слишком быстро следуют друг за другом:

(2) Kaum *präsentiert*, **schon war** der Bugatti Divo *ausverkauft*. — Едва закончилась презентация, как Бугатти Диво **был уже распродан**.

В примере (2) лексема *schon* выделяет сказуемое *ausverkauft sein* ‘быть распроданным’, которое является ее ядерным элементом, и соотносит его с лексической единицей *präsentiert* ‘быть представленным’. Оба действия

следуют друг за другом в непривычно быстром темпе. Именно логическая частица маркирует несоответствие пресуппозиции ожидания, т. к. молниеносная распродажа товара при его появлении на рынке не является типичной ситуацией, а воспринимается как нечто особенное, необычное. Такое положение вещей вступает в противоречие с нашими знаниями, которые структурированы в виде фрейма-сценария: при продвижении товара на рынке требуется определенное время для его реализации. Столь быстрая продажа всех машин премиум класса вызывает удивление, поскольку не соответствует нашим представлениям.

Особый интерес представляют случаи, в которых частица *schon* выражает оценочное временное значение ‘поздно’, характеризующее коррелят, а не ядерный элемент. Иными словами, логическая частица *schon* в ряде примеров маркирует не раннюю реализацию действия, выражаемого ядерным элементом, а нетипично позднее возникновение другого действия, которое выражено логическим противочленом:

(3) Wir haben immer aufgeregt auf den Vater gewartet. Doch als er da war, haben wir ihn an dem Tag fast so gut wie gar nicht gesehen, weil er zuerst bei der Oma, dann bei dem älteren Bruder und bei fast allen älteren Verwandten war. Als er nach Hause kam, waren wir **schon** eingeschlafen. — Мы всегда с волнением ждали папу. Но в день приезда мы его совсем не видели, поскольку он сначала навещал бабушку, потом был у старшего брата и почти у всех старших родственников. Когда он *пришёл домой*, мы **уже** спали.

Согласно фрейму-сценарию «Возвращение на родину» глава семьи сначала приходит к себе домой, чтобы увидеть детей и жену. Однако в примере (3) мы наблюдаем отклонение от данной конвенциональной нормы. Именно частица *schon* является ярким языковым средством, маркирующим это нарушение. Частица соотносит ядерный элемент *schlafen* ‘спать’ с логическим коррелятом *kommen* ‘приходить’. При этом нельзя утверждать, что частица выделяет неожиданно раннюю реализацию действия *schlafen*, т. к. контекст подтверждает обратное: герой навещал сначала других родственников, что обусловило его позднее возвращение домой к семье. Он пришёл так поздно, что дети уже спали. Таким образом, можно сделать вывод о том, что частица *schon* указывает в данном примере на противоречие имеющейся ситуации и пресуппозиции ожидания, т. е. имеет значение ‘позднее, чем следовало ожидать’.

Логическая частица *schon* может фокусировать внимание на нарушении фрейма-сценария также в тех случаях, когда появляется действие, нетипичное для данной ситуации. Иными словами, частица подчёркивает полную неожиданность появления действия, выраженного коррелятом, в связи с его инородностью в каком-либо сценарии, например:

(4) Die Kinder sangen uns einige Lieder vor. Als Dank übergaben wir dem Direktor der Schule ein kleines Geschenk. **Schon** wollten wir uns verabschieden, wurden Plastikstühle herbeigebracht. Wir wurden aufgefordert uns zu setzen. Und dann erwartete uns ein halbstündiges Spektakel mit traditioneller kambodschanischer Musik und verschiedensten Tanzvorführungen. — Дети спели для нас несколько песен. В благодарность мы передали директору школы небольшой подарок. Мы **уже** хотели *попрощаться*, как нам *принесли* стулья и попросили сесть. Затем нас ждал получасовой спектакль с традиционной камбоджийской музыкой и различными танцами.

Частица *schon* маркирует в качестве ядерного элемента сказуемое *sich verabschieden wollen* 'собираться прощаться' и соотносит его с противочленом *herbeibringen* 'приносить'. При этом невозможно утверждать, что действие, маркируемое частицей в качестве ядра, происходит ранее ожидаемого времени. Нельзя также сказать, что действие, выраженное коррелятом, реализуется позднее, чем оно ожидалось, т. к. оно вообще не является элементом сценария. Выделяя ядерный элемент, частица подчёркивает нарушение типичной ситуации и появление её нового компонента: когда визит в организацию заканчивается, и гости дарят подарок, все присутствующие обычно прощаются и расходятся. Тот факт, что в это время приносят стулья и начинают показывать спектакль, противоречит традиционным представлениям о ходе официальной встречи и является неожиданным для европейских гостей.

Таким образом, логические частицы можно рассматривать как языковые маркеры нарушения общепринятых норм, закреплённых во фреймах-сценариях. Подводя итог, отметим, что частицы могут маркировать отступление от нормы при актуализации не только динамических, но и статических фреймов, что может являться перспективой дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989.
2. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17—33.
3. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Изд-во МГУ, 1996.
4. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003.
5. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23. С. 281—309.
6. Минский М. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия, 1979.
7. Полатовская О. С. Фрейм-сценарий как тип концептов // Вестник ИГЛУ. 2013. № 4. С. 161—166.
8. Торопова Н. А. Фреймы, смысл, оценка // Высказывание и его аспекты. Иваново, 1991. С. 16—21.
9. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23. С. 52—92.

ББК 83.3(4Фра)5-117

А. Н. Таганов

**РЕАЛЬНОЕ И МИСТИЧЕСКОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СЛОВЕ
ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА: «ПРОЩЕННЫЙ МЕЛЬМОТ»**

В статье на примере новеллы «Прощенный Мельмот», входящей в «Философские этюды» «Человеческой комедии» Бальзака, рассматриваются особенности художественной системы французского писателя, соединяющей в себе реалистически воспроизведенную и исторически обусловленную действительность и ее мистическое осмысление.

Ключевые слова: реализм, мистика, Слово-логос, мистическое Слово, трансгрессивный образ, универсальный хронотоп.

The article on the example of the novel “Forgiven Melmot”, which is a part of the philosophical etudes of Balzac's “Human Comedy”, examines the features of the French writer’s artistic system, which combines a realistically reproduced historically conditioned reality and its mystical interpretation.

Key words: realism, mysticism, the Word-logos, the mystical Word, transgressive image, the universal chronotope.

Обращаясь к изучению творчества Бальзака, нетрудно заметить, что оно воспринималось неоднозначно в разное время. Уже в XIX веке существовали полярные точки зрения по поводу бальзаковских творений. Так, Сент—Бёв в 1840 году в статье «Спустя десять лет в литературе» констатировал, что Бальзак, несмотря на успех его прежних романов и обещание написать еще 50 других, «скончался» как писатель¹. С другой стороны, Ф. М. Достоевский в 1838 году в одном из писем брату Михаилу замечает: «Бальзак велик! Его характеры — произведения ума вселенной!»².

В XX веке в литературоведении, особенно в отечественном, происходит своего рода канонизация Бальзака в качестве классика реалистического метода. На протяжении многих лет творчество Бальзака очень часто пытались уложить в однолинейные аксиологические схемы, отсекая одно, абсолютизируя другое. Вместе с тем, думается, что подобный подход, не исчерпывает всей сложности и многообразия проблемы.

Бальзаковское творчество построено по принципам, предполагающим существование наряду с объективной действительностью нетрадиционно понимаемого жизненного пространства, связанного с инопространством и потому нуждающегося как в Слове-понятийном, Слове-Логосе, так и в Слове мистическом, предполагающем таинственную универсальную первооснову.

Начиная, как правило, с максимально достоверного, насыщенного фактическим материалом, отображения социально-исторической данности, Бальзак в определенный момент подвергает его переосмыслению с позиций, сформированных сложными, по сути, мифотворческими представлениями писателя о жизни, которые заданы различными мистическими учениями,

© Таганов А. Н., 2019

¹ Сент-Бёв Ш. Спустя десять лет в литературе // Литературные портреты, критические очерки. М., 1970. С. 242.

² Бальзак в русской литературе. М., 1999. С. 57.

прежде всего — теориями Сведенборга. Этот переход происходит обычно через трансгрессивный образ, таящий в себе таинственное мистическое начало: волшебная кожа, деньги, золото и т. д. В их роли могут выступать также и образы, создающие интертекстуальный план: Иисус, Дон Жуан, Мельмот.

В качестве одного из примеров того, как исторически обусловленное время и пространство в произведениях Бальзака через действие трансгрессивных образов преобразуется в универсальное вневременное пространство, может служить новелла «Прощенный Мельмот» (1835) из «Философских этюдов», составляющих одну из частей «Человеческой комедии». Повествование совершает здесь своеобразные кульбиты, то обращаясь к реальностям исторической действительности, то уходя причудливым вывертом в сферу самой смелой фантазии.

В новелле возникает особый тип человека, теснейшим образом связанный с миром материальным, но при этом таящий в себе потенциальные возможности проявления физиологической природы, связанной с миром страстей. Главный герой — Кастанье, кассир банковской конторы «Нусинген и К°». Автор предельно достоверно и детально воспроизводит мир реальный, создавая иллюзию его эмпирической данности, в том числе — через точную топографию: банковская контора находится на улице Сен-Лазар. Кроме того — через хронологическую и историческую обозначенность, чему способствует биографический обзор прошлой жизни героя: он командир драгунского эскадрона, раненный во время сражения при Студзянке во время отступления наполеоновских войск из Москвы, о чем напоминает ленточка Почетного легиона в его петлице. Бальзак точно обозначает дату вступления кассира в должность — 1813 год.

Автор новеллы создает эмпирическую достоверность и через подключение к описанию реалий внешнего пространства различных чувственных восприятий. Эмпиризм достигает здесь максимального значения за счет того, что читатель получает информацию разными способами, посредством зрения и тактильную данность: «через решетку конторки можно было видеть шкаф из кованого железа, который благодаря изобретениям современного слесарного дела был так тяжел, что воры не могли его утащить»; через слух: «следуя инструкции, швейцар уже с четырех часов флегматически произносил: «Касса закрыта»; и посредством обоняния: «зловонная теплота, испускаемая собравшимися вместе людьми, занимает немалое место среди причин прогрессирующего вырождения умов: мозг, выделяя особенно много азота, в конце концов, отравляет другие мозги»³.

При этом Бальзак не только создает предельно убедительную картину действительности, но и комментирует ее, прибегая кразличного рода фактам, доказательствам, выстраивая повествовательную линию по законам логики, привлекая при этом стиль научного дискурса: «Есть такая порода людей, которую в мире общественном выращивает цивилизация, подобно тому, как в мире растительном цветоводы тепличным способом создают гибридную породу, не поддающуюся размножению ни путем посева, ни отводками. Мы имеем в виду кассира — некое человекообразное растение, которое поливают религиозными идеями, подпирают гильотиной, обстригают пороком, —

³ Бальзак О. де. Прощенный Мельмот // INFERNALIANA, Французская готическая проза XVIII—XIX веков. М., 1999. С. 261.

и растет себе оно на четвертом этаже вместе с почтенной супругой и надоедливыми детьми»⁴.

Но в определенный момент повествование, представляющее объективную реальность, через появление трансгрессивного образа — метьюриновского Мельмота — переводится в иное измерение: от Слова-логоса — к Слову мистическому.

Собственно, эта трансформация уже изначально заложена в конструкции художественной системы «Прощенного Мельмота». Образ кассира, его предельно обыденная должность, изначально возводится Бальзаком в разряд исключительных: «Многочисленные парижские кассиры всегда останутся загадкой для физиолога. Понял ли кто-нибудь задачу, где иксом является кассир? Как отыскать человека, который спокойно созерцал бы чужое богатство, отданное ему в руки, — ведь это все равно, что кошку посадить в одну клетку с мышью!». Идеальной средой обитания для кассира, по мысли автора, является Париж — «город-искуситель», «филиал ада»⁵.

Фантастическое здесь вырастает из обыденного. Париж становится дьявольской обителью греха и соблазна, а его сердцем — всемогущая биржа: «Есть такое место, где котируется королевская власть, где прикидывают на весах целые нации, где выносятся приговор политическим системам, где правительства расцениваются на пятифранковые монеты, где идеи и верования переведены на цифры, где все дисконтируется, где сам Бог берет займы и в качестве гарантии оставляет свои прибыли от душ человеческих, ибо у Папы Римского имеется там текущий счет. Если где покупать душу, то, конечно, там»⁶.

Появление по сути фантастического момента в эмпирическом мире для художественной системы Бальзака не оказывается необычным, чужеродным. По его убеждению, точно также они сосуществуют в объективной действительности. Ад и рай оказываются атрибутами и земного пространства. В связи с этим в новелле появляются и различного рода хронотопы: хронотоп реальной жизни переходит в универсальный хронотоп Слова мистического: «Праздничным чертогом была как бы вся земля, уже сотрясавшаяся у него под ногами» <...> Подобно Мельмоту, Кастанье мог в несколько мгновений очутиться в цветущих долинах Индостана, мог пронестись, как крылатый демон, над пустынями Африки и скользить по морям». Кастанье больше не принадлежит к виду людей, «скованных законами времени, места и расстояний». Новые его способности «изменили прежний характер связей между миром и им самим»⁷.

Такая особенность бальзаковского творчества позволяет писателю реализовать его воззрения на человеческую природу, в которой соединяются ангельское и демоническое начала, восходящие к инобытийному пространству: Кастанье обретает демонический дар ясновидения, что «позволяло ему постигать любой материальный предмет и самые сокровенные мысли любого человека, лишь только Кастанье устремлял на него свой взор <...>»⁸.

⁴ Там же. С. 259.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 286.

⁷ Там же. С. 280.

⁸ Там же. С. 280—281.

Это демоническое всезнание рождает осознание причастности к таинственному основанию жизни: «Его губы, как у Мельмота, пламенели от желаний, он задыхался от тоски по *неведомому*, ибо знал все»⁹.

Поскольку, как было отмечено, ад и рай, по мнению Бальзака, — атрибуты не только инобытия, но и земной жизни, а ангельское и демоническое заложено в самой природе человека, это переводит проблему нравственности в область универсальную, вечную. Перед Кастанье, как и перед любым человеком, возникает непреложный выбор между божественным и земным, между демоническим и ангельским, между добром и злом. Мистическое в рассказе о рядовом кассире переводит повествование в план нравственно-философский: «Ему тесно сделалось на земле, ибо адское могущество позволяло ему присутствовать при зрелище творения, сущность и цель которого он уже прозревал.<...> Он еще мог быть ангелом — и обретал в себе демона»¹⁰.

Экзистенциальные взгляды Бальзака, проявляющиеся в новелле «Прощенный Мельмот», в той или иной степени характерны для всех «Философских этюдов». Более того, нельзя не заметить, что и в текстах, не входящих в этот раздел «Человеческой комедии», мы зачастую наблюдаем то же. Золото, как трансгрессивный образ, ставит человека перед выбором ангельского или демонического начала, присутствующего в человеческой натуре. Так, например, происходит в «Евгении Гранде», в «Гобсеке» и других произведениях. Реальный человек у Бальзака оказывается вписанным в единую структуру Божественного. Соответственно, в художественном мире его «Человеческой комедии» план реального, хронологического, исторического сменяется планом мистических фантазий. Эта общая для всей конструкции бальзаковского произведения архитектура реализуется и в отдельных ее элементах. Различные персонажи создают общую структуру независимо от границ разных текстов, которые, в свою очередь, образуют единое целое, сформированное бальзаковским мироощущением, стремящимся соединить материальное и духовное, социально-историческое и вечно земное и небесное, демоническое и ангельское, Слово-логос и Слово мистическое.

Библиографический список

1. Бальзак в русской литературе. М. : Рудомино, 1999. 223 с.
2. Бальзак О. де. Прощенный Мельмот // INFERNALIANA, Французская готическая проза XVIII—XIX веков. М. : Ладомир, 1999. С. 259—290.
3. Сент-Бёв Ш. Спустя десять лет в литературе // Литературные портреты, критические очерки. М. : Художественная литература, 1970. С. 234—251.

⁹ Там же. С. 281.

¹⁰ Там же. С. 282.

ББК 63.3(2)53-21

К. Е. Балдин

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВЫСТАВКИ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Рассматриваются особенности устройства земских сельскохозяйственных животноводческих выставок в Костромской губернии — частоту их проведения, количество экспонентов, работу выставочных комитетов. Большинство участников этих выставок составляли крестьяне. Автор анализирует эффективность этих выставок для крестьян: здесь они постепенно расставались с консервативными взглядами на ведение хозяйства, знакомились с высокопродуктивными породами скота и методами ухода за ним.

Ключевые слова: земство, сельскохозяйственные выставки, русское крестьянство, агрономический персонал, животноводство, крупный рогатый скот, коневодство, пчеловодство.

The article discusses the peculiarities of agricultural livestock exhibitions in the Kostroma province — their frequency, the number of exhibitors, the work of exhibition committees. The majority of participants of these exhibitions were peasants. The author analyzes the effectiveness of these exhibitions for peasants: here they gradually parted with conservative views on the management of the economy, got acquainted with the highly productive breeds of cattle and methods of care.

Key words: zemstvo, agricultural exhibitions, Russian peasantry, agronomic personnel, cattle breeding, cattle, horse breeding, beekeeping.

К началу XX в. крестьянское хозяйство России находилось в состоянии, которое нельзя назвать удовлетворительным. Урожайность на большинстве наделных земель была невысокой, минеральные удобрения были почти неизвестны крестьянам. В животноводстве положение было немногим лучше. Крупный рогатый скот был малопродуктивным: надой молока низкими, качество его тоже оставляло желать лучшего.

Созданные по реформе 1864 г. земства первые вплоть до начала XX в. главное внимание уделяли развитию народного образования и здравоохранения в российской деревне, а также строительству и ремонту путей сообщения. Только в 1890-х гг. земцы поняли, что грамотный и здоровый крестьянин по определению не может быть одновременно бедным. Крестьянство своими силами было не в состоянии выбиться из нужды, т. к. сознание этого слоя населения и традиционные хозяйственные практики отличались консерватизмом, новые приемы ведения хозяйства внедрялись в этой среде очень

© Балдин К. Е., 2019

медленно. Разумеется, передовые технологии в полеводстве и животноводстве в России уже применялись, заимствовался западный опыт, но этот процесс происходил почти исключительно в помещичьих хозяйствах, при этом далеко не во всех.

На рубеже XIX—XX вв. российское земство начало оказывать все более расширяющуюся поддержку крестьянскому хозяйству, пытаясь повысить его эффективность. Земство для улучшения местного животноводства старалось внедрить посевы кормовых трав, улучшить общинные луга, использовавшиеся для выпаса. Органы общественного самоуправления предпринимали попытки улучшить породу крупного рогатого скота и других животных, старались продемонстрировать крестьянам лучшие образцы сельскохозяйственных животных, культуру правильного содержания их.

Большую роль в этой деятельности играли сельскохозяйственные выставки, которые в начале XX в. стали проводиться в Костромской губернии во все более широких масштабах. Крестьяне порой не верили на слово агрономам, которые выступали перед ними, относились недоверчиво к содержанию популярных брошюр, которые земство распространяло в их среде, но наглядная демонстрация на выставках передовых технологий, породистых сельскохозяйственных животных и т. п. убеждали крестьян гораздо больше, чем устная и печатная пропаганда органов общественного самоуправления.

Для начала попытаемся дать классификацию проводившихся в провинции выставок. В зависимости от состава экспонатов они могли быть пчеловодческими, животноводческими (чаще всего на них показывали крупный рогатый скот), сельскохозяйственными широкого профиля, на которых показывали достижения как животноводства, так и земледелия, а также универсальными, на них демонстрировались практически все успехи сельского населения, в том числе в сфере кустарной промышленности.

Например, в 1906 г. Макарьевское уездное земство провело животноводческие выставки в Кадые и КуССкой волости, Юрьевецкое земство — аналогичные экспозиции в Порзднях и Елнати, Кинешемское — животноводческую выставку, сопровождавшуюся аукционными торгами сельскохозяйственных животных. Что касается Кологривского земства, то оно устроило многопрофильную сельскохозяйственную и кустарную выставку, само название которой свидетельствует о максимально широком охвате различных отраслей крестьянского хозяйства [7, с. 1]. Аналогичные выставки традиционно проходили в Костромском уезде в селах Саметь и Мисково, здесь были отделы животноводства, т. е. крупного рогатого скота (КРС) и свиней, а также полеводства, огородничества, хмелеводства и кустарных изделий [8, с. 83].

Земство уделило много внимания также устройству юбилейной выставки, посвященной 300-летию царствования династии Романовых и состоявшейся в Костроме в мае 1913 г. Она была максимально многопрофильной, т. е. посвящалась не только всем отраслям сельского хозяйства, но и промышленности — мелкой кустарной, средней и крупной фабричной. Средства на нее отпустили как Костромское губернское земство, так и уездные органы местного самоуправления [12, 1912. № 1/2. С. 51—56]. Впрочем, на данной выставке мы не будем останавливаться подробно, т. к. это важное событие отнюдь не регионального масштаба подробно исследовано костромскими краеведами.

Среди специализированных выставок наиболее частыми были показы крупного рогатого скота. Корову держала почти каждая крестьянская семья,

в зажиточных семьях было не одному такому животному. В то время коровы были и у многих горожан. Для сравнения отметим, что козы были распространены значительно меньше, так же как свиньи и, тем более, овцы. Соответственно, специализированные выставки этим видам скота, а также по птицеводству проводились редко. Одним из редких исключений стала экспозиция домашней птицы и кроликов, происходившая в сентябре 1913 г. в Юрьевце.

Выставки были затратными мероприятиями и со временем сложился алгоритм их финансирования. В земской практике возникла традиция, заключающаяся в том, что, например, народное образование и здравоохранение финансировались, в основном, уездными земствами, а заботу об агрономических мероприятиях в помощь крестьянскому хозяйству брали на себя земства губернские. Они же, соответственно, финансировали и сельскохозяйственные выставки. Например, губернское собрание 1904 г. в Костроме отпустило 1200 р. тем уездным земствам, которые пожелают устроить у себя сельскохозяйственные экспозиции. Этими дотациями из губернского земского бюджета в 1905 г. воспользовались не все земства [7, с. 1]. В 1908 г. было отпущено по 300 р. на ставшие традиционными выставки достижений крестьянского хозяйства в селах Мисково, Саметь и Шунга в Костромском уезде [8, с. 87].

Определенную помощь губернским земствам на основе софинансирования оказывало профильное столичное ведомство. Причем со временем земцы обратили внимание на то, что из министерского бюджета давали на те или иные мероприятия вдвое меньше средств по сравнению с тем, сколько отпускало на них губернское земство. Так было на пчеловодческой выставке в Ветлуге в 1904 г. При этом оно просило Главное управление землеустройства и земледелия дать столько же, но реально получило только по 150 р. [3, с. 31].

Особенно масштабными в сравнении с этими тратами представляются расходы на сельскохозяйственную выставку 1913 г. в Кинешме, ставшую крупным событием в местной общественной жизни. Они составили 7024 рубля (!) Чтобы частично окупить их, обычная в таких случаях плата с посетителей была повышена с 5 к. до 10 к. Несмотря на это, публики на выставке было значительно больше, чем в предыдущие годы, только платных посетителей явилось около 10 тыс. чел. В целом, выручка от продажи билетов и из других источников составила 4014 р., что не компенсировало расходы на нее. Впрочем, в таких случаях земства и не рассчитывали на самоокупаемость [1, 1913, № 1. 28 сент. С. 13—14].

Организаторами выставок выступали не только органы местного самоуправления, но и специализированные общественные организации. Устроителем выставки домашней птицы и кроликов в Юрьевце в 1913 г. выступил Костромской отдел Императорского Российского общества сельскохозяйственного птицеводства. Это была солидная всероссийская организация, в названии ее стоял многозначительный эпитет «императорское». Это означало, что оно находилось под покровительством одного из членов династии Романовых. Это обстоятельство открывало для общества многие двери в бюрократических канцеляриях и придавало весомость ходатайствам, с которыми оно обращалось к тем или иным представителям власти. Отделы действовали в различных провинциальных городах, а правление общества находилось в Москве, а во главе его стоял великий князь Петр Николаевич — дядя царствовавшего в это время Николая II.

Однако, даже если организаторами выставок выступали общественные организации, без земств дело все равно никак не обходилось. В устройстве вышеупомянутой выставки птицы и кроликов в Юрьевце деятельное участие приняло уездное земство. Оно предоставило в ее распоряжение свое здание в центре города, взяло на свой счет половину расходов на ее устройство, в том числе украсило помещение зеленью и флагами. Земство также оплатило за доставку на выставку некоторых животных по 3 копейки за версту. Председатель Юрьевецкой земской управы В. П. Грибунин не только участвовал в организации этого мероприятия, но и дал для украшения ее цветы из своего сада. Выставка, разумеется, оказалась бы неполноценной без участия местных земских специалистов: уездного агронома М. А. Чехомова, участковых агрономов Юрьевецкого уезда, а также Г. Э. Реша, должность которого называлась «правительственный агроном» [12, 1913. № 11. С. 18—19].

Организаторами выставок выступали не только местные органы самоуправления и общественные структуры, большое значение имел личный фактор. Выставки пчеловодов в Костромской губернии были гораздо более частыми, чем в соседних, например, во Владимирской, и во многом это объяснялось энергичной деятельностью губернского пчеловода Г. А. Кузьмина. Именно он хлопотал перед начальством о разрешении на выставки, т. к. на открытие любой из них требовалось разрешение губернатора. Кузьмин по своей инициативе приглашал письмами известных ему пчеловодов, которые могли показать на выставках что-либо полезное и поучительное [2, с. 14].

Необходимо остановиться на временной и пространственной локализации сельскохозяйственных выставок. Традиционно несколько лет подряд проводились обязательно в летний сезон многопрофильные выставки в Самети, Мискове и Шунге — трех крупных селах Костромского уезда, известных товарным производством разнообразной сельхозпродукции. Но потом губернское земское собрание решило устраивать их раз в два-три года, а вот выставки племенного молодняка КРС там же устраивать ежегодно [8, с. 83—87, 144]. Эти смотры местных достижений проходили весной и непременно в разные дни, чтобы одни и те же экспоненты могли побывать на всех трех выставках. Первоначально местом проведения были только Мисково и Саметь, потом место Самети нередко занимала располагавшаяся совсем недалеко Шунга [9, с. 7; 11, с. 81].

Земские органы в течение нескольких лет пришли к обоснованному выводу о том, что нецелесообразно гнаться за количество выставок и устраивать их ежегодно в каждом уезде в нескольких селах. Было решено, что их надо проводить меньше, но более тщательно готовить, обеспечивая щедрым финансированием. Например, в 1913 г. в Солигаличском уезде было проведено четыре однодневные выставки КРС — в уездном центре, в Зашугомской, Плещеевской и Чудцовской волостях. Опыт их устройства убедил солигаличских земцев в том, что следует сосредоточить всю племенную работу и все средства на нее в Плещеевской и Чудцовской волостях, проводя выставки именно там. Хотя на земском собрании представители Солигалича и Зашугомской волости дружно отстаивали необходимость проведения выставок и у них тоже, но большинство гласных решило ограничиться двумя вышеуказанными местами [12, 1913. № 10. С. 35—36; 1914. № 5. С. 35].

Пчеловодческие выставки, так же, как и животноводческие, проводились в теплое время года, с мая по сентябрь. В это время можно было с го-

раздо большими удобствами доставить экспонаты на выставку и тем обстоятельством, что в зимнее время жизнь на пасеке замирает. Например, выставка, устроенная Костромским обществом пчеловодства в большом фабричном селе Родники Юрьевецкого уезда проходила с 9 по 14 мая 1905 г., а общегубернская выставка в Костроме в 1909 г. длилась с 20 по 25 сентября [4, с. 4; 6, с. 164].

Выставки пчеловодов, как и животноводческие, стали регулярно проводиться в самые первые годы XX в., становясь все более частыми. Первоначально их устраивали как в уездных городах, так и в крупных промысловых селах для того, чтобы экспозиции были максимально приближены к тому посетителю, которого земцы хотели увидеть на этих выставках — рядовому крестьянину. В 1903 г. в Костромской губернии выставки проводились не только в таких уездных центрах как Нерехта, Галич, но и в крупных селах. Но губернское земство почему то сочло, что посетителей на сельских выставках мало и решило, что в дальнейшем надо проводить выставки в городах, прежде всего — более крупных по численности населения — Костроме, Кинешме, Галиче, Юрьевце и др. [2, с. 15, 18]

Для того, чтобы любая выставка обрела популярность, она должна быть соответствующим образом оформлена, рационально спланирована и эстетически привлекательна. Практически ежегодно устраивались уездные земские выставки в Кинешме. Особенно удачной была экспозиция, развернутая в последний предвоенный год, т. к. в 1913 г. земская управа уделила особенно большое внимание ее устройству, не пожалев денег на это. Результатом стал, по свидетельству земского периодического органа, «выдающийся успех» этой выставки. Земцы еще в 1912 г. начали приводить в порядок ее территорию, неудобные и неэстетичные постройки были заменены «стильными павильонами». В 1913 г. накануне выставки был построено большое здание для сельскохозяйственного отдела. Также появилась эстрада для оркестра, здание буфета и вышка для большого бака, от которого питался находившийся здесь же фонтан. Был устроен также обширный скотный двор для сельскохозяйственных животных, которые содержались на выставке несколько дней [1, 1913. № 1. 28 сент. С. 13—14].

У каждой выставки были свои руководящие органы. Распорядительный комитет хлопотал о получении разрешения, осуществлял материальное обеспечение, организовывал выставочное пространство и следил за порядком. Учитывая важность таких мероприятий в провинции, распорядительные комитеты в уездах чаще всего возглавляли председатели земских управ. В 1904 г. в Ветлуге во главе такого органа стоял А. И. Яблочков, в 1905 г. в Костроме — В. С. Соколов, они руководили исполнительными органами соответствующих уездных земств [3, с. 31; 4, с. 28].

Наряду с этим на каждой выставке работали экспертные комитеты. В них входили люди, которые профессионально разбирались в той или иной отрасли хозяйства, представленной на выставке. В 1903 г. в Варнавинском уезде на выставке пчеловодства в с. Баки экспертов возглавлял председатель уездной земской управы князь А. П. Трубецкой, а в с. Тоншаеве того же уезда — земский начальник П. И. Збруев [2, с. 29]. На губернской выставке в Костроме в 1909 г. в состав экспертного комитета входили: костромской губернский пчеловод Г. А. Кузьмин, его коллега из Могилевской губернии Г. В. Беркин, известный учитель-пчеловод А. П. Виноградов [6, с. 171].

Об успехе или неуспехе выставок в значительной степени свидетельствовала их посещаемость. В 1909 г. на пчеловодческую выставку в Костроме пришли около 3 тыс. чел., в то время как предыдущая такая же выставка привлекла всего 1250 чел. Вероятно, такой наплыв посетителей объяснялся продуманной рекламой мероприятия и тем, что оно проводилось в престижном для губернского центра помещении Общественного собрания. Пояснения интересовавшимся давали сами экспоненты и земские пчеловоды. Скопление публики было настолько большим, что кто-то сумел незаметно похитить из экспозиции несколько образцов меда и прополиса [6, с. 171].

Значительный интерес к выставке птицы и кроликов проявили жители города Юрьевца и его уезда. Публика посещала ее еще до открытия, когда экспозиция только монтировалась. В день открытия — 8 сентября 1913 г. утром в присутствии руководителей уездного земства и гостей из Костромы, был проведен торжественный молебен. В первый же день выставку посетило 3 тыс. чел, во второй — 2 тыс. чел. Все население Юрьевца в это время составляло всего около 5 тыс. чел. [12, 1913. № 11. С. 19]

Остановимся подробнее на экспонентах и экспонатах сельскохозяйственных выставок. В этом отношении особенно представительными были мероприятия универсального характера. Традиционно радовала разнообразием экспонатов выставка в Самети, хотя это был не город, а крупное село в Костромском уезде. Помимо традиционных коров и свиней, здесь были представлены кролики, куры, утки и гуси. Специалитет этого села состоял в выращивании картофеля, из которого потом здесь же вырабатывали крахмал. На выставке 1908 г. в отделе огородничества действительно были представлены, в основном, картофель и капуста. Причем здесь демонстрировались новые для того времени сорта картофеля — «Силезия», «Лев», «Микадо» и др. На выставке в соседнем селе Мисково выделялся отдел хмелеводства с образцами этой культуры [8, с. 85—86].

Еще одной весьма представительной универсальной выставкой в Костромской губернии была та, которая проводилась в городе Кологриве. Здесь, наряду с сельскохозяйственными животными и продукцией земледелия, демонстрировались машины и орудия для обработки земли. Это объяснялось тем, что в Кологриве работало сельскохозяйственное техническое училище им. Ф. Ф. Чижова, учащиеся и работники которого изготавливали такого рода технику в мастерских учебного заведения. На выставке машины демонстрировались на практике. Многочисленная публика наблюдала за работой соломорезки, ручного сеного прессы, сортировки, льняной трещотки (приспособления для очистки льняных семян) и других механизмов [7, с. 1—3].

Как уже отмечалось выше, самыми распространенными специализированными выставками были животноводческие, в первую очередь — для показа крупного рогатого скота. По своему происхождению выставленные животные обычно были местными, или, как говорилось в отчетах, «доморощенными». Из нескольких десятков голов, которые были приведены на выставки в Шунгу и Мисково (Костромской уезд) в 1909 г., всего шесть были специально приобретены в Ярославской губернии. В это время указанный соседний регион являлась важным рассадником породистого скота. Сравнение крестьянского и городского скота на этих выставках убеждало в том, что в городе качество животных заметно выше. В частности, они давали значительно больше молока.

В отчетах о выставках говорилось, что все допущенные на них животные подвергались «предварительному измерению», т. е. фиксировалось то, что у человека называется «антропологическими данными»: рост, вес, длина тела, окрас и т. п., оценивался экстерьер животных в целом. Особое внимание обращалось на развитие молочных органов, указывалось количество молока, которое давала та или иная корова, его жирность. Эти данные фиксировали контроль-ассистенты, работавшие на каждой выставке [12, 1913. № 10. С. 36; 10. С. 67].

Экспозиционные концепции представлялись земским гласным и земским же специалистам по-разному. На уездном земском собрании 1913 г. в Солигаличе местный агроном убеждал гласных в том, что главной целью выставок должно стать поощрение выращивания хорошего молодняка, в том числе бычков-производителей. В связи с этим он предлагал допускать на выставки только молодняк. Ему возражали гласные, представлявшие те волости, в которых крестьяне активно занимались животноводством. Они, в свою очередь, рассматривали регулярные земские экспозиции по животноводству как смотры уже имевшихся достижений с поощрением лучших. Эти гласные добивались, как остроумно выразился губернский земский журнал, «равноправия всех коров» и сумели достичь своей цели: в принятом постановлении говорилось о том, что на выставки допускается скот всех возрастов [12, 1914. № 5. С. 35—36].

Особняком среди других животноводческих выставок Костромской губернии стояла специальная выставка-аукцион, которая проводилась в Кинешме в 1905 г. На ней были представлены животные исключительно из помещичьих хозяйств. Их было не так много, но качество частновладельческого скота было высоким, а породы разнообразными. Наряду с чистокровными симментальскими, голландскими и альгаузскими коровами, здесь были выставлены на продажу и удачные метисы. Несколько животных были реализованы по довольно высокой цене. Выставка-продажа в Кинешме была приурочена к местной ярмарке и привлекла много посетителей [7, с. 2].

Сравнительно редкими в Костромской губернии были выставки, посвященные другим сельскохозяйственным животным, помимо крупного рогатого скота. Одним из таких исключений была выставка домашней птицы и кроликов, проведенная в Юрьевце в 1913 г. Наибольший интерес посетителей вызвали здесь птицы, привезенные на выставку из Костромы от губернского отдела Императорского Российского общества сельскохозяйственного птицеводства. Особенно выделялись куры породы Орпингтон от М. Н. Соколова, черные Лангшан А. Н. Лебедева, белые куры итальянские и породы Суссекс от И. И. Барашкова. Местные экспоненты не могли конкурировать с ними, однако, и они представили на выставку неплохие образцы. Это были куры-минорки Ф. М. Красильникова, куры Коко де Малин и Лангшан от И. А. Тулина. Последний представил группу молодых индеек — птиц, которые мало были известны тогда в глубокой провинции. На выставку были представлены также несколько голубей [12, 1913. № 11. С. 19—20].

Второй специализацией юрьевецкой выставки, наряду с домашней птицей, были кролики. Из Костромы И. С. Никитичев представил своих животных, которые выглядели значительно лучше кроликов ангорских, представленные юрьевчанами Е. М. Ошмариным и В. Н. Юдовым. В то же время, последние, будучи новичками в выставочных делах, заслуживали всяческого одобрения. В. Н. Юдов представил на выставку также кроличий

пух. По качеству он был хорошим, но отсортирован неважно. Несмотря на это, экспоненту был выдан за этот пух похвальный лист [12, 1913. № 11. С. 19].

Экспертный отзыв об этой выставке был опубликован в губернском земском журнале. Автор статьи отмечал, что выставка была не очень богата, но «для первого раза хороша». Он считал, что для полноты картины и для примера горожанам и крестьянам следовало бы выставить пулярд — откормленных кур «в убитом виде и с удаленными внутренностями», т. е. выражаясь современным термином — бройлеров. Также на выставке отсутствовало сортированное перо (куриное, утиное, гусиное, индюшачье), сортированный кроличий пух и выделанные шкурки этих зверьков. Автор считал, что на выставке неплохо было бы устроить буфет, где посетители могли отведать блюда из крольчатины, причем сравнить мясо откормленных и не откормленных кроликов. К сожалению, на выставке полностью отсутствовали гуси, что было удивительно, т. к. Юрьевец и многие села уезда располагались на Волге и ее притоках, подходящих для выращивания водоплавающих [12, 1913. № 11. С. 20].

Домашняя птица была представлена и на таких в целом универсальных выставках как экспозиции в селах Саметь и Мисково Костромского уезда в 1908 г. Здесь образцовые экспонаты выставил уже упомянутый выше Костромской отдел Императорского Российского общества сельскохозяйственно-го птицеводства. Это были куры породы Ланшан и Орпингтон, а также золотистые и серебристые Виондоты. Местные жители принесли на эту выставку своих кур, уток и гусей [8, с. 86].

Среди пчеловодческих выставок в Костромской губернии, вероятно, самой представительной в дореволюционный период была та, что прошла в 1905 году. В ней приняли участие 79 экспонентов. Не случайно специалисты считали, что это одна из лучших выставок в России в 1905 г. в своей номинации. Благодаря хорошо поставленной информации, в ней принимали участие, кроме пчеловодов Костромской губернии, представители не только соседних губерний — Владимирской, Ярославской, Нижегородской, Вятской, но и Петербургской, Московской, Псковской, Симбирской, Херсонской и даже очень далекой от Верхневолжья Самарканской области из Средней Азии. Характерно то, что выставка проходила в 1905 г., в разгар первой российской революции. Как видно, не все крестьяне занимались в это время разгромом помещичьих имений и захватом барских земель [4, с. 19, 24—26].

Представительные сведения об экспонентах и о том, что они продемонстрировали, имеются в отчете о губернской пчеловодческой выставке 1909 г. в Костроме, хотя здесь было представлено всего 37 пчеловодов. По ней есть данные о степени представительности уездов самой Костромской губернии. Больше всего экспонентов (11) дал Костромской уезд, что было понятно, т. к. местным жителям ехать было недалеко. Три человека были из Юрьевецкого уезда, по два — от Буйского, Нерехтского, Макарьевского и Кологривского, всего по одному — от Варнавинского, Кинешемского, Солигаличского и Ветлужского. Всего экспоненты выставили 445 различных предметов, 97 образцов продуктов пчеловодства и 173 предмета «учебно-распространительного» характера, т. е. фотографии, книги, статистические данные в виде таблиц.

Среди активных экспонентов большинства пчеловодческих выставок губернии следует упомянуть фабриканта из Середы (ныне г. Фурманов Ива-

новской области) Григория Клементьевича Горбунова. Он представил фотографии своих пасек в Серее и усадьбе Миловке рядом с Плесом, отчет о ведении этих хозяйств, диаграммы пчелиного взятка за 6 лет, мед сотовый и центробежный, воскотопки, дымари разных видов и ульи различных конструкций: Дадана для одной и двух семей, Лайанса, квадратный улей Скобелкина. На той же выставке 1909 г. в Костроме крестьянин из села Вичуга К. А. Тихомиров представил приспособления для ловли трутней и пчелиных маток во время роения [6, с. 164—170].

На этой же выставке внимание посетителей привлекла богатая коллекция губернского музея пчеловодства, а также прополис провизора И. И. Церена из Кологривского уезда, устройство для окулирования пчел парами формалина, представленное учителем из Екатеринбургского уезда Пермской губернии В. С. Кокшарским [6, с. 171].

Основным продуктом пчеловодства, который присутствовал в экспозициях, разумеется, был мед. Причем объем представленного меда различался от стакана до объемистой кадки. Очень разнообразным был упомянутый выше так называемый «учебно-распространительный материал». На выставке 1905 г. в Костроме Леонид Алексеевич Потехин из усадьбы Орехово выставил книги из своей личной библиотеки, в том числе справочную книжку пчеловода, которую он сам составил. Л. А. Потехин являлся сыном известного русского писателя Алексея Антиповича Потехина [14].

Эффективность выставок была бы минимальной, если бы они ограничивались только «смотринами». Поэтому наиболее креативным экспонентам и экспонатам присуждались награды, использовались как материальные, так и моральные стимулы. На животноводческих выставках шире применялись денежные поощрения, пчеловодам присуждались в большей степени моральные награды. Чаще всего те и другие рационально сочетались друг с другом. Например, на упоминавшейся выше универсальной выставке в Кинешме по отделу коневодства было присуждено 17 медалей и похвальных листов, а также премии на сумму в 300 р. Всего же на этой выставке было выдано 66 медалей и похвальных листов, денежных же призов на 991 р. [1, 1913. № 1. 28 сент. С. 13]. Как свидетельствуют известные нам земские источники, медали присуждались только серебряные и бронзовые.

Награды присуждали экспертные комиссии, состоявшие из земских специалистов и опытных практиков. Что касается самих медалей и похвальных листов, то земства чаще всего запрашивали их из Главного управления земледелия и землеустройства в Петербурге отдельно на каждую выставку. По итогам нескольких лет костромским земцам показалось, что столичное ведомство высылает на места значительно меньше наград, чем они запрашивали, и некоторые достойные экспоненты оставались без всякого поощрения. В связи с этим губернское земство поставило вопрос о том, что необходимо с ведома столичного ведомства чеканить медали на местах, тем более, что они обходились не так дорого: изготовление бронзовой медали стоило всего 75 к., а серебряной — 2 р. Однако уже на следующий год чиновники из Петербурга в ответ на запрос на награды для выставки крупного рогатого скота в селах Мисково и Шунга Костромского уезда прислали их довольно много: 2 серебряных медали (с дипломами), 4 малых серебряных, 6 бронзовых и 10 красиво оформленных похвальных листов [8, с. 80; 9, с. 7].

Тем не менее, экспонатов становилось все больше, и наград все же не хватало для всех, достойных поощрения, поэтому земцы решили ходатайст-

довать о сотрудничестве в этой сфере перед различными значимыми общественными организациями. Например, в 1903 г. на целый цикл из 11 выставок, проводившихся в различных городах и селах Костромской губернии, были присланы из министерства всего 4 малых серебряных, 12 бронзовых медалей и 36 похвальных листов. Одновременно из столицы от Русского общества пчеловодов на каждую из 11 выставок было доставлено по одной серебряной и бронзовой медали и по 2 похвальных отзыва. Еще одна столичная общественная структура — Петербургское общество сельских хозяев тоже не осталось в стороне, учредив по 2 бронзовых медали и по 4 похвальных листа на каждую выставку.

В качестве своеобразных утешительных призов не получившим медали и похвальные листы выдавались свидетельства о «поощрительных» или «одобрительных» отзывах от экспертной комиссии, которая оценивала экспонаты. Эти документы можно сравнить с современными сертификатами участия [2, с. 15, 39; 5, с. 20].

Процедура оценки экспонатов осуществлялась посредством начисления баллов. Например, на выставке 1909 г. в Костроме богатый фабрикант Г. К. Горбунов, владевший масштабным пчелиным хозяйством в Середке и Миловке, тем не менее занял в своей номинации только 6-е место из 16, набрав 95 баллов из 130 возможных. Первое же место досталось крестьянину Андрею Матасову из Ильинской волости Костромского уезда. Мед его был признан по качеству лучшим на выставке. Как видно, он занимался этим хозяйством профессионально, при этом одновременно являлся председателем Кузьминского общества пчеловодов [6, с. 176].

Основания для присуждения тех или иных наград могли быть самыми разнообразными. Об этом свидетельствовали итоги пчеловодческих выставок, проводившихся в 1903 г. по всей губернии. В городе Галич малую серебряную медаль получил земский педагог из Николо-Березовского сельского училища за мед и «полезную деятельность по распространению пчеловодства», очевидно — среди местных крестьян. В с. Пыщуг серебряная медаль Русского общества пчеловодов была вручена крестьянину деревни Юдино С. Я. Воронцову «за насаждение рационального пчеловодства в своей Хорошевской волости и за в высшей степени полезные труды по распространению разборных ульев и представленные им на выставке пчеловодные принадлежности». На выставке 1905 г. в Костроме упоминавшемся выше землевладельцу Леониду Алексеевичу Потехину был вручен почетный диплом за его печатные труды [2, с. 30; 4, с. 29].

На многопрофильной выставке 1903 г. в Костроме в отделе пчеловодства участвовали 83 экспонента. Особенно много было здесь костромичей. Они же завоевали значительную часть наград. В частности, Костромское губернское земство получило золотую медаль «за выдающуюся организацию дела распространения пчеловодных знаний». Золотую медаль вручили губернском земскому пчеловоду из Костромы Г. А. Кузьмину. Одной из серебряных медалей был удостоен крестьянин Ветлужского уезда Иван Сивяков за мед, рассортированный по растениям, с которых он был собран, и в целом за постановку дела на его пасеке. Также нельзя было не отметить пчеловода из города Иваново-Вознесенска Д. Г. Потехина, который за представленный им мед получил бронзовую медаль Ярославского общества сельского хозяйства [13, 1903. № 6. С. 179—181].

Разумеется, кроме моральных поощрений использовались и денежные премии. На сельскохозяйственных выставках 1908 г. в Самети и Мискове Костромского уезда награды по отделу КРС составляли от 5 до 20 рублей за отдельное животное, позже на выставках в том же Мискове и Шунге выдавали уже по 20—30 рублей. Такие деньги были не лишними даже для весьма зажиточного крестьянина. Хозяева некоторых из этих животных получали премии за них неоднократно [8, с. 87; 9, с. 7, 14—27].

В целом, эффективность сельскохозяйственных выставок в Костромской губернии постепенно возрастала. Со временем земства поняли, что целесообразнее проводить выставки все же не в уездных центрах, а в селах для того, привлечь внимание крестьян, которые здесь составляли абсолютно большую часть аудитории. В Юрьевоцком и Макрьевском уезде первый такой опыт по демонстрации крупного рогатого скота оказался не слишком удачным, экспонаты в селах были не очень разнообразными, но зато привлекли внимание именно рядовых крестьян [7, с. 2].

Аналогичным образом обстояло дело с пчеловодческими выставками. Уже в первые годы XX в. они происходили не только в губернском и уездных центрах, но и в посаде Пучеж, а также в селах: Пыщуг Ветлужского уезда, Баки Варнавинского уезда, сельских поседениях Макарьевского и Кологривского уездов. Таким образом выставки были максимально приближены к той аудитории, на которую были рассчитаны. Для примера сравним посещаемость выставки в уездной Нерехте — 180 человек и в отдаленном селе Тоншаево Ветлужского уезда — 500 чел. [2, с. 15, 27]

Отпуская деньги на проведение выставок и оценивая их результативность, земство со временем убедилось в том, что они могут быть эффективными, если их ежегодно проводить в одних и тех же местах для того, чтобы местное население постоянно и воочию видело лучшие образцы в животноводстве, полеводстве, огородничестве и других отраслях сельского хозяйства [8, с. 86].

В ходе выставок земцам пришлось сталкиваться с веками усвоенным в крестьянской среде хозяйственным консерватизмом. В Солигаличском уезде обратили внимание на то, что крестьяне приводят на выставку почти исключительно коров. При этом быков они сюда вообще не доставляли, а молодняка было очень мало. Для того, чтобы преодолеть этот стереотип, Солигаличское уездное земское собрание в 1913 г. приняло решение о том, что в дальнейшем на выставки будет приниматься только молодняк, причем преимущественно бычки. Земские деятели с сожалением констатировали, что это решение было встречено крестьянами «как и все новое, враждебно», но, однако, заметили, что дело сдвинулось с мертвой точки и появился интерес крестьян к «преимущественному» скоту [12, 1913. № 10. С. 35—36; 1914. № 5. С 35].

Значение выставок состояло и в том, что в них в качестве экспонентов и посетителей принимали участие самые разнообразные слои населения. На этот счет сохранились подробные сведения об 11 пчеловодческих выставках, проходивших в 1903 г. Всего в них приняли участие 110 человек. Крестьян среди них было 56 чел., учителей — 12, духовенства — 11, помещиков — 9 и еще 22 человека разных сословий и профессий — чиновники, волостные писари, фельдшеры и др. [2, с. 15]

Эффективность проведения выставок, демонстрировавших лучшие экземпляры сельскохозяйственных животных, сказались в том, что многие крестьяне, державшие коров в значительной степени для получения

основного крестьянского удобрения — навоза, изменили свое отношение к животноводству. Благодаря повысившимся в начале XX в. ценам на мясо, масло и молоко, сельские жители стали держать КРС именно для получения высоких надоев и для продажи на убой [9, с. 8].

На выставках крестьяне получали представление о том, какие породы скота, какие сорта семена являются районированными для данной местности. Периодический орган губернского земства в одной из статей приводил такой пример: какой-либо крестьянин заводил породистую корову, но содержание ее не приносило ожидаемого эффекта. Поэтому он либо продавал ее за бесценок, либо пускал на убой. При этом крестьян думал, что это случилось «от сглаза» или же предполагал, что просто «не ко двору пришлась скотина». Между тем, на выставке знающие люди могли объяснить селянину, что та или иная порода просто не годится для данной местности [12, 1912. № 1/2. С. 55].

Подводя итоги, следует констатировать, что в российской провинции большинство сельскохозяйственных выставок в начале XX в. было организовано земствами. Они осуществляли организационную работу, экспертную деятельность, несли определенные финансовые затраты. Особенно большое значение имели животноводческие и пчеловодческие выставки, они знакомили крестьян с лучшими породами скота, с правилами рационального ухода за сельскохозяйственными животными, демонстрировали населению передовые технологии получения меда. В области пчеловодства Костромская губерния заметно опережала соседние, например, Владимирскую.

Российские крестьяне отличались большим консерватизмом в хозяйственной деятельности. Они не верили агроному на слово, поэтому земство не только устраивало беседы с крестьянами, а старалось наглядно продемонстрировать передовые технологии и другие новшества в земледелии и животноводстве и других отраслях хозяйства. Эффект от таких наглядных мероприятий как выставки оказывался значительным. Крестьяне не только сравнивали свои методы хозяйствования с теми, которых они видели на выставках. Наиболее передовые сельчане получали медали, похвальные листы и премии за представленные ими экспонаты. Выставки стимулировали многочисленных посетителей выставок из крестьянской среды к совершенствованию хозяйственной деятельности.

Библиографический список

1. Вестник Кинешемского земства.
2. Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1903 года. По части пчеловодства. Кострома, 1903. 86 с.
3. Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1904 года. По пчеловодной части. Кострома, 1904. 66 с.
4. Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1905 года. По пчеловодной части. Кострома, 1905. 74 с.
5. Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1906 года. По пчеловодной части. М., 1906. 68 с.

6. Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1909 года. По агрономическому, кустарному и пчеловодному отделам. Кострома, 1909. 182 с.
7. Доклады Костромской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию сессии 1905 года. По агрономическому отделу. Кострома, 1906. 76 с.
8. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1908 года. Кострома, 1909. 170 с.
9. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1909 года. Кострома, 1910. 196 с.
10. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1910 года. Кострома, 1911. 254 с.
11. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1911 года. Кострома, 1912. 396 с.
12. Известия Костромского губернского земства.
13. Обозрение пчеловодства.
14. URL: <http://ok.ru.group/52355723493553/topic/66285666025649> (дата обращения: 25.11.2016).

В. С. Околотин

РОЛЬ ЗАПАСНЫХ ЧАСТЕЙ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОДГОТОВКЕ ВОЕННОГО ПОПОЛНЕНИЯ ДЛЯ КРАСНОЙ АРМИИ В 1941—1942 ГОДАХ

Статья посвящена исследованию процесса подготовки в запасных частях Ивановской области военного пополнения для Красной армии в 1941—1942 годах. В ней представлены сведения о каждой из них, раскрываются особенности подготовки маршевых рот, кавалерийских эскадронов, авиаэскадрилий и авиаполков. Важное внимание уделено сборке иностранных самолетов, поставленных в СССР по ленд-лизу, участию в ней британских военных техников, а также подготовке французских летчиков. Раскрывается специфика формирования вольнонаемных отрядов из населения Ивановской области. Статья подготовлена на материалах Государственного архива Ивановской области и регионального архива Управления ФСБ России. В ней представлены новые сведения по истории Ивановской области в годы Великой Отечественной войны, большинство архивных документов вводятся в научный оборот впервые. Результаты данного исследования могут представлять интерес для специалистов в области военной истории и истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: запасные части, подготовка пополнения, маршевые роты, кавалерийские эскадроны, авиационные эскадрильи, авиационные полки, британские техники, французские летчики, иностранные самолеты, ленд-лиз, военные училища, вольнонаемные отряды.

The article is devoted to the research of spare parts preparation of the military replenishment for Red Army in 1941—1942. The author presents information about each of them, reveals the specifics of the preparation of marching companies, cavalry squadrons, air squadrons and regiments. Special attention is paid to the assembly of the foreign planes supplied to the USSR under the lend-lease, participation in this process of the British military technicians as well as the preparation of French pilots. The author also reveals the specifics of the civilian units formation from the population of Ivanovo region. The article is based on the materials of the State archive of Ivanovo region and regional archive of FSB of Russia. Presented is new information on the history of Ivanovo region in the years of Great Patriotic war, lots of archival documents are put into circulation for the first time. The results of this research may be of certain interest for the specialists in the field of the military history and the history of Great Patriotic war.

Key words: spare parts, preparation of replenishment, marching companies, cavalry squadrons, air squadrons, regiments, British technicians, French pilots, foreign planes, lend-lease, military colleges, civilian units.

В годы войны огромная роль в пополнении действующей армии обученным, экипированным и вооруженным личным составом отводилась запасным бригадам, полкам и базам, а также военным училищам. На территории Ивановской области в 1941—1942 годах эту задачу решали: 30-я Ивановская запасная стрелковая бригада (Гороховецкий район); 4-я курсантская запасная стрелковая бригада (Владимир, Шуя); 87-й запасной кавалерийский полк, преобразованный в 1-ю запасную кавалерийскую бригаду (Ковров),

6-я запасная авиационная бригада (Иваново) и 8 военных училищ. Каждое из указанных соединений было известно за пределами области и внесло большой вклад в достижение победы над врагом.

30-я Ивановская запасная стрелковая бригада. Вместе с 1-й запасной стрелковой бригадой она располагалась на территории Гороховецкого района Ивановской области и больше известна как «Гороховецкие лагерь». А еще многие красноармейцы с горечью ее называли «гороховецкой морилкой». Формирование бригады осуществлялось в соответствии с директивой НКО СССР от 18 августа 1941 года согласно следующей структуре: управление бригадой; 81-я, 93-я, 107-я запасные стрелковые полки, 25-й запасной артиллерийский полк; 16-й отдельный запасной батальон связи. Бригаду надлежало сформировать к 30 августа 1941 года. Ее командиром был назначен полковник Иван Иванович Судаков.

Несмотря на столь жесткие сроки и важность предназначения, формирование бригады с самого начала сопровождалось значительными трудностями. Об этом свидетельствуют два совершенно секретных спецсообщения, направленных начальником управления НКВД по Ивановской области А. С. Блиновым 8 и 29 сентября 1941 года в Наркомат внутренних дел СССР на имя замнаркома комиссара государственной безопасности В. С. Абакумова. В первом из них говорилось, что «несколько тысяч человек этой бригады в течение 3—5 дней недополучают питание. Мобилизованные по полкам бригады полностью не распределены, часть из них бродит по всему лагерю и окрестным деревням... В силу создавшегося положения среди мобилизованных отмечены отрицательные настроения и разговоры: «Нас не принимают и не кормят, мы вправе будем уходить домой». Политико-массовая работа среди мобилизованных поставлена слабо. Командиров и политработников не хватает. Особый отдел не организован» [1, л. 5].

Из второго информационного сообщения в тот же адрес следовало, что в составе бригады имелось 3 стрелковых полка, один артиллерийский (25-й) и 2 батальона (саперный и связи) с общим количеством рядового и командного состава 33 тыс. человек. Укомплектование бригады военнослужащими запаса осуществлялось в основном из Ивановской и Горьковской областей, которые оказались излишком при формировании других частей и соединений. Учебным и боевым оружием, наглядными и другими пособиями и приборами бригада не оснащена и пользовалась остатками непригодного оружия, оставленного отбывшими на фронт воинскими соединениями. Так, например, в артиллерийском полку имелась всего лишь одна пушка, в стрелковом полку на 7 тыс. человек 150—200 винтовок. В маршевой роте 2-го учебного батальона 107-го стрелкового полка на 400 бойцов имелось: 20 винтовок и 5 учебных, патронов, гранат, пулеметов и минометов нет, противогазы ВС — 90 штук. Командный состав запаса был без надлежащей военной подготовки, что не позволяло обеспечить боевую подготовку бойцов. В составе полков бригады было создано 8 маршевых рот в количестве 3—4 тыс. человек, которые после месячного обучения — в начале октября — должны были отправиться на фронт. Однако, говорилось в информации, они к боевым действиям не подготовлены. Более того, медицинским персоналом полка выявлены 300 человек больных, непригодных к военной службе. За период пребывания бригады в лагерях зафиксирован 21 случай дезертирства.

До 18—20 сентября личный состав бригады размещался в палатках и шалашах из хвороста, без настилов и без постельных принадлежностей.

Лишь в конце сентября командование бригадой развернуло работу по постройке упрощенных и мелких землянок, которые за отсутствием печей отеплялись и освещались кострами. Постельными принадлежностями для бойцов служили сено и их личная одежда. Весь личный состав поражен вшивостью. Санчасти размещены в тесовых холодных постройках на 5—7 коек. Белья нет — больные лежат в своей одежде. Санаппаратуры нет, медикаментов очень мало. Имели место заболевания малярией, гриппом и другими болезнями (заразных эпидемических заболеваний не было), а также 4 смертных случая из-за травм.

Бойцы и командиры бригады вещевым довольствием, положенным им, не снабжены. Из общего состава бригады только 10 тыс. человек, как наиболее нуждавшиеся, получили фуфайки, летние костюмы, нижнее белье и ботинки с обмотками. Однако значительная часть красноармейцев обувью и одеждой не обеспечена. Отдельные военнослужащие ходили в лаптях, в совершенно непригодной обуви и даже босые. В бригаде имелось 5 тыс. комплектов запасного обмундирования, но оно не раздавалось в ожидании прибывающего пополнения. В сообщении также отмечалось, что в расположение бригады 20 сентября 1941 года прибыл представитель ЦК ВКП(б) Новиков, приезд которого побудил командование бригадой усилить внимание к бытовому обеспечению военнослужащих и их боевой подготовке [1, л. 6].

По всей вероятности прибытие представителя ЦК ВКП(б) Новикова в расположение 30 запасной стрелковой бригады стало следствием первой аналитической записки А. С. Блинова в центральный аппарат НКВД, который в свою очередь проинформировал ЦК ВКП(б) о «крайне неудовлетворительном положении» в этом воинском соединении. В результате в течение 1942 года, в том числе при совместном участии Ивановского обкома ВКП(б) и исполкома областного совета депутатов трудящихся, многие бытовые и хозяйственные проблемы, возникшие перед бригадой, были решены.

14 сентября 1942 года бюро обкома ВКП(б) приняло постановление «О дальнейшей помощи и укреплении связи с 30-й запасной стрелковой бригадой» [5, с. 221]. В нем отмечалось, что командование 30-й запасной стрелковой бригады проделало большую организационную и хозяйственную работу по созданию нормальных условий для боевой и политической учебы личного состава, успешно работало по подготовке маршевых пополнений для фронта. В целях улучшения этой работы бюро обкома ВКП(б) решило учредить переходящее Красное знамя от трудящихся Ивановской области передовому полку бригады. Для его вручения, встречи с бойцами и начальствующим составом было решено послать в бригаду делегацию из рабочих и колхозников лучших предприятий и колхозов области. Более того, решено просить Военный Совет Московского военного округа (ВС МВО) присвоить 30-й запасной стрелковой бригаде наименование — Ивановская 30-я запасная стрелковая бригада.

Эта инициатива была поддержана наркоматом обороны, о чем свидетельствует приказ НКО СССР № 310 от 9 октября 1942 года. В нем говорилось, что «Командование 1 и 30 запасных стрелковых бригад, работая рука об руку с партийными и советскими организациями Горьковской и Ивановской областей, сумели улучшить условия бытового устройства и жизни частей и создать прочную материальную базу для подготовки маршевых пополнений. ... 1 и 30 запасные стрелковые бригады отстроили вполне оборудованные земляночные лагеря с пищеблоками, банями, прачечными и клубами.

Они хорошо оборудовали стрельбище, учебные поля, учебные классы и создали своими силами учебные пособия, макеты вооружения и пр. Горьковский и Ивановский обкомы ВКП(б) и облисполкомы постоянно оказывали непосредственную помощь в комплектовании 1 и 30 запасных стрелковых бригад, особенно в подборе личного состава для формирования гвардейских и отборных маршевых рот» и т. д.

Более того, согласно приказу и на основании ходатайств трудящихся 1-й запасной стрелковой бригаде было присвоено наименование Горьковская, а 30-й запасной стрелковой бригаде — Ивановская с вручением переходящего Красного Знамени от трудящихся Ивановской области ее лучшему полку. В результате с 9 октября 1942 года 30-я запасная стрелковая бригада получила наименование «30-я Ивановская запасная стрелковая бригада» [2, д. 663, л. 106—106 об.].

Приказом также были объявлены благодарности командирам полков и бригад, внесшим существенный вклад в организацию подготовки маршевых пополнений. Среди них значился И. И. Судаков — бывший командир 30-й запасной стрелковой бригады, назначенный к моменту издания приказа командиром лыжной бригады [там же, л. 106 об.].

30 октября 1942 года новый командир 30-й Ивановской запасной стрелковой бригады Алкснис пригласил секретаря обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцева с представителями рабочих, колхозников и интеллигенции Ивановской области прибыть на 6—7 ноября для празднования 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции [там же, л. 96]. А уже 14 ноября 1942 года бюро обкома ВКП(б) и исполкома приняли постановление «О присуждении переходящего Красного Знамени трудящихся Ивановской области 93 запасному стрелковому полку 30 Ивановской запасной стрелковой бригады». Как следует из его содержания, лучших результатов в боевой подготовке в ходе предоктябрьского социалистического соревнования достиг 93 запасной стрелковый полк (командир полка А. К. Асирьян), которому и было присуждено переходящее Красное Знамя трудящихся Ивановской области. Всему командному и политическому составу полка за добросовестную работу по боевой и политической подготовке своих подразделений обком ВКП(б) объявил благодарность. Он также призвал командиров, политработников и бойцов 30-й Ивановской запасной стрелковой бригады еще шире развернуть соцсоревнование за отличную боевую и политическую подготовку, железную воинскую дисциплину и первое место в МВО [2, д. 384, л. 33].

87-й запасной кавалерийский полк. 14 августа 1941 года из Смоленской области в г. Ковров был передислоцирован потрепанный в боях 87-й запасной кавалерийский полк. Он был размещен в местном военном городке и в лагерях у станции Федулово. Главной задачей полка являлась подготовка кавалеристов, как рядовых, так и командного состава для боевых частей Красной армии. Готовились не только люди, но и конский состав. В начале октября 1941 года 87-й запасной кавалерийский полк возглавил полковник Григорий Андреевич Белов. К концу 1941 года полк, в том числе и под его командованием, отправил в действующую армию 17 эскадронов и 4 команды общей численностью 4033 человека. Всего к 1 июля 1942 года в полку было сформировано более 40 маршевых кавалерийских эскадронов.

1-я запасная кавалерийская бригада. В июле 1942 года на базе полка была развернута 1-я запасная кавалерийская бригада в составе уже двух

полков. Один из них находился непосредственно в Коврове, а второй — близ Федулово. В общей сложности в ней прошли обучение десятки тысяч бойцов и командиров. Таким образом, г. Ковров являлся не только городом оружейников, но и одной из главных баз формирования кавалерийских подразделений для Красной армии.

4-я курсантская запасная стрелковая бригада. По всей вероятности, она была сформирована на основании постановления ГКО СССР от 1 февраля 1942 года № 1229 сс «О формировании 50 стрелковых дивизий и 100 курсантских бригад». Бригада состояла из запасных курсантских стрелковых полков, дислоцировавшихся в Шуе (353 кзсп) и Владимире (355 кзсп). По другим данным, требующим тщательной проверки, в Шуе располагалась 4-я запасная стрелковая бригада, куда входили 354-й и 193-й запасные стрелковые полки. Относительно 193 зсп, о котором упоминается в документах ГАИО [2, д. 663, л. 183], и которым командовал подполковник Василий Гаврилович Лукин, следует сказать, что он был создан в марте 1942 года и просуществовал до ноября 1945 года. Возможно, 4-я запасная стрелковая бригада — это сокращенное наименование 4-й курсантской запасной стрелковой бригады и она могла состоять из трех (353 и 355 кзсп, а также 193 зсп) полков.

Во второй половине 1942 года на базе 4-й курсантской запасной стрелковой бригады были сформированы 52-й и 53-й мотострелковые бригады. К сожалению, другими сведениями о подготовке в 4-й курсантской запасной стрелковой бригаде воинских соединений в 1942 году автор не располагает.

6-я запасная авиационная бригада (6 ЗАБ). В 1942 году город Иваново стал одной из лучших баз Военно-Воздушных сил страны, где летный состав переучивался на управление иностранными типами самолетов, а также происходило формирование и комплектование боевых частей ВВС.

Решение этих задач выполняла легендарная 6-я запасная авиационная бригада. Она была сформирована в городе Иваново в мае 1942 года. В нее вошли 14-й и 22-й запасной авиационные полки, базировавшиеся в Иваново (Северный, Южный и Западный аэродромы) и в Кинешме. Если границы Северного аэродрома к настоящему времени не изменились, то бывшая площадка Южного аэродрома между улицами Лежневской и Ташкентской в 1950-х годах была застроена жилыми домами. Местонахождение Западного аэродрома, который больше использовался как ложный, по всей вероятности, совпадает с границами современного аэропорта.

В бригаде обучали не только взлету и посадке, но также и ведению огня по наземным и воздушным целям, групповому и одиночному пилотажу. Кроме того, бригада занималась переучиванием летного состава на иностранные типы истребителей, формированием и комплектованием частей ВВС. Сюда же для последующей сборки, облета и передачи в боевые части из Мурманского и Архангельского портов доставлялась авиатехника, прибывавшая в СССР от союзников по ленд-лизу. Она перевозилась по Северной и Ярославской железным дорогам крупными узлами в больших деревянных ящиках.

22-й запасной авиационный полк (22 ЗАП) базировался на трех аэродромах и его штаб первоначально находился в Кинешме. Формирование полка началось 26 сентября, и было завершено к 15 октября 1941 года. Командиром полка был назначен полковник Ю. И. Шумов. Летно-технические кадры прибыли из Архангельского военного округа и Рязанской авиашколы. Создавался полк специально в качестве учебного центра для переучивания

на иностранные самолеты-истребители, а также центра их подготовки, ремонта и технического обслуживания. Основанием для его формирования стал приказ наркома обороны СССР И. В. Сталина № 0398 от 9 октября 1941 года «Об организации приема, сборки и изучения иностранных самолетов». Он предписывал командующему ВВС Красной армии организовать прием и сборку иностранных самолетов в 22-м запасном авиационном полку г. Кинешма... В этих же запасных авиаполках проводить переучивание летно-технического состава и формирование боевых авиаполков на иностранных самолетах... Укомплектование запасных авиационных полков закончить к 15 октября 1941 г.»

О дальнейших событиях можно судить по воспоминаниям Арнольда Дослановича Смолярова, бывшего в годы войны представителем импортного управления Красной армии и контролировавшего сборку иностранных самолетов в Кинешме, а затем в Иванове. Его воспоминания опубликованы и в целом известны научной общественности Ивановской области [4]. В данной же статье следует подчеркнуть лишь то, что сборку британских самолетов марки «Харрикейн» в Кинешме, которые доставлялись туда из Архангельска по железной дороге крупными узлами, техники 22 ЗАП осуществляли вместе с 22 военными королевских ВВС Великобритании во главе с капитаном Дайсоном. К сожалению, этому факту международного сотрудничества СССР и Великобритании в сложнейших условиях 1941 года не уделено достаточного внимания в региональной истории.

В феврале 1942 года после перебазирования на ивановскую авиационную базу 55-й стационарной авиационной мастерской ВВС (55 САМ) появилась возможность производить восстановление авиатехники, получившей боевые повреждения. В мастерских ремонтировались советские самолеты Як-1 и Як-3, а также собирались «Харрикейны» и самолёты производства США — П-39 «Аэрокобра», П-63 «Кингкобра» и другие. С сентября 1942 года 55 САМ возглавлял инженер-майор С. И. Москаленко.

Кроме того, на авиационной базе дислоцировался 101-й батальон аэродромного обеспечения (101 БАО) под командованием майора Арцишевского. В ГАИО хранятся два его обращения от 25 и 31 марта 1942 года к Г. Н. Пальцеву как секретарю обкома ВКП(б) и председателю комитета обороны с копией начальнику управления НКВД по Ивановской области М. И. Маркееву. В них высказывалась просьба предоставить Южному авиагарнизону несколько тяжелых тракторов ЧТЗ и один подъемный кран для разгрузки и переброски ящиков весом около 8 тонн с частями иностранных самолетов с железнодорожной ветки кирпичного завода до аэродрома. По утверждению Арцишевского, такая несвоевременность разгрузки и переброски ящиков задерживает сборку и отправку самолетов на фронт Красной армии в решающий момент ее наступления [2, д. 674, л. 135, 141].

7 апреля 1942 года штаб 22 ЗАП из Кинешмы был переведен в Иваново, а 16 мая 22-й полк был включен в состав 6 запасной авиационной бригады. Он располагал мощной базой, развитой технической инфраструктурой и отлаженным учебным процессом. Летчики и техники, направленные в 22 ЗАП, в начале проходили теоретический курс в оборудованных учебных классах, после чего сдавали экзамены. Затем летчики переходили к полетам, а техники распределялись по техническим бригадам, где совместно со специалистами ЗАП собирали самолёты для своего полка, либо занимались ремонтом поврежденных машин. Всего в 22 ЗАП действовали 4 технических бригады

и 3 учебных авиаэскадрильи (одна готовила летчиков на «Харрикейнах», одна — на «Киттихауках» и одна — на «Аэрокобрах»). После сдачи экзаменов по летной подготовке доукомплектованный авиаполк получал самолеты, облетывал их и воздушным путем направлялся на фронт.

Всего на базе 22 ЗАП в 1942 году прошли формирование (переформирование): 3 (12, 13 и 50) отдельные корректировочные авиаэскадрильи; 8 (4, 9, 10, 40, 153, 185, 191, 436) истребительных авиационных полков и 1 перегоночная авиационная дивизия. Последняя состояла из пяти перегоночных истребительных авиационных полков (ПИАП), ставших новыми частями для отечественной авиации. Формирование этих полков осуществлялось во исполнение постановления ГКО СССР № 2132 сс «О подготовке авиаэкипажей для работы на авиатрассе Аляска — Красноярск — Москва» и принятого на его основе приказа НКО СССР № 00162 от 3 августа 1942 года «О формировании 1-й авиационной бригады по перегонке самолетов». Перегонялись в основном «Киттихауки», для которых в бригаде был подготовлен 61 пилот.

14-й запасной авиационный полк (14 ЗАП) был сформирован в августе 1941 года в г. Рыбинске. Командиром полка с 1941 по 1943 год был Николай Васильевич Бочаров. 15 мая 1942 года 14 ЗАП был включен в состав 6-й запасной авиабригады. Полк осуществлял подготовку маршевых авиационных полков и отдельных экипажей, а также переподготовкой на истребители иностранного производства марок «Харрикейн», «Киттихаук» и «Аэрокобра». В общей сложности на базе 14 ЗАП с 1941 по 1942 год прошли переподготовку 17 (32, 63, 137, 24, 43, 156, 166, 187, 191, 238, 240, 272, 482, 521, 522, 524, 927) истребительных авиационных полков. Процесс переучивания летного состава был типовым. С фронта отводился полк, потерявший большое количество летного состава, производилось его пополнение до штатных нормативов, летчики переучивались на новую материальную часть. Полк получал новые самолеты и снова отправлялся на фронт.

Яркой страницей в истории 6 ЗАБ стало формирование в конце 1942 года французской авиаэскадрильи «Нормандия». 29 ноября 1942 года в рамках договоренностей генерала Шарля де Голля с советским правительством на подготовку в 6 ЗАБ прибыли 14 французских летчиков и 58 техников. Первыми прилетели командир эскадрильи майор Жозеф Пуликэн и начальник штаба старший лейтенант Ж. де Панж. Остальные прибыли спустя два дня. Среди них: Ж. Тюлян, А. Литольф, Ж. Риссо, А. Прециози, А. Познанский, Р. Дервиль, А. Дюран, М. Лефевр, Р. де ля Пуап, И. Бизьен, Д. Бегэн, М. Альбер и Н. Кастелен. Группу технического состава из 41 человека возглавлял авиационный инженер А. Мишель. Врач эскадрильи лейтенант Ж. Лебединский знал в совершенстве русский язык, поэтому с первых дней пребывания в СССР выступал в роли переводчика. В организации и обучении эскадрильи «Нормандия» с позиции импортного управления ВВС принял участие А. Д. Смоляров, также владевший французским языком [4, с. 15].

В Иванове группа французских летчиков расположилась в военном городке Северного аэродрома. 4 декабря эскадрилья была включена в состав ВВС РККА. С 1 декабря 1942 по 14 марта 1943 года французские летчики прошли теоретическую и практическую подготовку на истребителях Як-1. Для обучения полетам на советских истребителях за эскадрилей закрепили опытного летчика-инструктора-инспектора по технике пилотирования капитана П. И. Друзенкова, который летал в то время почти на всех боевых

самолетах, состоявших на вооружении советских ВВС, а также на некоторых трофейных немецких истребителях и бомбардировщиках. Теоретическая подготовка проходила в ускоренном темпе и в середине декабря 1942 года эскадрилья провела свой первый летный день. Сначала всем летчикам была предоставлена возможность восстановить утраченные в результате длительного перерыва лётные навыки на учебно-тренировочном самолете УТ-2. Затем с 20 декабря началось переучивание на учебно-боевом истребителе Як-7. В январе уже все французские летчики летали на Як-7.

В архивных документах также нашла отражение сфера культурно-бытового обслуживания летного состава 6 ЗАБ. В частности, авиагарнизону Южного аэродрома в сентябре 1942 года местными органами власти было передано помещение под клуб [2, д. 663, л. 42]. Кроме того, в рамках реализации приказа наркома обороны СССР при авиасоединениях, в том числе и при 6 ЗАБ, для летного состава был открыт санаторий. Первоначально он был рассчитан на 30 мест, а в сентябре 1942 года их количество увеличено до 50 [там же, л. 43]. Из документов следует, что в санатории отдыхали и набирались сил «летчики — Герои Советского Союза, орденосцы и другие отличившиеся в боях». Их питание состояло из штатного меню и набора продуктов, приобретенных по государственным ценам на сумму 10 рублей в день [там же, л. 25].

Для летного состава авиаполков, сформированных в 6 ЗАП и отправлявшихся в действующую армию, устраивались вечера проводов и вручались подарки [2, д. 669, л. 44]. Сохранился план проведения одного из них, датированный 13 ноября 1942 года. Он предусматривал вступительное слово командира бригады полковника Ю. И. Шумова, напутствия от советских и партийных организаций г. Иванова, а также клятвенные выступления представителей 43, 436 и 10 истребительных авиационных полков, уезжавших на фронт. Торжественную часть вечера планировалось завершить концертом силами ивановских артистов [2, д. 663, л. 120]. Планом вечера также был предусмотрен ужин на 320 человек. Его продуктовый расчет на 1 человека в граммах включал: мяса — 100, макарон — 100, масла — 25, сыра — 50, икры — 100 и водки — 100 [там же, л. 121].

Военные училища. Данных о военных училищах, в том числе эвакуированных в 1941 году в областной центр и Ивановскую область, их численности и подготовке курсантов в региональном архиве очень мало. Известно, что по состоянию на 23 октября 1942 года в Иванове находились Ивановское военно-политическое училище, Подольское пехотное училище, военно-морское училище ПВО [2, д. 511, л. 60], и военно-морское медицинское училище [2, д. 669, л. 163], а также Рязанское воздушно-десантное училище. Известно, что Рязанское воздушно-десантное училище было передислоцировано из Рязани в Иваново 25 октября 1941 года. Личный состав следовал в пешем строю по 45—60 км в сутки в полном боевом снаряжении. По приходу в Иваново он был задействован в военном параде 7 ноября. Курсанты были размещены в здании энергетического института на 4 этаже. Они также принимали участие в строительстве оборонительных сооружений вокруг Иванова. 15 февраля 1942 года училище было возвращено в Рязань [3, с. 48—49]. Кроме того, в Суздале по данным на ноябрь 1942 года было расквартировано Винницкое пехотное училище [2, д. 663, л. 177], во Владимире находилось Владимирское пулеметно-минометное училище. В Шуе в военном городке дислоцировалось

Ленинградское Краснознаменное Военно-политическое училище им. Фр. Энгельса [2, д. 667, л. 43].

В области шла не только усиленная подготовка пополнения для действующей армии, но формировались из числа добровольцев вольнонаемные отряды. Так, в 1942 году из ивановцев были сформированы: полевой банно-прачечный отряд № 104, банно-дезинфекционный поезд № 20 и другие. От личного состава военных частей их служащие отличались тем, что не состояли на продовольственном и вещевом довольствии в НКО и должны были приобретать продукты и одежду для себя самостоятельно.

Полевой прачечный отряд № 104 был сформирован в начале 1942 года на добровольной основе из женщин-стахановок меланжевого комбината, Красной Талки и других текстильных предприятий города Иванова. В течение весны и лета 1942 года он действовал в прифронтовой полосе Северо-Западного фронта и на сентябрь его численность составляла около 120 человек (примерно 95 женщин и 28 мужчин). Об этом можно судить по содержанию обращения начальника отряда интенданта 2 ранга Соболева на имя секретаря обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцева. В нем излагалась просьба помочь приобрести в преддверии зимы для служащих отряда 103 пары женской валяной обуви и 33 пары мужской, головных уборов, 80 женских и 20 мужских свитеров, а также 95 женских рейтузов и 28 мужских [2, д. 663, л. 89—89 об.].

На основании других архивных документов можно полагать, что отряд № 104 был не единственным вольнонаемным формированием, скомплектованным в Ивановской области. 11 марта 1942 года в обращении ивановского горвоенкомата на имя заввоенным отделом И. Г. Бычкова говорится о трех полевых прачечных отрядах, убывающих в Красную армию, и которым необходимо отпустить 100 пар женской и 50 пар мужской обуви [2, д. 674, л. 158].

Банно-дезинфекционный поезд № 20 (БДП-20) был построен ивановскими железнодорожниками на средства трудящихся города Иванова и направлен в зону действия Северо-Западного фронта. Он состоял из 32 вольнонаемных служащих, которые осуществляли санитарную обработку и помывку военнослужащих. Им также в преддверии зимы по решению обкома ВКП(б) были выделены для приобретения за наличный расчет телогрейки, шапки и ботинки [2, д. 669, л. 204].

Таким образом, в 1941—1942 годах на территории Ивановской области в запасных частях и военных училищах шел активный процесс обучения рядового и командного состава для стрелковых и кавалерийских соединений действующей армии. Область являлась крупным центром по переучиванию летного состава ВВС на английские и американские самолеты и формированию из него авиасоединений. К концу 1942 года в 6 ЗАБ в общей сложности было подготовлено 3 отдельных корректировочных авиаэскадрильи, 25 истребительных авиационных полков и 1 дивизия в составе 5 перегоночных авиационных полков. Кроме того, в конце 1942 года на базе бригады начато формирование 302-й истребительной авиационной дивизии из 193-го и 240-го авиаполков. Победа ковалась не только на земле трудом жителей региона и усиленной подготовкой в запасных частях пополнений для Красной армии, но и в воздухе — силами британских техников, летным мастерством советских и французских летчиков, обученных воевать на иностранных и отечественных самолетах на аэродромах Ивановской области.

Библиографический список

1. Архив УФСБ России по Ивановской области. Ф. 1. Гр. 2. Оп. 23. Порядк. 5.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). ФП-327. Оп. 7.
3. 100 лет служению Отечеству: исторический очерк / А. Н. Рагозин, С. И. Безруков, И. В. Рябцовских, В. И. Шайкин, С. А. Иванов. Рязань : РВВДКУ, 2018.
4. *Смоляров А.* «Харрикейны» в Кинешме, англичане в России // *Авиация и космонавтика*. 1995. № 8. С. 13—15.
5. Трудящиеся Ивановской и Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) / сост. А. И. Горшков, И. Н. Кириллов, А. М. Тарасенко, Я. Г. Шишков ; ред. С. И. Никишов. Иваново : Иван. кн. изд-во, 1959. 722 с.

ББК 85.373(2)6

К. А. Юдин

КИНОПРОИЗВОДСТВО В ПЕРИОД «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Данная статья являет собой историко-историографическое исследование. На материалах ведущих библиофондов предпринимается попытка осуществить обзор основных тенденций в изучении советского и американского кинопроизводства в период «холодной войны». Рассматриваются политико-идеологические факторы и мотивы, влиявшие на установление исследовательских приоритетов и концептуально-теоретических предпочтений. Делаются выводы о многоуровневой и при этом эклектичной структуре историографическо-киноведческого задела, отличающегося внушительностью, но подверженного гносеологическим коррозиям.

Ключевые слова: «холодная война», кинопроизводство, «гиперреальность», историография, киноведение, идеология, информационная сегрегация, медиаобразование.

This article is a historical-historiographic study. Based on materials from leading libraries, an attempt is made to review the main tendencies in the study of Soviet and American filmmaking in the period of the «cold war». We consider the political and ideological factors and motives that influenced the establishment of research priorities and conceptual and theoretical preferences. Conclusions are drawn about a multi-level and at the same time eclectic structure of a historiographical and cinematographic reserve that is impressive, but subject to gnoseological corrosion.

Key words: «cold war», film production, «hyperreality», historiography, film studies, ideology, information segregation, media education.

Во второй половине XX столетия все мировое сообщество столкнулось с новым после двух мировых войн культурно-цивилизационным катаклизмом идейно-милитаристского характера, традиционно именуемым в отечественной и зарубежной историографии «холодной войной». Отличительной особенностью, специфической чертой «холодного» противостояния между СССР и США как ведущих акторов и субъектов геополитической арены стало, как известно, стремление не только к военно-силовому самоутверждению и доминированию, но, прежде всего, к культурно-идеологической гегемонии.

© Юдин К. А., 2019

С момента произнесения У. Черчиллем известной речи в Фултоне, ставшей знаменем «холодной войны» и риторическим вызовом к установлению режима информационно-политической сегрегации («железного занавеса»), что совпало с проявлением жесткой внешнеполитической стратегии по отношению к СССР в Великобритании и США, происходит заметное усиление ритмов и темпов агитационно-пропагандистской работы, вовлечение в нее кинематографа, средств массовой информации (СМИ), мобилизованных на нейтрализацию «красной угрозы». Возникает стремление найти максимально эффективный по степени интенсивности и оперативности воздействия на общественное сознание инструмент гуманной (или «мягкой») силы [71], способный наносить удары, но без летальных последствий. Именно тогда, как никогда ранее, кинематограф становится одновременно и *зеркалом* [85, 86, 87, 89, 90], отражавшим, впитывавшим, адсорбировавшим течение социально-политического бытия, и *молотом* [33], выковывавшим совершенно новую, идеологизированную «гиперреальность».

Все это не менее остро и серьезно воспринималось и партийно-советской элитой в СССР, также рассматривавшей «холодное» противостояние как важнейший фактор, влиявший на направленность и содержание культурно-идеологической работы. О «развернутом наступлении американцев на кинорынок» с тревогой докладывал в ноябре 1946 г. известный режиссер М. К. Калатозов, выступавший в качестве из официального представителя (как заместитель руководителя этого ведомства) Министерства кинематографии СССР на международном кинофестивале в Каннах, прошедшем в сентябре этого же года [10, с. 559]. В качестве доказательства он приводил выдержку из обращения американской Ассоциации кинопредприятий, подписанного ее президентом Э. Джонсоном и адресованного вдове бывшего американского президента — Э. Рузвельт. *«В результате опыта последней мировой войны, — говорится в обращении, — теперь получила общее признание мысль о том, что из всех когда-либо изобретенных средств распространения новых идей, информации и улучшения взаимного понимания между отдельными народами, кино является самым лучшим. На кино уже больше не смотрят только как на орудие массового развлечения. Его способность информировать, просвещать и учить теперь начинается осознаваться»* [59, л. 91].

Однако, это не стало открытием для руководителя советского государства — И. В. Сталина, которому давно было известно о беспрецедентных актах недоброжелательности и планах по обезвреживанию «советской угрозы», вынашиваемых англо-американскими союзниками по антигитлеровской коалиции еще задолго до завершения Второй Мировой войны [19, с. 38—39]. Эти обстоятельства, а также обострившиеся в силу возраста мнительность и подозрительность кремлевского диктатора, очевидно, спровоцировали масштабную и уже описанную в историографии консервативно-охранительную реакцию Сталина, направленную на упрочение политико-идеологических координат и доминант внутри страны любой ценой, в том числе с помощью ужесточения режима управления медиапространством вообще и театрально-кинематографической сферой — в частности [90].

Необходимо отметить, что интенсивная рефлексия, осмысление состояния «холодного» отчуждения между СССР и США началось уже параллельно и синхронно с непосредственно событийной составляющей этих процессов. Это неизбежно приводило к синкретизму, сложному взаимовлиянию научной историографии и политико-идеологической публицистики,

что, безусловно, с одной стороны, серьезно затрудняло исследование самого феномена «холодной войны», с другой — привело к созданию практически необъятного историографического задела, до сих пор нуждающегося в прояснении [70, 76, 99]. Еще более сложная ситуация сложилась вокруг кинематографии как фундаментального вида искусства и формы медиа-культуры, подверженной неисчерпаемым в своих дискурсивных комбинациях концептуализациям. Поэтому в данном исследовании мы коснемся лишь небольшого теоретического пласта, содержащего «холодные» историографические факты о специфике кинопроизводства в данный период.

Советско-российская историография

Импульсом для изучения зарубежной кинематографии в контексте общественно-политической ситуации современности в СССР стала атмосфера «предразрядки», «холодного потепления», начавшаяся со второй половины 1950-х гг. В 1960-е гг. выходят известные коллективные труды, как обобщающего учебно-научного характера [22], так и авторские исследования Е. Н. Карцевой [29, 31, 32], В. С. Колодяжной [44], И. И. Трутко [72], С. В. Комарова [45], Л. В. Вагаряна [6], посвященные различным периодам развития кинематографии Великобритании и США, отражавшие концепцию «великого вызова» [8] — так был охарактеризован идейно-политический климат в одном из переводных изданий.

Эти работы отразили свойственную «переходному периоду» амбивалентность в оценках, в дальнейшем постоянно подвергавшуюся концептуальным модификациям, детерминированным политической конъюнктурой. С одной стороны, под влиянием еще постсталинской идеологической стереотипизации и экспрессивности, методики пафосно-патетических разоблачений «политических физиономий» врагов [27], продолжается медиа-историографический антагонизм, заключавшийся в целенаправленном противопоставлении американского кинематографа, поставленного на «службу капиталу», выступавшего проводником мирового империализма [1, 14], «фашистско-фрейдистских» девиаций [44], и — советского социалистическо-гуманистического, «народного кино». С другой стороны, исследователи проявляли неподдельный интерес к генезису, истокам американской кинематографической традиции, воздействию не только внешних, но и внутренних факторов, например, «великой депрессии» в США конца 1920 — начала 1930-х гг. на социальную проблематику, отражавшуюся в довоенных фильмах, художественной литературе [13, 43].

Непосредственным развитием и продолжением этих историографических ориентиров и установок в конце 1960—1970-х гг. становится эксплицированная в монографии Л. Д. Кисловой концепция «двух Америк» и их «гиперреальностей» [35]. «*Америка Пентагона*», для которой фильм — это всего лишь «идеология», «просто-напросто товар» [51, с. 28; 53, с. 25] вступала в противоборство с независимым кинематографом, ориентированным на другую аудиторию — «*Америку для американцев*», демократическую среду, придавленную прессом капитала, но существующую и перспективную для установления интернациональной коммуникации и диалога культур посредством кино. «Было бы ошибочно утверждать, — писали Т. Г. Голенопольский и В. П. Шестаков, — что все выпущенное Голливудом реакционно, или отождествлять с ним весь американский кинематограф. Лучшим произведениям

американской культуры вообще и кинематографу в частности всегда были присущи черты высокого гражданского пафоса. Эти произведения прежде всего представляют для нас демократическое искусство, демократическую культуру США» [12, с. 15]. Близкую позицию отразил в своей монографии Р. П. Соболев, который считал 1960-е годы «ареной борьбы между направлением, удовлетворяющим, и направлением, эксплуатирующим вкусы, или, говоря шире, между прогрессивными художниками и мастерами “массовой культуры”» [66, с. 8].

В то же время, многими исследователями, уже упомянутыми — Р. П. Соболевым, Т. Г. Голенопольским, В. П. Шестаковым, а также И. Е. Кокаревым [37, 38, 40], А. В. Валюжевич [7], А. И. Власовым [9], в 1980-е гг. — Ю. А. Комовым [46], К. Е. Разлоговым [57], Г. А. Капраловым [28], поздних работах Е. Н. Карцевой [30] — обстоятельному изучению подвергались такие аспекты, как: особенности внешнеполитической пропаганды США, деятельность специализированных ведомств, органов государственной безопасности, Информационного агентства США, а также общественных и религиозных структур и использование этими институтами власти кинематографа, телевидения и других медиа-коммуникационных каналов в политико-идеологических целях, для конструирования негативного *образа Другого* как врага, чужого, воспринимавшегося главной опасностью для претворения в жизнь «американской мечты» («American dream») [11]. Последняя всегда выступала своеобразным собирательно-символическим отражением национальной идеи и «исключительности», идеологии цивилизационного мессианства, до сих пор остающегося ведущим фактором культурных и геополитических претензий США, что объясняет продолжение изучения данной проблематики на постсоветском пространстве [5].

Активно изучалось жанровое многообразие американского кинематографа, телевидения и контент-репрезентационный потенциал передач, их тематики и проблематики, например, спортивной, для повышения эффективности использования «голубого монстра» как инструмента «буржуазной пропаганды» [18].

Безусловно, завершение «разрядки» в международных отношениях и начало нового этапа «холодной войны» стало важным фактором модификации историографических ориентиров. Это выразилось в очередной волне концептуально-дискурсивной напряженности, повышенной концентрации «разоблачительных» идеологем, содержащих гносеологические призывы дать отпор, в том числе — имманентной медиа-контратакой со стороны буржуазных, но способных к самостоятельному критическому мышлению стран, — «воинствующему антикоммунистическому и милитаристскому психозу» [57, с. 234], а также финансовой и информационной диктатуре, монополизму Голливуда [49].

Еще более решительную и непримиримую позицию к проискам «информационного империализма» было призвано занять кинематографическое сообщество стран «социалистического лагеря» — Югославии, ГДР, Польши и других стран, которые в соответствии с решениями национальных съездов Союзов кинематографистов, проходившими под контролем компартий, принимали обязательства «сплотиться на «борьбу с проникновением антикоммунистических и антигуманистических тенденций для дальнейшего прогрессивного развития подлинно ангажированного кино» [34]. Этим

установкам, проблема формирования просоветского железного кино-занавеса против США также посвящен значительный комплекс исторических и киноведческих исследований научного и научно-популярного характера [52, 83].

Особый интерес у советских киноведов в контексте марксистских идейных, теоретико-методологических координат, классового подхода традиционно вызывала судьба пролетариата в капиталистических странах и роль кинематографа в отображении его социальной идентичности, правосознания под влиянием идеологического климата и его противоречий. Показательно суждение, присутствующее в труде М. С. Шатерниковой и свидетельствующее о *концептуальной герменевтике, солипсизме советской историографии*, не отклонявшейся от стратегии идейно-теоретического дуализма, выражавшейся в решительном осуждении «происков консервативной реакции», но и, при этом, в настойчивой медиации футурологическо-утопических ожиданий лучшей презентации «реального социализма» на экране: «Было бы ошибкой, — отмечала Шатерникова, — считать сегодняшнее американское кино сплошь конформистским, безоговорочно перешедшим на консервативные позиции. В кинематографической среде так же, как и в обществе США в целом, дают себя знать силы, которые противостоят *нажиму реакции*, не позволяют вовлечь себя в пресловутый антикоммунистический “крестовый поход”». И далее: «Знаменательно, что уже после прихода Р. Рейгана к власти Киноакадемия США присудила свои премии “Оскар” в 1981 году советскому фильму “Москва слезам не верит”, а в 1982 — венгерской антифашистской картине “Мефистофель”. В Нью-Йорке недавно открылся специальный кинотеатр для показа советских фильмов. С успехом прошел по телевидению США совместный советско-американский документальный фильм “Великая Отечественная” (“Неизвестная война”). Он стал откровением для многих зрителей, впервые узнавших о подлинной роли СССР в разгроме фашизма. Страна, где до последнего времени современное кино СССР и социалистических стран было практически неизвестно, получила возможность, пусть еще и не слишком широкую, знакомства с ним, а через него и возможность *создания правильных представлений о реальном социализме*» [84, с. 249].

Если говорить о степени изученности системы советского кинопроизводства и проката, то это, безусловно, являет собой отдельную и обширную тему для теоретических обобщений. Из наиболее фундированных в хронологическом и тематическом плане изданий учебно-научного, справочного и энциклопедического характера, создающих обобщенно-экспертную, не без влияния конъюнктурных установок, картину, но качественно отражающую основные тенденции развития советского кинематографа и перспектив его совершенствования с учетом «вызовов времени», следует отметить коллективные труды по истории отечественной киноотрасли [24, 25, 26, 55].

Значительный вклад внесли известные историки кино, искусствоведы, разрабатывавшие проблемы сложного институционального и личностного, духовно-интеллектуального сосуществования театрально-кинематографической интеллигенции и власти, влияния государственной политики, цензуры на творческий процесс создания и распространения кинопроизведений, установление их художественно-эстетической ценности и идейно-политической актуальности, функционирования экспортно-импортных механизмов 1960—1970-х гг. Это исследования Н. М. Зоркой [20, 21], А. Н. Грошева [17], В. С. Головского [15], Т. М. Горяевой [16], Р. Н. Юренева [91], В. И. Фомина

[77, 78], М. И. Косиновой [47, 48], а также новые, опирающиеся на расширенную источниковую базу и реконцептуализированные труды К. Э. Разлогова [58], Г. В. Красновой [50], И. Е. Кокарева [39, 41], внесших солидный вклад в рассмотрение сложных культурологическо-искусствоведческих проблем коэволюции экранной, книжно-текстовой и зрелищной культур.

После распада СССР и последовавшими вслед за этим архивной, историографической «революциями», «критическим поворотом» [88], необходимость соблюдения дискурсивно-идеологических ритуалов и использования догматических конструкторов отпала. Существенным результатом, сформированным на современном интеллектуальном пространстве, историографическо-киноведческом поле, стал научный задел, созданный в рамках относительно нового направления — *имагологии* как отрасли знаний об образах, их морфологии, априорном, аутентичном идейно-сущностном, семиотическом предназначении, а также динамике их восприятия уже в готовом состоянии воплощения в кинематографической «гиперреальности».

Теоретическим и практическим, историко-социологическим аспектам имагологического знания посвящены труды Е. С. Сенявской и А. С. Сенявского [64, 65], О. Ю. и О. А. Поляковых [54], В. Б. Аксенова [2], Г. И. Козырева [36], О. С. Поршневой [56] и мн. др. Все исследования данного спектра обладают высоким уровнем актуальности и востребованности, поскольку значительно расширяют гносеологические возможности «традиционной» историографии «холодной войны» в сторону углубления представлений о множественности проявлений форм инаковости, идентичности и партикулярных различий.

Сопутствующим и конструктивно дополняющим этот эпистемологический тренд современной историографии стало творческое наследие А. В. Федорова по разработке и популяризации теории *медиаобразования*, которое он характеризовал как «процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники» [74, с. 8]. При этом А. В. Федоров постулирует медиаобразование не как прикладную педагогическую технологию, а как фундаментальную информационно-когнитивную парадигму, основанную на медиакритике, позволяющую устанавливать взаимосвязь между различными уровнями и пластами информации, осуществлять ее интерпретацию с учетом историко-политических условий.

Продолжая традиции мирового киноведения А. В. Федоров рассматривал кинопроизведения как медиа-тексты, содержащие различные имагологические стереотипы — представления о России и Западе, которые он на материалах обширной фильмографии подвергает тщательному анализу, предлагая структурные схемы и классификации отечественных и зарубежных фильмов «холодной войны», включающие в себя такие компоненты, как: исторический период, место действия; обстановка, предметы быта; приемы изображения действительности; персонажи, их ценности, идеи, одежды, телосложение, лексика, мимика; существенное изменение в жизни персонажей, возникшая проблема и поиски решений [75, с. 74—96].

В то же время, как представляется, предложенные схемы анализа вряд ли правомерно рассматривать как эталонно-универсальные или, вернее,

исчерпывающие. Как верно отмечала М. Туровская, «даже самый примитивный фильм является многослойной структурой, содержащей разные уровни латентной информации, обнаруживающей себя лишь во взаимодействии с социально-политическим и психологическим контекстом. <...> Как бы тенденциозен — или, напротив, бесстрастен — ни был автор фильма, он запечатлевает гораздо больше аспектов времени, чем думает и знает сам...» [73, с. 99]. Поэтому, все это нельзя не учитывать и в процессе экспертизы имагологических структур (имагем, имаготем и др.) кинематографической «гиперреальности», оценка уникальной внутренней бытийности которой нередко требует особой идейно-гносеологической сензитивности, интеллектуального сопричастия, не совместимого с формально-механистическим подходом при ее «ортодоксально» киноведческо-теоретической реконструкции.

Из новейшей отечественной историографии развития киноискусства в контексте культурно-идеологического противостояния следует отметить публикации О. В. Рябова [60, 61, 62], И. А. Антоновой [3], диссертационные исследования и другие элементы творческой лаборатории В. М. Халилова [80], А. С. Колесниковой [42], А. А. Артюх [4], непосредственно затрагивавшие кинопроизводство в США, его гендерную [79], религиозно-мифологическую субстанциональность, складывавшуюся под влиянием как внутренних общественно-политических течений, умонастроений и их антагонизма [81], так и под воздействием внешних «холодных» идеологических вызовов, что в итоге приводило к сложным мультикультурным комбинациям [82].

Зарубежная историография

Если говорить о зарубежной историографии, то здесь, в первую очередь, обращают на себя внимания капитальные, фундированные, многотомные исследования, принадлежащие французскому и польскому историкам кино, критикам, искусствоведам Ж. Садулю и Е. Теплицу, которым удалось выполнить грандиозную задачу по реконструкции истории мирового кинематографа с конца XIX и до середины XX в. [63, 68, 69] Особенностью этих изданий является комплексно-интегральный ракурс, предполагающий рассмотрение киноискусства отдельных стран во всей совокупности ведущих административно-организационных, материально-технических и политико-идеологических аспектов и составляющих, сохранявших свою актуальность и на протяжении всей второй половины XX века.

Западная, англо-американская историография истории киноискусства, киноведение также, как и в СССР были неразрывно связаны с общественно-политическими тенденциями, агитационно-пропагандистскими медиа-штурмами, атмосферой «войны слов» и войны идей» [100, р. 34; 122, р. XVII] и культурными трансферами современности, формированием системы и стиля «Нового Голливуда» [110].

На волне вышедших в 1970-е остросюжетных и критически рассматривавших американскую действительность кинофильмов («Таксист» / «Taxi Driver», США, 1976; «Разговор» / «The Conversation», США, 1974; «Вся президентская рать» / «All the President's Men», США, 1976; «Заговор Параллакс» / «The Parallax View», США, 1974; «Клют» / «Klute», США, 1971; «Привести в исполнение» / «Executive Action», США, 1973; «Заговор Уилби» / «The Wilby Conspiracy» (Великобритания, 1975 и др.), обнажавших морально-нравственную порочность, конформизм, циничный прагматизм, эгоцентризм

и равнодушие к судьбе людей со стороны представителей политической «элиты», изучаются темы насилия, социальной напряженности, переплетения форм девиантного и вариативного-альтернативного поведения, проблемы уязвимости и бессилия личности в борьбе с «системой» и перед «лицом» государства и власти, города и его обитателей, аспекты военно-политической конфликтологии [127, 129]. Поднимаются вопросы соотношения сакрального и профанического, границ частного, приватного, семейного пространства, индивидуальной и общественно-политической повседневности, прослеживается динамика их кинематографических интерпретаций в 1950—1980-е гг. Складывается свойственный зарубежной историографии культурно-антропологический ракурс [106] исследований визуальных репрезентаций всех форм американской экзистенциальности, приходящей соприкосновение с различными проявлениями *инаковости* / *чуждости*. Это авторские труды С. Кина [108], Дж. Меллен [113], Б. Фридэн [102], М. Р. Роджина [118], С. Кейвела [95], С. Кэгина и П. Дрэя [94], Р. Склера [123], Е. Гудмэна [103], а также коллективные публикации [93, 97].

Не менее внушительный историографический задел был создан в 1990-2000-е гг. — уже после завершения «холодной войны» в ее «официальных» границах. Зарубежные исследователи, такие как Дж. Мэн [111], Дж. Кинг [109], К. Ньюман [115], В. Вилер [128] обращаются к проблемам кризиса «классического» Голливуда, сосуществования национально-консервативного стиля и его жанров — вестерна и пеплума с феноменом «независимого кинематографа», появления новых кинопроизводственных механизмов, принципов отбора, идейно-художественных приоритетов. Продолжаются традиции рассмотрения истории американской кинематографии по годовым декадам (1950—1980-е гг.) [92, 114], а также сюжеты киновоплощений аномального поведения или субкультурных предпочтений [96, 117].

В отдельную подгруппу можно вынести публикации, относящиеся к спектру политико-исторической имагологии, посвященные конструированию «образа врага» [125] в период «холодной войны», взаимоотношениям телевизионного вещания и контента с кинематографом [124], а также — деятельности спец. служб и ведомств информационно-политического контроля [107]. Так, Р. Пауэрс [116] и А. Д. Тэоэрис [126] приходят к важным выводам о значительности фактора институционального соперничества между ФБР и ЦРУ, стремившихся к закреплению своих позиций не только оперативно-силовым, но и информационным способом — с помощью формирования определенного имагологического имиджа в теле-, кино- и радиовещании. Как отмечал Пауэрс, с целью популяризации позитивно-конструктивной деятельности и созидательно-укрепляющей миссии ФБР по борьбе с врагами «американской нации» Д. Э. Гувер на протяжении всего периода своего пребывания в качестве руководителя данного ведомства не только устанавливал тесные контакты со многими американскими актерами и другими представителями киноиндустрии, но даже выступал с инициативой создания ФБР-киностудии [116, p. 78].

Из новейших публикаций, вышедших по этой проблематике, можно выделить работы: Т. Шоу и Дж. Янгблад о британском, американском и советском кинопроизводстве в эпоху «холодной войны» [119, 120, 121]; Дж. Хобермана [105], непосредственно избравшего особый ракурс и цель по воссозданию «армии фантомов», возникших под влиянием политико-идеологической напряженности; Т. Доэрти — об информационно-политической, контрольно-цензурной

тирании, «охоте на ведьм», проводившихся в США в период маккартизма [101]; Х. Гошило [104] — о деформациях представлений о «красной угрозе» в «постхолодную эпоху», а также новейшее коллективное исследование жанрового многообразия кино-произведений «холодной войны» [98].

В целом, подводя итоги, отметим следующее. Как мы получили возможность убедиться, был создан практически необъятный и более, чем внушительный теоретический задел. Отечественные и зарубежные исследователи успешно осваивали различные проблемно-тематические ракурсы, проводя последовательную верификацию выводов об эволюции «образов врага», трансформации медийных стереотипов, многообразии институционального, инструментального, личностно-персонального измерений и факторов кинополитики. В то же время, несмотря на попытки создания обобщающих исследований [23, 67], на уровень *комплексной идейно-теоретической компаративистики* особенностей советского и американского кинопроизводства еще только предстоит выйти с помощью преодоления эмпирической напряженности, перегруженности [130], а также дискурсивной эклектичности. Это, в первую очередь, свойственно зарубежной историографии и киноведению, дистанцирующихся от концептуально оформленных выводов и заключений, нередко подменяемых публицистическими эпилогами и эссеистикой, затрудняющими выявление реальной степени изученности, ограничивающейся, даже в последних исследованиях, констатацией не отличающихся новизной историографических фактов о различных типах «нисходящей» антиамериканской медиа-пропаганды, обусловленных стилями правления советско-российских лидеров [112, p. 152—159].

Библиографический список

1. *Авенариус Г. А.* Современное американское кино на службе поджигателей войны : автореф. дис. ... канд. искусствовед. М. : АН СССР, 1955. 16 с.
2. *Аксенов В. Б.* «Враги России» в журнальной карикатуре // *Российская история*. 2016. № 5. С. 216—222.
3. *Антонова И. А.* Российско-американские отношения в сфере кино в годы Второй мировой войны и первые послевоенные годы // *Клио*. 2012. № 4 (64). С. 55—59.
4. *Артюх А. А.* Смена парадигмы развития киноискусства и киноиндустрии США : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения: 17.00.03. М. : ВГИК, 2010. 57 с.
5. *Бондарева Е. Е.* К вопросу о зарождении понятия «American dream» — «американская мечта» // *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*. 2013. № 5. С. 82—86.
6. *Вагаршян Л. В.* Кинопанорама мира. Заметки о московском международном кинофестивале. Ереван : Айпетрат, 1961. 94 с.
7. *Валюжевич А. В.* Внешнеполитическая пропаганда США. М. : Международные отношения, 1973. 2016 с.
8. *Великий вызов. Сравнительная энциклопедия США—СССР*. М. : Прогресс, 1969. 278 с.
9. *Власов А. И.* В конфликте в реальность. Кризис внешнеполитической пропаганды США. М. : Международные отношения, 1972. 224 с.
10. *Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 / под ред. акад. А. Н. Яковлева*. М. : МФД, 1999. 868 с.
11. *Голенопольский Т. Г., Шестаков В. П.* «Американская мечта» и американская действительность. М. : Искусство, 1981. 208 с.

12. *Голенопольский Т. Г., Шестаков В. П.* США: кинематограф 70-х. М.: Знание, 1978. 64 с.
13. Голливуд и «Тихий американец» // Искусство кино. 1957. № 3. С. 83—92.
14. Голливуд на службе монополий. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. 48 с.
15. *Головской В. С.* Между оттепелью и гласностью. Кинематограф 1970-х. М.: Материк, 2004. 383 с.
16. *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. 1917—1991. М.: РОССПЭН, 2009. 407 с.
17. *Грошев А. Н.* Советское кино на подъеме. (1954—1963 г.) М.: [б. и.], 1964. 68 с.
18. *Гуськов С. И.* Голубой монстр. (Спортивное телевидение США на службе американского империализма). М.: Мысль, 1986. 222 с.
19. *Золотарев В. А., Путилин Б. Г.* Месть за Победу: Советский Союз и холодная война. М.: Военная книга, 2014. 797 с.
20. *Зоркая Н. М.* История отечественного кино. XX в. М.: Белый город, 2014. 512 с.
21. *Зоркая Н. М.* История советского кино. СПб.: Алетейя, 2005. 544 с.
22. История зарубежного кино: в 3 т. М.: Искусство, 1965—1981.
23. История зарубежного кино (1945—2000) / под ред. В. А. Утилова. М.: Прогресс-традиция, 2005. 566 с.
24. История киноотрасли в России: управление, кинопроизводство, прокат / под ред. В. И. Фомина. М.: Минкульт РФ; ВГИК, 2012. 2759 с.
25. История отечественного кино / отв. ред. Л. М. Будяк. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 523 с.
26. История советского кино. 1917—1967: в 4 т. М.: Искусство, 1969—1978.
27. *Калатозов М. К.* Лицо Голливуда. М.: Госкиноиздат, 1949. 128 с.
28. *Капранов Г. А.* Западный кинематограф: супермены и люди. М.: Знание, 1987. 54 с.
29. *Карцева Е.* Голливуд глазами американца // Искусство кино. 1962. № 3. С. 155—157.
30. *Карцева Е. Н.* Контрасты 70-х. Кинематограф и общественная жизнь в США. М.: Искусство, 1987. 316 с.
31. *Карцева Е.* «Роковые годы» Голливуда // Искусство кино. 1960. № 12. С. 143—145.
32. *Карцева Е. Н.* Сделано в Голливуде. М.: Искусство, 1964. 260 с.
33. Кинематограф — зеркало или молот? Кинокоммуникация как социокультурная практика / под общ. ред. М. И. Жабского. М.: Канон+; Реабилитация, 2010. 535 с.
34. Кино Югославии. М.: Искусство, 1978. 193 с.
35. *Кислова Л. Д.* Прогрессивные деятели Голливуда и американская реакция // Прогрессивная литература стран капитализма в борьбе за мир: сборник статей. М.: [б. и.], 1952. С. 353—372.
36. *Козырев Г. И.* «Враг» и образ врага в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. № 1 (285). С. 31—39.
37. *Кокарев И. Е.* Взлеты и падения Голливуда 70-х // США: экономика, политика, идеология, культура. 1976. № 8. С. 40—53.
38. *Кокарев И. Е.* Голливуд на пороге 80-х: Голливуд и политика. М.: Искусство, 1987. 256 с.
39. *Кокарев И. Е.* Кино как бизнес и политика: современная киноиндустрия США и России. М.: Аспект Пресс, 2009. 342 с.
40. *Кокарев И. Е.* Политическая реальность США 1970-х годов и голливудская «Новая волна». М.: ВГИК, 1983. 51 с.
41. *Кокарев И. Е.* Российский кинематограф: между прошлым и будущим. М.: Российский фонд культуры, 2001. 488 с.
42. *Колесникова А. Г.* Формирование и эволюция образа врага периода «холодной войны» в советском кинематографе (середина 1950 — середина 1980-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М.: ИРИ РАН, 2009. 26 с.

43. Колесникова Н. Б. Голливуд 30—40 годов глазами писателя // К проблемам романтизма и реализма в зарубежной литературе XIX и XX в. М. : [б. и.], 1973. С. 99—112.
44. Колодяжная В. С. Кино Соединенных Штатов Америки (1945—1960). М. : [б. и.] 1963. 50 с.
45. Комаров С. В. Кино США (1914—1929). М. : [б. и.], 1963. 62 с.
46. Комов Ю. А. Голливуд без маски. М. : Искусство, 1982. 208 с.
47. Косинова М. И. Кинорепертуар и зрительские предпочтения в эпоху «оттепели» в России // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 293—306.
48. Косинова М. И. Экспортно-импортные отношения советской кинематографии в годы «застоя» // Вестник Университета. (Государственный университет управления). 2016. № 12. С. 213—218.
49. Краснова Г. Поиск альтернативы: кино ФРГ против экспансии Голливуда // Мифы и реальность М. : [б. и.], 1985. . Вып. 9. С. 161—180.
50. Краснова Г. В. Рождение нации. История США в фильмах. М. : Канон-плюс, 2019. 255 с.
51. Лоусон Д. Г. Кинофильмы в борьбе идей. М. : Изд-во иностранной литературы, 1954. 148 с.
52. Маркулан Я. Кино Польши. М. : Искусство, 1967. 291 с.
53. Мерсийон А. Кино и монополии в США. М. : Изд-во иностранной литературы, 1956. 297 с.
54. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров : Радуга-Пресс, 2013. 162 с.
55. После оттепели: кинематограф 1970-х. М. : НИИ киноискусства, 2009. 576 с.
56. Поршинева О. С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. Екатеринбург, 2014. С. 126—129.
57. Разлогов К. Е. Конвейер грез и психологическая война. Кино и общественно-политическая борьба на западе. 70—80-е гг. М. : Политиздат, 1986. 236 с.
58. Разлогов К. Э. Искусство экрана. От синемаатографа до Интернета. М. : РОССПЭН, 2010. 287 с.
59. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 469.
60. Рябов О. В. «Как хорошо, что наяву я не в Америке живу!» Образ США в гендерном дискурсе советской мультипликации (1946—1963) // Женщина в российском обществе. 2018. № 2 (87). С. 89—103.
61. Рябов О. В. «Мистер Джон Ланкастер Пек»: американская маскулинность в советском кинематографе холодной войны (1946—1963) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4 (65). С. 44—57.
62. Рябов О. В. «Советский враг» в американском кинематографе холодной войны: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2011. № 2 (59). С. 20—30.
63. Садуль Ж. Всеобщая история кино : в 6 т. М. : Искусство, 1958—1963.
64. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века (Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества). М. : РОССПЭН, 2006. 288 с.
65. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2006. № 2 (6). С. 54—72.
66. Соболев Р. П. Голливуд. 60-е гг. : очерки. М. : Искусство, 1975. 237 с.
67. Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945—1989. М. : ПЭН, 2018. 446 с.
68. Теплиц Е. История киноискусства : в 4 т. М. : Прогресс, 1971—1974.
69. Теплиц Е. Кино и телевидение США. М. : Искусство, 1966. 300 с.
70. Тетерин П. В. Роль США в развязывании «холодной войны» (историографический обзор отечественной литературы). М. : Спутник+, 2012. 241 с.

71. *Тетерюк А. С.* «Мягкая сила»: фактор кинематографа // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел. 2014. № 2 (8). С. 170—177.
72. *Трутко И. И.* Кино Англии (1929—1939). М. : ВГИК, 1962. 30 с.
73. *Туровская М. И.* Фильмы «холодной войны» // Искусство кино. 1996. № 9. С. 98—106.
74. *Федоров А. В.* Медиаобразования: теория и история. М. : МОО «Информация для всех», 2015. 450 с.
75. *Федоров А. В.* Трансформация образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946—1991) до современного этапа (1992—2015). М., 2010. 201 с.
76. *Филитов А. М.* «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. М. : Наука, 1991. 200 с.
77. *Фомин В. И.* История российской кинематографии (1941—1968): управление, общественные организации, репертуарная политика, кинопроизводство, кинофикация, кинопрокат, кинотехника, зарубежные связи, подготовка кадров. М. : Канон-Плюс, 2019. 736 с.
78. *Фомин В.* Кино и власть. Советское кино: 1965—1985 гг. : документы, свидетельства, размышления. М. : Материк, 1996. 370 с.
79. *Халилов В. М.* Гендерные репрезентации в кино США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 6 (558). С. 67—87.
80. *Халилов В. М.* Общественно-политическая роль кинематографа США во второй половине XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М. : Институт США и Канады РАН, 2003. 32 с.
81. *Халилов В. М.* Правая идеология в «левацком» Голливуде // Россия и Америка в XXI веке. 2017. № 3. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=590> (дата обращения: 03.04.2019).
82. *Халилов В. М., Хилькевич Е. В.* Мультикультурализм в американском кино // США и Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 11 (479). С. 91—106.
83. *Черненко М. М.* Кино Югославии. М. : В/О «Союзинформкино», 1986. 63 с.
84. *Шатерникова М. С.* «Синие воротнички» на экранах США. (Человек труда в американском кино). М. : Искусство, 1985. 253 с.
85. *Юдин К. А.* Западноевропейская консервативная политическая традиция в зеркале французского кинематографа эпохи голлизма (1959—1969 гг.) // На пути к гражданскому обществу. 2012. № 1-2 (5-6). С. 80—83.
86. *Юдин К. А.* Кинематограф в контексте советско-американских отношений накануне и в период «холодной войны» (вторая половина 1920 — начало 1950-х гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Вып. 4 (18). История. С. 39—52.
87. *Юдин К. А.* Кинематограф как «зеркало бытия». Очерки истории западноевропейского киноискусства в лицах (1930—1980-е гг.). Иваново : ЛИСТОС, 2018. 196 с.
88. *Юдин К. А.* «Критический поворот» в отечественной историографии на рубеже 1980—1990-х годов и перспективы организации исторического знания на постсоветском пространстве // На пути к гражданскому обществу. 2011. № 1—2. С. 22—29.
89. *Юдин К. А.* О старом и новом кинематографе как «зеркале бытия» // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 365—375.
90. *Юдин К. А.* Советский кинематограф и «холодный» политический климат «позднего сталинизма» // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI вв. : материалы XVIII международной научно-практической конференции. 3—4 апреля 2019 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2019. С. 713—722.
91. *Юрнев Р. Н.* Краткая история советского кино. М. : Союз кинематографистов СССР : Бюро пропаганды советского киноискусства, 1979. 231 с.

92. American Cinema of the 1970s: Themes and Variations / ed. by Lester D. Friedman. New Brunswick ; New Jersey : Rutgers University Press, 2007. 287 p.
93. American history / American film: Interpreting the Hollywood image / Ed. by John E. O'Connor a. Martin A. Jackson. New York : Ungar, 1979. 290 p.
94. *Cagin S., Dray P.* Hollywood Films of the Seventies. New York : Harper & Row, 1984. 290 p.
95. *Cavell S.* Pursuits of Happiness: The Hollywood Comedy of Remarriage. Cambridge, Mass.: Harvard UP, 1981. 283 p.
96. *Cettl R.* Terrorism in American cinema: an analytical filmography, 1960—2008. N. C. : McFarland & Co., 2009. 312 p.
97. Cinema, politics and society in America / ed. by Philip Davies. Manchester : Manchester univ. press, 1985. 266 p.
98. Cold War film genres / ed. by Homer B. Pettey. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2018. 280 p.
99. Cold War: historiography, memory, representation / ed. by Konrad H. Jarausch, Christian F. Ostermann, and Andreas Etges. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2017. 317 p.
100. Cold-War Propaganda in the 1950's. N.Y. : Macmillan Press, 1999. 246 p.
101. *Doherty T.* Cold War, cool medium: television, McCarthyism, and American culture. N.Y. : Columbia University Press, 2003. 305 p.
102. *Friedan B.* The Feminine Mystique. N.Y. : Dell, 1963. 430 p.
103. *Goodman E.* The Fifty-Year Decline and Fall of Hollywood. New York : Simon and Schuster, 1961. 465 p.
104. *Goscilo H.* Fade from red: the cold-war ex-enemy in Russian and American film, 1990—2005. Washington : New Academia Pub., 2014. 428 p.
105. *Hoberman J.* An army of phantoms: American movies and the making of the Cold War. N. Y. : New Press, 2011. 384 p.
106. Hollywood as Historian: American film in a Cultural Context. Lexington : University Press of Kentucky, 1983. 276 p.
107. *Jenkins T.* The CIA in Hollywood: how the agency shapes film and television. Austin : University of Texas press, 2016. 222 p.
108. *Keen S.* Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination. San Francisco : Harper & Row, 1986. 200 p.
109. *King G.* Indiewood, USA: Where Hollywood meets Independent Cinema. London; N. Y. : I.B. Tauris, 2009. 256 p.
110. *Madsen A.* New Hollywood. N. Y. : Crowell, 1975. 183 p.
111. *Man G.* Radical Visions. American Film Renaissance, 1967—1976. Westport ; Connecticut ; London : Greenwood Press, 1994. 216 p.
112. *Magnusdottir R.* Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945—1959. N. Y. : Oxford University Press, 2019. 242 p.
113. *Mellen J.* Women and Their Sexuality in the New Film. N. Y. : Dell, 1973. 255 p.
114. *Monaco P.* The sixties: 1960—1969. N. Y. : Charles Scribner's Sons, 2001. 346 p.
115. *Newman K.* Apocalypse Movies: End of the World Cinema. N. Y. : St. Martin's Griffin, 2000. 272 p.
116. *Powers R. G.* G-men, Hoover's FBR in American Popular Culture. Chicago : Southern Illinois univ. press, 1983. 356 p.
117. *Prince S.* Classical film violence: designing and regulating brutality in Hollywood cinema, 1930—1968. New Brunswick ; New Jersey ; London : Rutgers University Press, 2003. 342 c.
118. *Rogin M. P.* «Ronald Reagan», the Movie, and Other Episodes in Political Demonology. Berkeley : University of California Press, 1987. 366 p.
119. *Shaw T.* British Cinema and the Cold War. N. Y. : I.B. Tauris, 2006. 280 p.
120. *Shaw T.* Martyrs. Miracles and Martians?: Religion and Cold War Cinematic Propaganda in the 1950's // Religion and the Cold War / ed. by D. Kirby. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2003. P. 211—231.

121. *Shaw T., Youngblood D. J.* Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Heart and Minds. Lawrence : University Press of Kansas, 2010. 301 p.
122. *Shawn J. Parry-Giles.* The rhetorical presidency, propaganda, and the Cold War. 1945—1955. Westport ; Connecticut ; London : Praeger Publishers, 2002. 264 p.
123. *Sklar R.* Movie-Made America: A Social History of American movies. N. Y. : Random House, 1975. 340 p.
124. *Stokes J.* On Screen Rivals: Cinema and Television in the United States and Britain. Basingstoke : Macmillan, 1999. 237 p.
125. *Strada M. J., Troper H. R.* Friend or Foe? Russian in American Film and Foreign Policy. Lanham, Md., & London : The Scarecrow Press, 1997. 255 p.
126. *Theoharis A. G.* The FBI: A Comprehensive Reference Guide. N. Y. : Checkmark Books, 2000. 409 p.
127. *Weber C.* Imagining America at war: morality, politics and film. London ; N. Y. : Routledge, 2006. 188 p.
128. *Wheeler W. D.* Hollywood in Crisis or: The Collapse of the Real. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2016. 116 p.
129. *Wood R.* Hollywood. From Vietnam to Reagan and... Beyond: A Revised and Expanded Edition of the Classic Text. N. Y. : Columbia University Press, 1983. 480 p.
130. *Wyatt J.* High Concept: Movies and Marketing in Hollywood. Austin : University of Texas press, 1994. 249 p.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗУМА В СВЕТЕ ПРИНЦИПА ИНФИНИТИЗМА

В статье дается критический анализ гипотезы, согласно которой разум, прогрессирующий постоянно растущими темпами в перспективе обретет поистине божественный статус, станет всеведущим и всемогущим. Показано, что в свете принципа инфинитизма, утверждающего многообразную бесконечность (неисчерпаемость универсума), познавательные и преобразовательные возможности разума всегда останутся локальными.

Ключевые слова: совершенствование разума, принцип инфинитизма, неисчерпаемый универсум, бесконечная сложность, «волна сложности».

The article provides a critical analysis of the hypothesis that the mind, progressing at an ever-increasing pace in the future will acquire a truly divine status, will become omniscient and omnipotent. It is shown that in the light of the infinitism principle, asserting a diverse infinity (inexhaustibility of the universe), cognitive and transformative capabilities of the mind will always remain local.

Key words: improvement of mind, principle of infinitism, inexhaustible universe, infinite complexity, “wave of complexity”.

В последние десятилетия появилось немало прогнозов, повествующих о буквально фантастических перспективах человеческого и постчеловеческого разума. Эти прогнозы отличаются друг от друга в деталях, но суть их одна: разум, прогрессирующий постоянно растущими темпами, проходя в своем развитии ряд ступеней и форм, обретает поистине божественный статус: становится всеведущим и всемогущим.

Приведу здесь несколько примеров прогнозов такого рода.

Так, знаменитый американский футуролог и изобретатель Рэй Курцвейл, размышляя о будущем разума и Вселенной, без всяких колебаний провозглашает: «При любом варианте развития событий разбудить Вселенную и разумно распорядиться её судьбой с помощью нашего человеческого разума в его небиологической форме — это наше предназначение» [2, с. 325]. Иными словами, Р. Курцвейл не сомневается в том, что разум, совершенствующийся на основе непрерывной и стремительно набирающей темпы технологической эволюции, в будущем непременно распространится по всей Вселенной и сможет ею управлять.

Вот еще один оптимистический прогноз, относящийся к будущей роли разума во Вселенной. Он принадлежит современному американскому ученому и популяризатору науки Майклу Шермеру. М. Шермер предполагает, что «в далеком будущем цивилизации, возможно, достигнут такого уровня развития, что колонизируют целые галактики, генетически сконструируют новые формы жизни, освоят терраформирование планет и даже

научатся инициировать рождение звезд и новых солнечных систем...». Но все эти великие достижения являются, полагает М. Шермер, только скромными шагами будущих цивилизаций на пути к вершине их развития. А на этой вершине будущие «цивилизации накопят такие знания и возможности, что станут фактически всеведущими и всемогущими». Поэтому, утверждает цитируемый автор, «любой инопланетный разум и человек далекого будущего неотличим от Бога» [11, с. 311].

Физик и космолог, профессор Массачусетского института Макс Тегмарк полагает весьма вероятным осуществление в будущем на основе создания искусственного интеллекта своего рода «интеллектуального взрыва». Это будет, пишет он, «поистине взрыв космического масштаба». В ходе такого взрыва разум «подобно сферической волне» распространится по Вселенной «со скоростью близкой к скорости света». В итоге разум превратится в хозяина «собственной судьбы не только в нашей Солнечной системе или в галактике Млечный путь, но и вообще в космосе» [3, с. 375, 376].

Настоящий гимн прогрессу и разуму мы находим в книге американского физика и космолога Фрэнка Дж. Типлера «Физика бессмертия». Здесь он развивает в частности гипотезу о том, что «в конце времен» эволюционирующая Вселенная достигнет «точки Омега». И при достижении этой «точки» разум в форме суперкомпьютера сможет воссоздать прошлое во всех деталях, в частности такой суперкомпьютер сможет воссоздать любого когда-то жившего человека, обеспечивая тем самым каждому человеку своеобразную форму воскрешения и бессмертия. При этом Фрэнк Типлер, не колеблясь, отождествляет такой суперкомпьютер («всеведущий и всемогущий разум») с Богом [4].

В этом же русле — русле вселенских перспектив будущего развития разума — можно интерпретировать типологизацию «космических цивилизаций», предложенную в свое время советским астрофизиком Н. С. Кардашевым и развитую позже несколькими авторами. Напомню, что в соответствии с типологизацией, разработанной Н. С. Кардашевым, возможно существование космических цивилизаций трех типов. При этом цивилизации, принадлежащие различным типам, отличаются друг от друга, прежде всего, количеством используемых ими ресурсов, в первую очередь энергетических ресурсов. Так, цивилизация первого типа использует все ресурсы «своей» планеты. К примеру, земная цивилизация достигнет такого уровня, когда сможет распоряжаться всеми ресурсами нашей планеты. Цивилизация второго типа использует все ресурсы «своей» звезды. В частности, земная цивилизация достигнет этого уровня, когда она сможет освоить все ресурсы Солнца. Соответственно, цивилизация третьего типа использует все ресурсы «своей галактики» [1]. Впоследствии эта шкала была дополнена другими авторами. В частности, эти авторы включили в нее цивилизации четвертого типа. Каждая такая цивилизация использует все ресурсы «своей» вселенной. Наконец, гипотетическая цивилизация пятого типа будет поистине всеобъемлющей и сможет использовать «все ресурсы» мультиверсума. Как видим, авторы такой типологизации также предполагают, что на своей высшей ступени развития космическая цивилизация (разум) будет, по сути, всеведущей и всемогущей.

Разумеется, прогнозы такого рода чрезвычайно привлекательны. Они вселяют в человека, знакомящегося с ними, надежду на беспредельный прогресс разума. Они вселяют в человека гордость за его причастность к этому в перспективе всемогущему началу. Очевидно также, что подобные

оптимистические прогнозы возникли не на пустом месте. Их истоком и основанием являются в частности нынешние научные и технико-технологические достижения человечества, а также несомненный факт постоянного ускорения темпов научного и технико-технологического развития современного человечества. Их истоком и основанием являются быстро растущие познавательные и преобразовательные возможности разума. Наблюдая этот рост, принявший небывалые масштабы в последние десятилетия, и экстраполируя его на отдаленное будущее, нетрудно придти к выводам, близким к заключениям авторов рассматриваемых сверх оптимистических прогнозов.

В то же время знакомство с этими прогнозами вызывает некоторого рода недоверие по отношению к ним. Это недоверие обусловлено многими обстоятельствами. В частности, принимая во внимание указание авторов обсуждаемых оптимистических прогнозов на происходящий в последние десятилетия невероятный рост познавательных и преобразовательных возможностей разума, нельзя закрывать глаза на то, что этот рост имеет весьма противоречивые последствия. В частности недопустимо, закрывать глаза на то, что этот рост ведет к нарастанию множества постоянно обостряющихся проблем, угрожающих самому существованию человечества. Я имею в виду, в том числе, обострение колоссальной экологической проблемы, нарастание опасности масштабных техногенных катастроф, а также появление новых, все более изощренных видов оружия. Кроме того, следует учесть то существенное обстоятельство, что «прямолинейная экстраполяция» тенденций и особенностей нынешнего этапа научного и технико-технологического развития на весьма отдаленные будущие этапы их развития, в общем, является методологически некорректной познавательной операцией. А именно такая — «прямолинейная» — экстраполяция характеристик современного этапа научного и технико-технологического развития на совершенно неизвестные нам стадии их развития свойственна цитированным мною авторам.

Но, как мне представляется, даже не эти только что приведенные — чрезвычайно серьезные — обстоятельства являются истинным «камнем преткновения» для принятия всерьез приведенных выше прогнозов беспредельного развития разума. Я думаю, что в качестве такого «камня» для принятия подобных прогнозов выступает весьма естественное предположение о многообразной бесконечности (неисчерпаемости) мира.

Действительно, несложно убедиться, что все такие прогнозы основываются на предположении, согласно которому познавательная и преобразовательная экспансия разума рано или поздно закончится полным освоением мира. И тогда мир (универсум) станет полностью подвластным развившемуся разуму. По-другому сказанное можно выразить следующим образом: авторы, обсуждаемых прогнозов убеждены в том, что между нынешним, «скромным» состоянием человеческого разума и тем состоянием развившегося разума, когда он станет всеведущим и всемогущим, лежит конечная дистанция. При этом неважно, что эта дистанция может быть очень большой. Принципиально важно лишь то, что она является, по их мнению, конечной. В частности, она, по их убеждению, является конечной по своей длительности. Иными словами, авторы прогнозов обсуждаемого типа уверены, что нынешнее состояние человеческого разума отделено от состояния разума, ставшего всеведущим и всемогущим, конечным (может быть, очень большим) отрезком времени. Но, очевидно, что эта уверенность покоится на предположении о том, что мир конечен (разумеется, не только в пространственном смысле

этого слова). Ибо только конечный (исчерпаемый) мир разум в перспективе может целиком и полностью охватить познанием и поставить под свой контроль.

Надо сказать, что игнорирование указанными и многими другими авторами бесконечной сложности (неисчерпаемости) универсума и его фрагментов вело и ведет их поспешным и ошибочным теоретическим выводам, прежде всего, к уже знакомым нам выводам о возможности полного и окончательного освоения мира. Добавлю, что деятельность по преобразованию общества, основанная на теоретических выводах такого рода, неизбежно ведет к очень печальным, а нередко и к трагическим последствиям. В частности, необходимо отметить, что сущность различных утопических мировоззрений, достаточно широко представленных в истории духовных исканий человечества, состоит именно в абстрагировании создателей таких мировоззрений от бесконечной сложности всех социокультурных систем, от бесконечной сложности человека в том числе. Трагическая история многообразных попыток воплощения утопических конструкций различного рода убедительно демонстрирует исключительную опасность таких конструкций. Нетрудно убедиться также в том, что все нынешние прогнозы, говорящие о поистине вселенских перспективах разума, основаны на отвлечении от бесконечной сложности человека (человечества) и мира. Это же относится к современным проектам достижения человеком (человечеством) кибернетического бессмертия (трансгуманизм).

Но почему бы нам не предположить, что мир является многообразно бесконечным? Почему бы нам не предположить, что мир является бесконечно сложным?

Я давно уже развиваю мировоззрение, основанное на предположении о многообразной бесконечности (неисчерпаемости) мира (универсума). Это предположение я называю также принципом инфинитизма. В своих предшествующих работах я рассмотрел многие следствия, вытекающие из принятия идеи инфинитизма в качестве основополагающего онтологического принципа (см.: [6, 7, 9]). Ниже я концентрирую свое внимание только на двух моментах. Во-первых, я подчеркиваю то обстоятельство, что указанный принцип утверждает не только бесконечную сложность, так сказать, всего универсума, но и бесконечную сложность всякого фрагмента универсума. Во-вторых, я демонстрирую, что в свете этого принципа перспективы разума предстают совсем не такими радужными, какими их представляют авторы, цитированные мной в начале статьи.

Итак, обратимся, прежде всего, к рассмотрению предположения о (бесконечной) сложности универсума и каждого его фрагмента.

Как уже сказано, это предположение является следствием принципа инфинитизма, утверждающего многообразную бесконечность (неисчерпаемость) универсума. В частности, бесконечная сложность (неисчерпаемость) любого фрагмента универсума следует из присутствия в нем уровня бытия конечного, неразрывно связанного с бесконечным, и уровня бытия бесконечного как такового. Напомню, что, в соответствии с предложенной мной онтологической моделью (см. об этом: [5]), бытие универсума описывается единством трех его принципиально различных его уровней. А именно: а) уровня бытия конечного как такового; б) уровня бытия конечного, неразрывно связанного с бесконечным; в) уровня бытия бесконечного как такового. Как следует из названия указанных уровней бытия универсума, бесконечная сложность любого его фрагмента осуществляется именно на уровне бытия

конечного, неразрывно связанного с бесконечным, и на уровне бытия бесконечного как такового.

Соответственно, бесконечная сложность любого фрагмента универсума подразумевает существование бесконечного числа его многообразных составляющих, наличие бесконечного числа связей между этими составляющими, существование бесконечного числа связей этих составляющих с другими фрагментами универсума, а также бесконечное многообразие процессов, осуществляемых различными уровнями бытия этого фрагмента и т. д.

Разумеется, утверждение бесконечной сложности любого фрагмента универсума, как и сам принцип инфинитизма, являются предположениями, постулатами. Они не могут быть строго доказаны. Но они могут быть серьезно обоснованы. Это обоснование имеет две тесно связанных друг с другом стороны. Первая из них указывает на то, что отрицание этих предположений неизбежно ведет к следствиям, с которыми очень трудно согласиться. В частности, их отрицание ведет к отрицанию реальности случайности, свободы и творчества [7, с. 43—61]. Иначе говоря, их отрицание ведет нас в скучный мир полной предопределенности. Вторая сторона обоснования рассматриваемых предположений состоит в том, что онтология, развитая на их основе, может быть охарактеризована как достаточно естественная и эвристичная. Это убедительно, как мне представляется, продемонстрировано в моих книгах, указанных выше.

Необходимо также сказать, что бесконечная сложность (неисчерпаемость) определенного объекта познания в некотором смысле может рассматриваться как синоним его бытия, как синоним его объективной реальности. Иначе говоря, такой — неисчерпаемый — объект существует до, вне и независимо от какого-либо субъекта, он не нуждается в творце. Более того, такой объект, в отличие от применяемых в научном познании теоретических (идеальных) объектов, в принципе невозможно рационально сконструировать, создать. Рационально сконструировать, создать можно только конечный в том или ином отношении объект. Именно такими являются большинство фигурирующих в науке теоретических (идеальных) объектов. Именно поэтому они так широко и успешно применяются в научном познании: в принципе их можно «полностью и окончательно» познать. Впрочем, рационально сконструировать можно и бесконечный объект. Но, подчеркну сразу, в данном случае речь идет о возможности конструирования объекта, бесконечного в строго определенном смысле этого слова. Это — бесконечность, которую в философии принято называть «дурной» бесконечностью. Это — сугубо количественная бесконечность, бесконечность, сводящаяся к непрерывному повторению одного и того же действия. Другими словами, для построения объекта, бесконечного в указанном смысле, существует строго определенный алгоритм. К примеру, такой бесконечностью обладает ряд натуральных чисел, алгоритм построения которого чрезвычайно прост: каждый следующий член этого ряда получается из предшествующего его члена прибавлением к нему единицы. Здесь стоит подчеркнуть, что объекты, бесконечные в данном смысле, являются бесконечно сложными лишь в весьма ограниченном смысле этого слова. А именно: бесконечная сложность объектов такого рода состоит лишь в том, что для их построения (а, следовательно, для их описания) необходимо осуществить бесконечное число стандартных шагов, однозначно определенных соответствующим алгоритмом. Разумеется, неисчерпаемые объекты радикально отличаются от объектов, которым свойственна «дурная»

бесконечность (см. об этом подробнее: [10]). Они, как уже сказано, не могут быть сконструированы. Дело в том, что в принципе не существует алгоритмов построения объектов такого рода. Поэтому бытие не может быть даровано неисчерпаемому объекту никаким субъектом, оно не может быть также никем отнято у него. Бытие бесконечно сложного объекта соприродно ему, оно атрибутивно присуще ему. Таким образом, с задачей конструирования и построения такого объекта не может справиться ни один субъект. Поэтому предположение о бесконечной сложности (неисчерпаемости) любого фрагмента универсума, по сути, равносильно утверждению вечности (несотворимости и неуничтожимости) универсума, равносильно отрицанию Творца.

Впрочем, здесь можно усмотреть проблему: как совместить рассматриваемое предположение о бесконечной сложности (неисчерпаемости) всякого фрагмента неисчерпаемого универсума с представлениями современной науки о строении известных нам фрагментов универсума? Например, рассмотрим в качестве одного из фрагментов универсума такую частицу вещества как атом. Совместимо ли наше предположение о бесконечной сложности любого фрагмента универсума с представлениями современной науки об атоме? Хорошо известно, что в соответствии с представлениями современной науки, атом, вопреки своему названию, чрезвычайно сложен, но правомерно ли предположение о его бесконечной сложности? На первый взгляд, кажется, что всякий атом характеризуется конечной сложностью. Действительно, количество компонентов, входящих в его состав, является конечным. В частности, конечным является число электронов в любом атоме. Конечным является также число нуклонов (протонов и нейтронов) в ядре этого атома. Разумеется, с точки зрения кварковой модели, нуклоны также имеют сложное строение. Но, как известно, число кварков и антикварков в составе каждого нуклона является вполне определенным. Поскольку конечным является число компонентов, входящих в состав атома, постольку конечным является также количество связей между этими компонентами. И, таким образом, современная наука, вроде бы, склоняет нас к выводу о конечной сложности атома. Как нам выйти из этой «ловушки конечности»? Для этого нам необходимо более внимательно рассмотреть структуру атома. Во-первых, следует принять во внимание то обстоятельство, что указанные компоненты атома (электроны, нуклоны, кварки) связаны друг с другом известными взаимодействиями (электромагнитным и сильным), переносчиками которых являются соответственно фотоны, пионы и глюоны. И, по всей видимости, число этих «переносчиков» неопределенно велико. Во-вторых, нам непременно следует принять во внимание, что все компоненты данного атома, так или иначе, взаимодействуют с другими составляющими универсума. И, несомненно, что число таких взаимодействий или неопределенно велико или бесконечно велико. В-третьих, мы обязательно должны учесть, что с точки зрения квантовой теории, каждый реальный микрообъект, в частности, частицы, составляющие атом (электроны, нуклоны, кварки), окружены множеством, так называемых, виртуальных частиц. А число этих виртуальных частиц также неопределенно велико или бесконечно велико. Наконец, в-четвертых, следует принять во внимание то обстоятельство, что кварковая модель нуклонов не исключает того, что кварки и глюоны в свою очередь имеют сложное (может быть, бесконечно сложное) строение. Разумеется, мы не можем сейчас фантазировать на тему, какую именно структуру имеют кварки и глюоны. Это не дело философии. Определить особенности их (возможной) структуры — это

фундаментальная задача будущей микрофизики. Но само предположение об их (возможно, бесконечной) сложности представляется вполне естественным. Как видим, современная наука не исключает правомерности гипотезы о бесконечной сложности такого фрагмента универсума как атом. В принципе, аналогичным образом можно было показать совместимость нашего предположения о бесконечной сложности любого фрагмента универсума с представлениями современной науки о структуре соответствующего фрагмента: минерала, живой клетки, планеты и т. д.

Признание бесконечной сложности любого фрагмента универсума означает, это необходимо подчеркнуть, что в общем плане неправомерно говорить об усложнении (или упрощении) какого-либо фрагмента универсума. Иными словами, в рамках обсуждаемого предположения любой фрагмент универсума на всем протяжении его существования, при всех возможных его преобразованиях всегда остается бесконечно сложным, неисчерпаемым. Можно сказать также, что любой фрагмент универсума, избранный нами в качестве объекта изучения, всегда переходит от бесконечной сложности к бесконечной сложности. Таким образом, бесконечная сложность является атрибутом всякого фрагмента универсума.

Соответственно, применительно к рассматриваемому фрагменту универсума правомерно говорить лишь о нарастании (или убывании) сложности определенного вида (определенных видов), то есть такой — обозримой — сложности, которая «надстраивается» на основе уже имеющейся бесконечной сложности всякого фрагмента универсума, тем самым придавая этому фрагменту его качественную определенность, специфику.

Необходимо отметить также, что все «волны сложности» имеют сугубо временный характер. То есть все такие процессы имеют начало, и они не могут продолжаться бесконечно долго. В связи с этим непременно следует сказать, что «волны сложности» такого рода не могут вести к вновь сформированной (в результате этих процессов) бесконечной сложности. Они всегда зарождаются на основе изначальной бесконечной сложности соответствующего фрагмента универсума, но сами они не порождают новой (специфической) бесконечной сложности.

Итак, все известные (и неизвестные) нам процессы развития и деградации систем различного рода являются различными вариациями нарастания или убывания сложности определенных видов. Сказанное справедливо, например, по отношению к такому фрагменту универсума как наша планета. Хорошо известно, что когда-то на ней зародились простейшие формы жизни. В рамках развиваемого здесь подхода это зарождение следует толковать следующим образом: на основе имеющейся бесконечной сложности рассматриваемого фрагмента универсума в этом фрагменте сформировался новый вид сложности: биологическая сложность. Впоследствии эти формы жизни, взаимодействуя с окружающей средой, породили более сложные формы жизни. Еще позже на определенном этапе процесса биологического усложнения на нашей планете сформировались формы разумной жизни. Тем самым возник новый вид сложности: социокультурная сложность. И этот процесс социокультурного усложнения продолжается на нашей планете до настоящего времени.

Существенно, что все такие процессы нарастания или убывания сложности различных видов всегда имеют сугубо локальный характер, то есть относятся только к некоторому так или иначе выделенному фрагменту универсума. Конечно, процессы нарастания или убывания сложности определенного

вида (например, биологического или социокультурного) могут охватывать все более обширные фрагменты универсума. Например, жизнь на нашей планете, по всей видимости, зародилась в каком-то одном месте, а впоследствии она распространилась, по сути, по всей Земле. Аналогично разумная жизнь имеет устойчивую тенденцию к освоению все новых «площадей» сначала на Земле, а теперь она нацелилась на освоение космического пространства. Но никогда такие процессы нарастания или убывания сложности определенного типа не охватывают «весь» неисчерпаемый универсум.

Итак, любые «волны нарастания сложности» и аналогично всякие «волны убывания сложности» всегда локальны. При этом, разумеется, масштабы этих локальностей значительно отличаются друг от друга. Но в любом случае эти «волны сложности» обязательно где-то начинаются и непременно где-то заканчиваются. Такие «волны сложности» непрерывно ходят по неисчерпаемому универсуму. Именно они и придают специфику соответствующим фрагментам неисчерпаемого универсума. Результатами распространения таких «волн» являются различного рода определенности: космические тела разных масштабов (галактики, звезды, планеты), структурные единицы этих тел (горные породы, минералы) и т. п. Так, в изученной части универсума мы видим широчайшее распространение последствий «волны физической сложности». В этой же части универсума мы видим, что последствия «волны химической сложности» являются гораздо менее распространенными. Еще менее распространены в известной нам части универсума последствия «волны биологической сложности» и «волны социокультурной сложности»: на данный момент нам известны «волны биологической сложности» и «волны социокультурной сложности» только земного происхождения.

Я уже много раз давал обоснование локальности и временности любых определенностей (в частности различного рода структур и закономерностей) (см. об этом в частности: [9]), возникающих в неисчерпаемом универсуме в результате распространения в нем различного рода «волн сложности». Поэтому я не буду здесь вновь приводить соответствующую систему онтологических аргументов. Я поступлю проще. Я попытаюсь убедить уважаемого читателя в локальности и временности всякой «волны сложности» с помощью некоторой модификации метода «от противного», опираясь при этом на достаточно простые и наглядные соображения.

Метод «от противного» в данном случае будет состоять в том, что я буду исходить из предположения, согласно которому беспредельное распространение некой «волны сложности» по неисчерпаемому универсуму возможно. А потом я покажу, что это предположение ведет нас к следствиям, согласно которым эта «волна сложности» не может распространяться беспредельно.

Итак, попытаемся представить себе некую «волну сложности», беспредельно распространяющуюся по неисчерпаемому универсуму. Очевидно, что скорость распространения этой «волны» является конечной. Хорошо известно, например, что, с точки зрения современной науки, предельно большой является скорость света в вакууме. Разумеется, скорость света чрезвычайно велика, но для нас важно, что она является конечной. Конечно, мы можем вообразить, что последующее развитие науки установит существование скоростей более высоких, чем скорость света. Но мы не можем допустить существования бесконечно больших скоростей. Поскольку, и в этом несложно убедиться, движение с бесконечно большой скоростью тождественно отсутствию всякого движения. Поэтому, очевидно, что любая «волна сложности»

будет распространяться по неисчерпаемому универсуму с конечной скоростью. И, следовательно, ни одна такая «волна» никогда не охватит весь неисчерпаемый (многообразно бесконечный) универсум.

Казалось бы, что это обстоятельство не препятствует возможности беспредельного распространения такой «волны» по неисчерпаемому универсуму. Действительно, этой «волне», образно говоря, некуда спешить. Вроде бы, у нее для ее распространения по универсуму есть бесконечное время. А за бесконечное время, даже двигаясь с конечной скоростью, можно распространиться на бесконечное расстояние.

Однако здесь обязательно следует учитывать еще два принципиально важных момента.

Первый из них заключается в том, что беспредельное распространение рассматриваемой «волны сложности» уведут ее все дальше от ее первоначального ареала. И, в конце концов, это удаление неизбежно разрушит все связи этой «уходящей волны» с ее первоначальным ареалом. На самом деле картина здесь получается еще более драматичная: такая беспредельно распространяющаяся «волна сложности» бесконечно удалится (и, следовательно, неизбежно прервет все связи) не только с ее первоначальным ареалом, но и с абсолютным большинством последующих ареалов своего существования. И, таким образом, она никогда не будет охватывать весь неисчерпаемый универсум, она всегда будет сугубо локальной.

Второй из упомянутых выше моментов состоит в том, что в процессе своего воображаемого беспредельного распространения по неисчерпаемому универсуму «волна сложности» непременно будет изменяться (деградировать, совершенствоваться и т. п.). Но, как известно, всякие изменения, накапливаясь, обязательно приводят к качественному преобразованию субъекта изменения. И, следовательно, рано или поздно этот процесс изменения рассматриваемой «волны сложности», несомненно, выведет такую «волну» за пределы ее меры, за пределы ее качества. Иначе говоря, в ходе предположенного нами беспредельного процесса эта «волна сложности» станет качественно иной. В частности, она полностью «забудет» свое исходное состояние. А после такого «забвения» будет распространяться по неисчерпаемому универсуму уже не прежняя, а принципиально иная «волна сложности». И, таким образом, мы вновь убеждаемся в том, что всякая «волна сложности» всегда является локальной.

Как уже отмечено, одной из таких локальных и временных «волн сложности», сформировавшихся в неисчерпаемом универсуме, является становление и развитие человеческого и возможного постчеловеческого разума. И поэтому однозначно можно сказать, что в свете предположения о бесконечной сложности любого фрагмента универсума сверхоптимистические прогнозы авторов, цитированных мною в начале статьи, являются, по меньшей мере, не обоснованными. Иначе говоря, в свете принципа инфинитизма, развивающийся человеческий разум и совершенствующийся постчеловеческий разум, каких бы высот они в будущем ни достигли, никогда не смогут охватить своей познавательной и преобразовательной деятельностью «весь» неисчерпаемый универсум.

Разумеется, никаких детальных прогнозов будущего, тем более, отдаленного будущего развития человеческого и возможного постчеловеческого разума дать на данной стадии развития разума невозможно. Спектр возможных сценариев будущего развития разума, несомненно, очень широк и многообразен.

К сожалению, этот спектр включает в себя печальный вариант скорой гибели земного разума вследствие той или иной социальной катастрофы (глобального термоядерного конфликта, в частности) или грандиозного природного катаклизма (извержения супервулкана, столкновения нашей планеты с астероидом и т. п.).

Этот спектр включает в себя также множество более или менее благоприятных вариантов развития человеческого и возможного постчеловеческого разума. Такие варианты могут быть связаны, в том числе, с процессами практического освоения и преобразования определенных, возможно, и достаточно обширных по нынешним меркам регионов космоса. Но в свете сказанного выше эти регионы, сколь бы обширными они не были, в любом случае будут конечными.

Кстати, весьма поспешным, на мой взгляд, представляется суждение авторов, убежденных в неограниченных перспективах разума, о том, что прогресс разума будет непременно выражаться в его возможностях освоить и преобразовать как можно более обширные регионы универсума. По моему мнению, более резонной выглядит перспектива развития разума, связанная не с его движением «вширь», а с его продвижением «вглубь». Такое продвижение разума «вглубь» можно связать, например, с тем, что развившийся разум будет способен за единицу календарного времени (за сутки, за час, за минуту...) осуществить колоссальное количество значимых для него процессов и даже, может быть, завершить за эту единицу времени полностью свой эволюционный путь (см. об этом: [8]).

Ясно, что принципиально конечное время существования и развития разума не оставляет никаких надежд на превращение разума во всеведущего и всемогущего регулятора мира, на обретение развившимся разумом, по сути, статуса Бога.

Библиографический список

1. Кардашев Н. С. Космология и цивилизация. М. : Физ. ин-т им. П. Н. Лебедева РАН, 1997. 12 с.
2. Курцвейл Р. Эволюция разума, Или бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов. М. : Эксмо, 2018. 352 с.
3. Тегмарк М. Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта. М. : АСТ, 2019. 560 с.
4. Tipler Frank J. The Physics of Immortality: Modern Cosmology, God and the Resurrection of the Dead. London : Anchor, 1997. 560 p.
5. Финогентов В. Н. Время, бытие, человек. Уфа : [б. и.], 1992. 221 с.
6. Финогентов В. Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М. : Либроком, 2009. 304 с.
7. Финогентов В. Н. Трагический гуманизм: Очерки онтологические, антропологические и аксиологические. Орел : Картуш, 2012. 333 с.
8. Финогентов В. Н. «О сокращении длительности социокультурного настоящего и антропологических пределах темпов технологического развития» // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты. М. : Канон+, 2014. С. 178—187.
9. Финогентов В. Н. Человек на грани небытия: Философские этюды. Орел : Картуш, 2015. 248 с.
10. Финогентов В. Н. Бесконечная Вселенная и неисчерпаемый универсум // Наука. Культура. Искусство. 2017. № 2 (14). С. 46—56.
11. Шермер М. Небеса на земле. Научный взгляд на загробную жизнь, бессмертие и утопии. М. : Альпина Паблицер, 2019, 396 с.

М. М. Прохоров

НООСФЕРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО РАЗУМА

Автор начинает с анализа введенного В. И. Вернадским как представителем русского космизма понятия ноосферы. Выясняется его статус в науке, который подчеркивался В. И. Вернадским, и философии, на территорию которой оно проникло. Это послужило основанием для экстраполяции понятия ноосферной организации коллективного разума на всю человеческую историю. В соответствии с этим в статье выделены и охарактеризованы четыре основные формы ноосферной организации коллективного разума: созерцательная, активистская, коэволюционная и мифологическая. Мифологическая организация, характерная для первобытного общества, является аналогом коэволюционной.

Ключевые слова: коллективный разум, ноосферная организация, созерцательность, активизм, коэволюция, мифология.

The author begins with an analysis of the noosphere concept introduced by V. I. Vernadsky as a representative of the Russian cosmism. Established is its status in science in philosophy. This was the basis for extrapolating the noospheric organization of the collective mind to the whole human history. In accordance with this, the article identifies and characterizes four main forms of the noospheric organization of the collective mind: contemplative, activist, co evolutionary and mythological. The mythological organization characteristic of primitive society is analogous to the co-evolutionary one.

Key words: collective mind, noospheric organization, contemplation, activism, co-evolution, mythology.

В. И. Вернадский о ноосфере

Ключевая роль во введении понятия ноосферы принадлежит В. И. Вернадскому, представителю русского космизма. В нем встречаются разные взгляды на отношения человека и мира: созерцательное (А. Л. Чижевский), активистское (Н. Ф. Федоров) и коэволюционное (Н. Н. Моисеев) [17]. Ведущим был и остается активистски-преобразовательский тип. К нему принадлежит концепция ноосферы. В. И. Вернадский стремился разработать ее как научную, результат эмпирического обобщения, «оставляя в стороне, сколько был в состоянии, всякие философские искания», «изредка допуская рабочие научные гипотезы» [7, с. 304]. Исходя из «принципа Реди» (живое только от живого) В. И. Вернадский отмечает важную роль в геологической эволюции 1) зеленых растений, использующих косные вещества, 2) автотрофных бактерий и 3) человека, — независимое ответвление жизни и геологическую силу, — указывая на его автотрофность [6, с. 288—303]. Он отличается коллективным «разумом, сознанием, направляющей волей», который вводит в механизм земной коры новые мощные процессы, не имевшие аналогов в прошлом. Он уничтожил «девственную» природу, ноне справился с социальной проблемой гибели и голода огромного множества людей. Решить этот «социальный вопрос» невозможно без опоры на научный подход, оставаясь в рамках «социальной идеологии» философии: «социализм ставит социальную проблему с более ограниченной точки

© Прохоров М. М., 2019

зрения», остается «на поверхности». «Проблема, которая в настоящее время встает перед человечеством, перерастает социальную идеологию, отчетливо выходит за пределы общественной идеологии, созданной социалистами и коммунистами всех школ, которые в своих построениях упустили живительный дух науки, ее социальную роль» [6, с. 300]. В. И. Вернадский возлагает надежды на «синтез пищи», что освободило бы человека от его зависимости от другого живого вещества [6, с. 299—301] и сделало бы его существом социально *автотрофным*. Это было бы не действием свободной воли человека, а проявлением естественного процесса разделения жизни [6, с. 302] и появлением ноосферы, то есть биосферы, *охваченной* разумной деятельностью человечества, поскольку человечество «не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту». В. И. Вернадский стремился создать универсальную концепцию: «в нашем столетии биосфера... выявляется как *планетное* явление *космического* характера» [6, с. 305]. Будучи научной, она внедряется на территорию представлений о развитии материи, эволюции материи неживой в живую и, далее, разумную, но отрицает первый переход, который не подтверждается научными, эмпирическими фактами. В. И. Вернадский критикует ученых, историков и гуманитариев, не считающихся с законами природы биосферы планеты, на которой живет человечество, от которой оно не может быть отделено, но эволюцию которой человечество продолжает, охватывая своей разумной деятельностью. Именно в геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и труд на самоистребление. Перед ним, его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние В. И. Вернадский и называет понятием «ноосферы», обозначая им новое *геологическое* явление на нашей планете [6, с. 306].

Две великие метафоры ноосферной организации разумной материи: созерцательность и активизм

Обращаясь к Древнему миру, перешедшему в Средневековье, и к Новому времени, начатому Возрождением, испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет пишет, что взаимоотношение человека и мира, субъекта и объекта правомерно охарактеризовать с помощью двух великих метафор [14, с. 76], соответствующих антиномичным формам ноосферной организации коллективного разума людей. Для древнего человека «быть» значило пребывать среди множества других вещей, которые, громоздясь друг на друга, выстраивают грандиозное здание Вселенной, а субъект есть не более чем один из этого множества предметов, он погружен, по выражению Данте, в «море бытия», а его сознание — маленькое зеркало, в котором отражены очертания сущего. В античном представлении о мире «Я» не играет большой роли: в это время учили жить «в согласии с природой», быть, как она, цельными и неделимыми [14, с. 81]. Отношения между субъектом и объектом уподоблялись отношениям между двумя физическими предметами, один из которых при соприкосновении с другим оставляет на нем свой отпечаток. Поэтому метафора печати, оставляющей на восковой поверхности свой деликатный оттиск, укоренилась в сознании эллинов и на многие века определила развитие философии средних веков [14, с. 78].

Возрождение инвертировало отношения между субъектом и объектом. Новое время отдает приоритет творчеству человека. Фортуна вдруг

обернулась к «Я» своим лицом [14, с. 78—82]. Как в восточных сказках, нищий проснулся принцем. Лейбниц осмелился назвать человека маленьким богом. Кант сделал «Я» высшим законодателем Природы. А Фихте, с его склонностью к крайностям, возвестил, что «Я — это все». Онтологическое, бытийное обоснование теории познания вытесняется так называемым деятельностным, с которым выступают идеалисты. И Кант рассматривает познание как деятельность, протекающую по своим собственным законам, не характер и структура субстанции бытия, а специфика субъекта признается главным фактором, определяющим способ познания и конструирующим предмет знания. По Бэкону и Декарту субъективное искажает и затемняет действительное положение вещей, Кант же устанавливает различие субъективных и объективных элементов знания, исходя из самости субъекта и его структуры [5, с. 169—170]. Метафору печати и восковой дощечки сменяет метафора сосуда и его содержимого. Объекты не попадают в сознание извне, они содержатся в нем самом; это — идеи. Поэтому новое, активистское учение оказывается идеализмом [14, с. 80]. Об их противоположности пишет К. Маркс в первом тезисе о Фейербахе, у которого «предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно». Новый подход, «в противоположность материализму, развивался идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» [12, с. 1].

Антиномия созерцания и активизма в философии русского космизма базировалась на представлении о противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом, характерном для христианства, которое распространилась в Европе, по словам Ф. Энгельса, со времени упадка классической древности [18, с. 496]. А. В. Сухово-Кобылин, один из первых представителей русского космизма, противопоставлял естественного человека, «сына природы», «дикого человека» человеку «культурному», полагал, что «*потребление этой дикости и есть... всемирная история человечества*», особое значение он придавал сознанию, той «*работе духа, которая естественную форму — природу упраздняет*»: история «*есть негация природы и цель*», к которой идет природа, она «*исходит в дух*. Одухотворение природы есть сотворение человека, или, лучше, сам человек и есть это исхождение природы в дух, ибо человек, как и Янус, имеет два лица, два фаса... Боги будете, сказано в Писании» [16, с. 63].

Созерцательное мироотношение адаптирует человека к мирозданию, его фундаментальным чертам, законам как основаниям, «предпосылкам» деятельности человека. В нем древние мыслители Востока и Запада видели мудрость, идеал космичности существования. Даже изменяя мир, создавая новое, человек толкует его как движение «самого» мира, а себя признает действующим «от лица» мировой сущности. Мир абсолютен, человек относителен, есть «носитель» сущностных черт и тенденций «самости» мироздания, ее субстанции. Подобно любому другому явлению. По Гераклиту, никакой Бог и никакой человек не создал Космос, один и тот же для всего существующего; он всегда был, есть и будет вечно; если в человеке погасить претензию на чрезмерность субъективности, тогда и в нем открывается жизнь «субстанции», являющей себя и через человека разумного. Сознание обеспечивает человека знанием его законов «становления» и соответствующим этому знанию действием и мышлением. Субстанция может толковаться материалистически

и идеалистически, теистически и атеистически, метафизически и диалектически, а под миром может пониматься природа и общество, государство, иная органическая система, всякое целое, куда входит человек.

Созерцательное мироотношение согласуется с классическим естествознанием. Человек порождается в конце естественной эволюции, будучи «высшим» продуктом эволюции *самой* природы и потому он не мог представляться творцом природы. Вначале природа живет в форме не сознающей себя объективности-бессознательности, и только в лице человека обретается сознательность, не переставая быть природой. Человек приходит «слишком поздно», чтобы быть творцом такого процесса. Созерцательное мироотношение совместимо с диалектикой. Лишь кажется, что человек может изменить мир. Если мир изменяется, то человек не изменяет его — потому, что он сам изменяет себя, и этим его самоизменением пленен человек, в нем растворенный. Оно характерно для восточных концепций «недеяния», «даосизма», гераклитовского «становления», определения свободы как познанной необходимости, онтологического обоснования в теории познания.

Но с открытием того, что «мировой процесс» рано или поздно идет к концу (второе начало термодинамики, «тепловая смерть Вселенной», раскрытие К. Марксом заката капитализма и т. п.), человечество попадает в ситуацию смертности и человек оказывается перед необходимостью взять бразды управления «мировым процессом» в свои руки. Происходит переход к выбору активистского типа ноосферной организации коллективного разума, ибо мир «не устраивает» человека, обрекая его на гибель, и он решает подчинить его себе. С наступлением Нового времени человек «выходит из потаенности» в мировом процессе, его субстанции, заявляет претензии на господство, чтобы преодолеть «самость» мироздания. Оно все более попадает в зависимость от человека, определяется не «материей», а мировым «материалом» (М. Хайдеггер), из которого человек создает новое мироздание.

Оба типа ноосферной организации противопоставил Л. Фейербах, защищая созерцательность от претензий всепожирающей «субъективности», «творчества» (в религии древних иудеев). Ему вторит Л. Шестов, но выбирает активистский тип самоидентификации человека. Исторически дорогу активизму прокладывала мечта о покорении всего сущего тогда, когда реальные возможности преобразования были незначительны. Выбор базировался на религии и идеализме. Библия обещала «новую землю», отказываясь встраивать мышление в контекст созерцательной episteme в пользу преобразующего мир *τέχνη*, что свидетельствует о технологических корнях религии, о склейке религии и технологии, которую мы видим в философии А. В. Сухова-Кобылина, Н. Ф. Федорова, С. Н. Булгакова и др. Религия Средневековья выпестовала активистскую самоидентификацию как концепцию божественного творчества, рассуждая от имени Бога. Это сделало возможным переход к капитализму, развернувшему в пространстве природы, вышедшее «из потаенности» и сжирающее ее «хозяйство» человеческого субъекта. Со временем, опираясь на науку и технику, человек перестал прикрываться именем Творца. Зависимость судеб человека от мира устаревает. Мир попадает в зависимость от человека как всемогущего субъекта, вытесняющего Творца в философии русского космизма. Космизм, став мировым, обожеествляет технику и технологию мирового «хозяйства», все более «охватывающего» собой мир. Он опирается на науку и технику, объединяемых в «технонауку» [10, с. 6].

Л. Шестов писал, что ошибочно видеть в субстанциональной действительности «само по себе существующее». Чтобы проникнуть в настоящую действительность, нужно почувствовать себя Хозяином мира, повелевать, прорвавшись туда, где делается бытие. «Космос античности и средневековья... исчез, — констатирует Н. А. Бердяев, — человек нашел компенсацию и точку опоры, перенеся центр тяжести внутрь человека... Идеалистическая философия нового времени и есть эта компенсация за потерю космоса, в котором человек... чувствовал себя окруженным высшими силами... Мощь техники продолжает дело раскрытия бесконечности пространств и миров...» [4, с. 154]. Конечно, более прав марксизм, который включил человека в контекст материального бытия, дополнив его способностью к бесконечному развитию и трактуя человека как того субъекта, появление которого коренится в самой природе мира и деятельностью которого *продолжается* универсальное бытие и его развитие. Марксизм довел понятие практики до «революционной», «практически-критической деятельности» [12, с. 1], увидел в ней коэволюцию, совместное развитие бытия и человека.

С точки зрения сторонников активизма бытие в деятельности *снимается*, утрачивая основания для субстанциального существования, о котором учили античные натурфилософы. Не случайно, Н. Ф. Федоров, основоположник философии русского космизма, переосмысливает понятие «космизма», заявляя, что его суть не в господстве космоса над человеком, как у Гераклита, а в господстве над космосом, претворяющим в нем свое «общее дело»; он критикует науку, которая занимается познанием, лишь созерцающим мир, ее дело состоит в его преобразовании человеком; критике подвергается даже позиция И. Канта, расцениваемая как воплощение созерцательности, ибо нужно перейти к *преобразованию* мира. Фантастичность возможности такого перехода, пишет Н. Ф. Федоров, «только кажущаяся; необходимость такого перехода несомненна для трезвого, прямого взгляда на предмет, для тех, кто захочет принять во внимание все трудности к созданию общества вполне нравственного, к исправлению всех пороков и зол...», а отказаться от решения этой проблемы, значит «отказаться быть человеком» [15, с. 71—72]. Эту возможность Н. Ф. Федоров «опирает» на науку и технику и «подпирает» его религиозными представлениями: «переход» осуществит либо сам человек, либо его претворит Бог.

В человеческом творчестве процесс развития превращается в деятельность. Деятельность отличается от стихийного развития тем, что оно становится целеполагающим процессом, внутрь него вводится цель, средства и методы ее реализации, что превращает его в полностью управляемый и контролируемый человеком в своих собственных интересах процесс. Понятно, что *цель* в деятельности достигается быстрее, чем *результат* в процессе развития, поскольку он совершается путем проб и ошибок. Универсализация деятельности, замена ею мирового развития означает, что мир становится вторичным по отношению к «делу» человека, который был в свое время порожден и детерминирован миром.

В начале своей истории человек, пишет Н. А. Бердяев, был рабом природы; и он начал борьбу за свое освобождение. Он создал культуру, государства, национальности, классы, но стал их рабом. Тогда он вступил в новый период — для овладения *иррациональными* общественными силами он создает *организованное* общество, развитую *технику*. Но это делает человека *орудием* организации жизни и окончательного овладения природой. Он, человек,

становится рабом организованного общества и техники, машины, в которую превращено общество и незаметно превращается сам человек [4, с. 162]. Н. А. Бердяев видел противников созерцательной самоидентификации и в большевистской революции: «Я сознал совершенную неизбежность прохождения России через опыт большевизма. Это момент внутренней судьбы русского народа, экзистенциальная его диалектика. Возврата нет к тому, что было до большевистской революции, все реставрационные попытки бессильны и вредны, хотя бы то была реставрация принципов Февральской революции. Возможно только движение вперед после пережитого катастрофического опыта...» [3, с. 228].

Идея коэволюции как соразвития бытия и человека и мифологическая организация коллективного разума

В современном обществе активно формирующейся познавательной моделью является коэволюционная модель, базирующаяся на эволюционной парадигме. Философское обоснование коэволюции как новой познавательной модели и перспективной стратегической установки цивилизованного развития дано в работе «Философия природы: коэволюционная стратегия» [9], авторы которой полагают, что лишь понимание закономерностей антропогенной и природной сопряженности, коэволюции может стать залогом успешной разработки новой стратегии отношений человека, общества и природы.

Коэволюционная организация коллективного разума указывает на новое мировоззрение, потребное для решения глобальных проблем. Ключом к его выявлению является рассмотрение мира и человека как противоположностей, находящихся в единстве и борьбе, которые можно абстрагировать друг от друга. Созерцание и активизм связаны с «борьбой противоположностей». В случае созерцательного мироотношения имеет место «победа» или «приоритет» «мира» над «человеком». В случае активистского мировоззрения — победа человека над миром: приоритет достается человеку как субъекту свободному, творческому. Они, при всем своем противостоянии друг другу, отличаются от коэволюции — как «борьба противоположностей» отличается от «единства противоположностей». На смену приоритету той или иной противоположности приходит их паритет, партнерство, комплементарность, дополнительность. Для созерцательного и активистского мироотношений борьба противоположностей абсолютна, а единство относительно, производно от борьбы, обязательно завершающейся победой одной стороны над другой. Признание абсолютности единства противоположностей и относительности, следовательно, зависимости борьбы противоположностей, ее подчиненности единству, партнерству, дает принципиально иной тип мироотношения, имеющего коэволюционный характер. Борьбаться, с такой точки зрения, имеет смысл лишь ради достижения общего мирного состояния, иначе борьба бессмысленна, уничтожая само мироотношение: борьба предстает «модификацией», «продолжением», «выражением» единства противоположностей, их коэволюции [11, с. 301].

Современный глобальный кризис свидетельствует об исчерпании возможностей «истории людей», сменившей «историю субстанции (природы)». Ни та, ни другая, ни порознь, ни вместе, не есть мир в его целостности и завершенности. Мир неисчерпаем. Это значит, что вместе с преодолением общечивилизованного кризиса современности мы выходим в новый, третий период фундаментальной истории, требующей иного мироотношения.

Исторически устарело созерцательное отношение к миру и исторически же устаревает радикально активистское отношение человека к миру. Им на смену приходит «история коэволюции», которая становится доминирующим моментом фундаментальной истории.

Коэволюционное мироотношение и соответствующее ему мировоззрение становятся сущностью современной ментальности, порождая принципиальное обновление мировоззрения в его основании. В контексте коэволюции по-новому ставится вопрос о творчестве, которое всегда связано с типом мироотношения. В период созерцания оно было «растворенным» в движении «самого» мира, активистское творчество было подчинено покорению всего и вся субъектом. Ныне творчество должно быть сориентировано на совместное развитие бытия и человека, объекта и субъекта.

Аналогом коэволюции являлось мифологическая организация коллективного разума, вытесненная в осевое время философией и религией [19, с. 32—99]. Характерная эпохе первобытного коммунизма, пронизывавшая все формы устного народного творчества, она было первой формой ноосферной организации коллективного разума. Специфика философского познания детерминирована постановкой и решением основного вопроса философии. Философия привела к расколу в человеческом сознании, к появлению двух противоположных способов видения мира и объяснений. Мифологическая организация коллективного разума принципиально от них отличается. В ее фундаменте нет разделения на объективное и субъективное, природное и человеческое, материальное и идеальное, реальное и воображаемое, мысленное и эмоциональное [11, с. 181—183]. Своим фундаментом она имеет «суперпозицию», «наложение» или «пересечение» этих «начал», за пределы которых она не выступает. Она не подозревает, что природа существует до, вне и независимо от человека с его мыслью и действием. Базисные противоположности для мифологического человека не могут быть расчленены, отчуждены, отделены друг от друга, они «синкретичны», это определяет специфику мифологической организации коллективного разума. На базисные противоположности не могут быть распространены известные нам процедуры анализа и синтеза. Примерами мифологических образов являются, скажем, русалка, кентавр или минотавр. Иногда такие образы ошибочно характеризуют как лишённые реалистичности, плоды фантазии. Это неверно, ведь в образе русалки мы видим часть от женщины и часть от рыбы. Фантазия человека представляет их «синкретично», в нерасторжимом единстве. В сказках часто «синкретизм» «накладывает» на природное животное способность говорить и/или поступать, действовать так, как действуют люди, а люди не выделены из природного. Например, щука или серый волк из сказки говорят и действуют как люди, они даже совершают превосходящие способности самого человека поступки. Даже сказочные пузырь, соломинка и лапоть ведут себя и думают подобно людям. И все это — «человеческое» — является непосредственно природным. Не случайно исследователи мифологического мировоззрения говорят об «олицетворении», «очеловечивании» всего природного и о «натурализации» (от слова «натура», то есть природа) всего человеческого. Будучи нерасторжимым единством этих базисных противоположностей мифологический разум не имеет представлений о сверхъестественном, потустороннем, трансцендентном, которые характерны для религии. Философское, а вслед за ним и научное мышление применяет анализ, расчленяет и противопоставляет их друг другу, чтобы исследовать их порознь, и, далее, выявить возможные

пути синтеза, чтобы объединить их в едином мире. При этом и возникает в философии основной вопрос, при постановке и решении которого производится анализ и синтез базисных противоположностей.

Суперпозиция впервые появилась вместе с миром вещей, изготовленных человеком из природных материалов путем преобразования естественных, до того самостоятельно существовавших явлений мира. Отныне в них воплощены замыслы людей, предназначивших создаваемые вещи для выполнения той ли иной функции, роли. Все они представляют нерасторжимое единство природного и человеческого, объективного и субъективного, материального и идеального. Таковы детская кроватка, игрушка, всякая иная вещь, их комплекс, окружающий, скажем, новорожденного. Этот слой сегодня настолько велик, настолько плотно окружает ребенка, что тот долгое время вообще не подозревает о существовании природного мира «самого по себе». О том, что природа существует объективно, «сама по себе», до, вне и независимо от человека, городские дети узнают, как правило, учась в школе. В истории же людей первоначально такой «слой» создают люди, выделяющиеся из природы, из животного царства, изготавливая орудия труда. Орудия и были первичной «сферой суперпозиции». В ее просвете и на этой основе формировалось мифологическое мировоззрение. Оно было своеобразной «копией, калькой» этой «сферы» в духовной сфере. Мифологический субъект не подозревает о возможности взять базисные противоположности в отчуждении друг от друга. Для него нет никакого духа, который был бы бесплотен, никакой идеи, которая не была бы вещью; как и наоборот: всякая плоть есть воплощение духа, а в вещи видится замысел, идея, цель, заставляющая ее определенным образом функционировать. Этим *исключается* вопрос, что и какую из противоположностей взять за «первоначало» мира, чем *исключается* возможность постановки основного вопроса философии. Для этого нужно не только расчлнить, но уже и противопоставить «стороны», чтобы поставить вопрос о том, что же тут первично, и что — вторично.

Даже звездное небо становится предметом внимания мифологического субъекта лишь там, где оно превращено в часы, компас, календарь и т. п. Мифологическая организация разума появляется задолго до возникновения, специализированного или «гносеологического» познания, будучи «калькой», выражением сути орудийного производства субъекта, она не отражает объективный мир гносеологически, но «преодолеывает, подчиняет и преобразовывает силы природы», делая это «в воображении и при помощи воображения» [13, с. 47]. При этом она выходит далеко за границы реального, практического преобразования мира человеком, ставшего основой такого производства воображения или воображаемого производства. В «воображении» для мифологического субъекта *«осуществимо все (непосредственно в трудовой деятельности. — М. П.) неосуществимое, достижимо все недостижимое, выполнимо все невыполнимое*, ибо миром чудесного управляет абсолютная сила и свобода творческого желания как первое и последнее основание для любого следствия, как первоисточник, порождающий из себя причины всех действий, всех чудес» [8, с. 46—47]. Вселенная мифологического субъекта бьется в унисон с его мыслями, чаяниями и сердцем. Так, Д. Узала, согласно В. К. Арсеньеву, не усматривал принципиальной разницы между человеком, окружающими предметами и явлениями мира. На жалобы о плохой, сырой и дождливой погоде гольд заявил: «Наша так думай: это земля, сопка, лес — все равно люди. Его теперь потеет... Его дышит, все равно люди...»

[2, с. 197]. Никаких представлений о сверхъестественном, потустороннем, трансцендентном он не демонстрировал. Таков был тот смысл, который он вкладывал в слово «понятно», не отчлняя и не противопоставляя себя внешнему миру природы, понимая его явления антропоморфным образом. Такой смысл «понятно» можно зафиксировать и на определенном этапе онтогенетического развития у всякого ребенка, оживотворяющего и олицетворяющего окружающее, но не демонстрирующего каких-то представлений о сверхъестественном, трансцендентном. Без такого смысла слова «понятно» невозможно понять и поведение персидского царя Ксеркса, приказавшего подчиненным наказать море тремьями плетью за «строптивость»: оно де разбросало мосты и корабли, приготовленные этим полководцем для нападения на противника. Мир мифологического субъекта носит «камерный характер», ограничен окультуренным слоем планеты, где синкретично представлены базисные противоположности: материальное и идеальное, объективное и субъективное, природное и человеческое и т. п. Природа, как она существует до, вне и независимо от человека с его деятельностью и сознанием, остается за горизонтом этого мировоззрения, специализированное познание бытия отсутствует, а человек-как-субъект оказывается существом, для которого нет ничего невозможного, что указывает на неадекватность этих представлений нашим представлениям о реальных возможностях человеческого субъекта. В этой узости мифологического субъекта заложена его обреченность, необходимость перехода к мировоззрению, прорывающему сферу «пересечения, наложения, суперпозиции» человека и мира. Первый шаг в этом направлении был сделан религиозным сознанием, которая начинает с «удвоения» мира на естественный, посюсторонний и потусторонний, трансцендентный, сверхъестественный.

Мифологическое мировоззрение характерно не только для мифов, но для всех произведений устного народного творчества, не во всех из которых присутствуют боги, а боги в мифах, скажем, Древней Греции, принципиально отличаются от богов мировых религий, например, христианства. Он впервые приобретает признаки сверхъестественного, потустороннего, трансцендентного, тогда как даже верховный бог Зевс не есть потустороннее начало, ибо он живет «на Олимпе». Представители христианства не признают богов мифологии за богов. Так, согласно христианину Арнобию, латинскому автору начала IV века, мифологические боги на самом деле богами не являются: *только* христиане чтут *истинного* (сверхъестественного. — М. П.) Бога, а языческие боги «нечто совершенно другое и должны быть отделяемы от понятия этого имени и могущества; такова сущность дела, пункт, вокруг которого все вращается», «основной вопрос», разделяющий истинную религию от язычества [1, с. 360—363]. Арнобий считает их продуктами человеческой фантазии. Связанные с ними *чудеса* на поверку демонстрируют «вполне естественный характер», а не способ деятельности *сверхъестественного* Бога.

Библиографический список

1. *Арнобий*. Против язычников. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. 398 с.
2. *Арсеньев В. К.* Избранные произведения. Т. 1 : По Уссурийской тайге. М., 1986. 399 с.

3. Бердяев Н. А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991. 446 с.
4. Бердяев Н. А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 143—162.
5. Введение в философию : учебник для вузов : в 2 ч. / под общ. ред. И. Т. Фролова. М. : Политиздат, 1989. Ч. 1. 367 с.
6. Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли / сост. и предисл. к текстам С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой; примеч. А. Г. Гачевой. М. : Педагогика-Пресс, 1993. С. 288—303.
7. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Русский космизм: Антология философской мысли / сост. и предисл. к текстам С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой; примеч. А. Г. Гачевой. М. : Педагогика-Пресс, 1993. С. 303—311.
8. Голосовкер Э. Я. Логика мифа. М. : Наука, 1987. 224 с.
9. Карпинская Р. С., Лисеев И. К., Огуцов А. П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М. : Интерпракс, 1995. 352 с.
10. Лекторский В. А. Философия, познание, культура. М. : «Канон+» : РООИ «Реабилитация», 2012. 384 с.
11. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М. : Политиздат, 1988. 366 с.
12. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 3. М. : Госполитиздат, 1955. 629 с.; Т. 46, ч. 1. М. : Госполитиздат, 1961. 317 с.
13. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры : сборник. М. : Прогресс, 1990. С. 68—81.
14. Русский космизм: Антология философской мысли / сост. и предисл. к текстам С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой; Примеч. А. Г. Гачевой. М. : Педагогика-Пресс, 1993. 365 с.
15. Сухово-Кобылин А. В. Учение Всемир. Инженерно-философские озарения. М. : С.Е.Т., 1995. 124 с.
16. Хабибуллина З. Н. Мировоззренческая парадигма русского космизма : социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук. Уфа : Изд-во Башк. гос. ун-та, 2012. 38 с.
17. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. М. : Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 343—628.
18. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. и сост. М. И. Катасонова. М. : Республика, 1994. 528 с.

**НООСФЕРНАЯ ЦЕФАЛИЗАЦИЯ В РЕФЛЕКСИИ
«ФИЛОСОФИИ ОБЩЕГО ДЕЛА» Н. Ф. ФЕДОРОВА**

Статья посвящена рассмотрению теоретико-метафизических идей философии «Общего дела» Н. Ф. Федорова. Показано, что замысел философии «Общего дела» формировался под воздействием глубинных истоков отечественной культуры и гуманистической ментальности русского духа. Отмечено, что современная рефлексия над феноменом коллективного разума продуктивна в дискурсе философского диалога Федорова с выдающимися духовными наставниками нации — Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, В. С. Соловьевым. Сделан вывод о том, что Н. Ф. Федоров предпринял попытку органического воплощения гуманистических устремлений коллективного разума в проективной деятельности всех жителей планеты Земля вне зависимости от мировоззренческих, классовых, партийных, гражданских и иных социальных различий. Обоснована аксиологическая значимость философских идей «Общего дела» для анализа радикальных социо-культурных трансформаций, детерминирующих будущее современной глобальной цивилизации.

Ключевые слова: философия «общего дела», коллективный разум, философский диалог, глобальная цивилизация, супраморализм.

The article is devoted to the reflection over the theoretical and metaphysical ideas of N. F. Fedorov's philosophy of the "Common cause". It is shown that the concept of the "common cause" philosophy was formed under the influence of the deep sources of Russian culture and the humanistic mentality of the Russian spirit. It is noted that modern reflection over the phenomenon of collective reason is productive in the discourse of the philosophical dialogue between N. F. Fedorov and the outstanding spiritual mentors of the nation — F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, V. S. Soloviev. It is concluded that N. F. Fedorov's philosophy is an attempt to organically embody the humanistic aspirations of the collective mind in the projective activities of all the inhabitants of the planet, regardless of worldview, class, party, civil and other social differences. The axiological significance of the philosophical ideas of the "Common cause" for the analysis of radical socio-cultural transformations that determine the future of modern global civilization is substantiated.

Key words: philosophy of the "common cause", collective mind, philosophical dialogue, global civilization, supramoralism.

Научная конференция, организованная кафедрой философии Ивановского государственного университета по проблеме ноосферной цефализации, имеет актуальное значение для формирования Коллективного разума современной России. В начале прошлого века основоположник ноосферной теории В. И. Вернадский сформулировал целостную концепцию, призванную избавить человечество от неудержимо надвигающейся глобальной экологической катастрофы. Следует подчеркнуть, что научные идеи ноосферологии формировались на теоретико-аксиологическом наследии философии «русского космизма», основоположником которой является Н. Ф. Федоров [4]. В этой связи правомерно рассмотреть феномен Коллективного разума в рефлексии «Философии общего дела» — главного сочинения этого оригинального отечественного мыслителя, которому 7 июня 2019 года исполняется 190 лет со дня рождения.

Духовно-теоретическое наследие Н. Ф. Федорова [5] не следует рассматривать обособленно от его личной биографии и аскетического образа жизни. Суровые жизненные испытания с детских лет предопределили космические горизонты его мировоззрения и ценностные ориентиры научного творчества. Н. Ф. Федоров родился в 1829 году в селе Ключи, которое в до-революционное время относилось к Вялсинской волости Елатомского уезда Тамбовской губернии, а ныне это живописное место территориально входит в Сасовский район Рязанской области. Отцом будущего мыслителя был знатный великосветский вельможа князь Павел Иванович Гагарин, а его матерью, как свидетельствуют исторические источники, была «дворянская девица» Елизавета Иванова. В интересах конфиденциальности, новорожденного крестили в церкви села Вяслы, родовом имении деда- князя Ивана Александровича Гагарина.

При крещении мальчик был записан под именем Николай, а фамилию Федоров он получил от крестного отца, обедневшего дворянина, давнего приятеля князя Павла Ивановича Гагарина. Данный акт позволил приписать Николая Федорова к дворянскому сословию, открыв ему все возможности для получения прекрасного домашнего образования. Ранние детские годы Николая прошли в имении отца — князя Павла Ивановича Гагарина, где он вырос вместе со своим старшим братом Александром. В 1836 году братья были определены в Шацкое уездное училище (3-х-летнего срока обучения), которое готовило выпускников к последующему поступлению в гимназию. Но ему вместе с братом предстояло в нем учиться 6 лет, поскольку первые 3 года они обучались в приказном училище. В архивах сохранилось свидетельство: «Ученик Николай Федоров, без брака рожденный, из купеческих детей, имеющий от роду тринадцать лет, обучался со 2 июля 1836 года по 2-е июля 1842 года в Шацком уездном училище...». Несколько лет тому назад в городе Шацке на фасаде здания бывшего уездного училища была установлена мемориальная доска, напоминающая об учебе в нем Николая Федорова.

По окончании Шацкого уездного училища в 1842 году он вместе с братом Александром поступил в Тамбовскую гимназию, где они обучались по 1849 год. Эта гимназия как более высокая ступень в школьном образовании, готовила выпускников к поступлению в университеты. В архивах есть прошение на имя директора Тамбовской гимназии З. И. Трояновского, подписанное родным дядей Николая Федорова князем Константином Ивановичем Гагариным о зачислении братьев на учебу с уплатой за полгода их предстоящего обучения в гимназии.

В августе 1849 года братья Федоровы, закончив гимназию, поступили в одно из привилегированных учебных заведений юга России-Ришельевский лицей в городе Одесса, обучение в котором было 3-х-годичным. Если в Тамбовской гимназии любимцем гимназистов был учитель истории Измаил Иванович Сумароков, то в Ришельевском лицее неизгладимый след в их памяти оставил преподаватель философии — Иосиф Григорьевич Микневич. Согласно архивным данным в Ришельевском лицее братья окончили лишь 1-й курс, но в списках лицеистов 2-го курса их не значится. Это было обусловлено неожиданной смертью в 1851 году их дяди князя К. И. Гагарина, который, начиная с Тамбовской гимназии финансово содержал обоих племянников. Именно осень 1851 года стала важным жизненным испытанием для Николая Федорова: смерть любимого дяди и потеря материальной

возможности для дальнейшего обучения, обусловили его ранний уход из лицея в самостоятельную жизнь.

Последующие 2,5 года напряженной самостоятельной жизни Николая Федорова не зафиксированы в архивных источниках и его мемуарных воспоминаниях. Но зная его целенаправленную натуру, нетрудно предположить, что это время, между осенью 1851 года и началом февраля 1854 года, стало важной вехой для духовного взросления и последующего жизненного выбора Николая Федорова. Очевидно, лишившись возможности обучаться в Ришельевском лицее, он выработал для себя важнейшую жизненную установку: целеустремленное самообразование и этой жизненной цели он был последовательно привержен всю свою жизнь. Об этом в частности свидетельствует выписка из архивных документов: «По надлежащем испытании в Тамбовской гимназии, Высочайшим указом определен учителем истории и географии в Липецкое уездное училище с 1854 года февраля 23-го».

После официального получения учительского звания, последующая жизнь Н. Ф. Федорова была связана со скитаниями в поисках заработка по малым городам центральной России. В течение 14 лет он учительствовал в различных уездных училищах, преподавая ученикам уроки астрономии, истории и географии. Все эти годы трудного юношеского становления были наполнены усердным самообразованием, позволившим Н. Ф. Федорову кропотливо накапливать глубокие познания в естественных и гуманитарных науках. Неумная тяга к познанию постоянно влекла Н. Ф. Федорова к книжным фондам уездных библиотек, но уже скоро они не могли удовлетворять его постоянно растущие интеллектуальные запросы. Поэтому, в 1868 году из уездного города Боровска Калужской губернии, где ему довелось преподавать, он пешком пришел в Москве и поначалу поступил на службу в знаменитую Чертковскую библиотеку. С этого времени перед Н. Ф. Федоровым поистине открылся новый горизонт для научного самообразования. В последующем ему посчастливилось получить место библиотекаря в самом обширном книгохранилище Москвы, располагавшемся в Румянцевском музее, с которым будет связано более 25 лет его плодотворной творческой жизни. Своего жилья у Н. Ф. Федорова никогда не было, поэтому каталожный отдел этой известной на всю Москву библиотеки на целые четверть века, по сути, стал его родным домом и творческой лабораторией.

Живя и работая в обширном Румянцевском книгохранилище, Н. Ф. Федоров был абсолютно удовлетворен тем, что ему не приходилось разграничивать служебное и личное время. Теперь он мог всецело заниматься любимым делом, вдумчивое прочтение различных научных книг и философские размышления над их содержанием, стали для него основным смыслом творческой деятельности. Все эти годы он вел довольно замкнутый аскетический образ жизни и, сторонясь излишней публичности, находил удовлетворение лишь в размышлениях над прочитанной научной литературой. И этот скрытый от посторонних глаз неустанный научный поиск, как и затворнический образ жизни, тем не менее, снискали Н. Ф. Федорову широкую известность среди самых выдающихся представителей русской гуманитарной мысли того времени. Они отдавали должное своеобразному мировоззренческому кругозору мыслителя, в котором органично сочетались глубинные основы христианской веры и научные ориентиры нравственного переустройства общественной жизни. Так, будучи ознакомлен с творческими поисками Н. Ф. Федорова и признавая их вселенскую гуманистическую значимость,

Ф. М. Достоевский писал, что эти идеи Н. Ф. Федорова «прочел как бы за свои», а великий русский философ В. С. Соловьев признавался, что с нескрываемым восторгом читал присланные ему рукописи статей мыслителя в течение всего дня и последующей ночи, а после прочитанного с огромным уважением к автору назвал его «дорогим учителем и отцом духовным». Очень близкие творческие отношения многие годы связывали Н. Ф. Федорова и Л. Н. Толстого. Великий русский писатель-моралист, обычно весьма сдержанный на похвалу, однажды высказался о Н. Ф. Федорове очень пафосно: «Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком».

Однако, в конце XIX века для многих представителей естествознания дерзновенные идеи Н. Ф. Федорова, обосновывавшего перспективную необходимость освоения человечеством беспредельных просторов Вселенной, представлялись либо как безудержная околонучная фантазия, либо как оригинальная разновидность религиозного философствования. И надо признать, что дерзновенный федоровский замысел, ориентирующий творческую преобразовательную деятельность всего человечества на освоение космического пространства, по своей глобальной масштабности значительно опережал свое время. Но мыслитель, не уповая на чудеса, убежденно верил в будущее науки, способной воплотить его космические проекты. Это время должно наступить, считал Н. Ф. Федоров, и он не ошибся, ибо еще при его жизни идеи космической философии воспламенили творческие порывы молодого К. Э. Циолковского, а в последующем и научный гений автора ноосферной теории В. И. Вернадского.

Эта научная преемственность не могла угаснуть и после Н. Ф. Федорова декабре 1903 года. В последующие годы его преданные ученики и идейные последователи В. А. Кожевников и Н. П. Петерсон провели напряженную работу по систематизации всех рукописей и статей мыслителя, составивших обширный 4-х томный труд под названием «Философия общего дела». Раскрытие теоретического содержания этого сочинения следует начинать с уяснения того, что «русский космизм» занимает особое место среди великих достижений мировой философской мысли. При этом, следует подчеркнуть, что космическое мировидение Н. Ф. Федорова органично вызревало из аксиологических глубин русской духовной культуры. Именно поэтому, философию «русского космизма» с полным основанием можно назвать онтологией национального русского духа [1]. В этой связи также важно подчеркнуть, что это оригинальное духовно-теоретическое восприятие окружающего мира явилось предтечей ноосферной теории В. И. Вернадского, осветившей человечеству путь к научно-техническому прогрессу, гармонично соотносимо с глобальным проектом духовно- нравственного и интеллектуального развития человечества.

Основные идеи «Философии общего дела» объединены на основе сформулированного Н. Ф. Федоровым нравственного принципа *супраморализма* (от лат. *supremus* — высший). В истории мировой философской мысли моральные проблемы всегда занимали значительное место и, казалось бы, что тут можно было сказать нового. Но Н. Ф. Федоров нашел новый ценностный ракурс рассмотрения традиционной проблемы морали как нравственного регулятора всех общественных отношений. Не вызывает сомнения, что в период своих долгих размышлений над прочитанными книгами, он глубоко переосмыслил основные моральные концепции, существовавшие во всех предшествующих философских учениях. И он пришел

к выводу, что, существовавшие в мировой философии моральные концепции, при их обобщении, в своей ценностной основе апеллировали к двум полярным нравственным установкам, определяющим поведение человека в обществе. Одни из них, нравственные ориентиры человеческого поведения связывали с *альтруизмом*, т. е. звали к общественному самопожертвованию, а другие, — напротив, обосновывали безусловный приоритет индивидуальных интересов по отношению к общественному долгу и тем самым являлись апологетикой *эгоизма*.

Осознавая ограниченные крайности альтруистических и эгоистических нравственных концепций человеческого поведения, Н. Ф. Федоров сформулировал принципиально иную ценностную концепцию супраморализма: «жить нужно не для себя, — это эгоизм, и не для других, — это альтруизм, а со всеми и для всех». О том, какая ценностная духовная глубина заложена в этой нравственной формуле, мы можем оценить в наше историческое время. Для примера сошлемся на западноевропейскую философскую концепцию «мультикультуризма», получившую в конце XX века широкое распространение в ряде стран Европы. С той поры идеи мультикультуры активно внедрялись в общественное сознание граждан и преподносились как эффективная модель толерантного отношения к представителям различных религиозных верований и культурных традиций, совместно проживающих в тех или иных европейских странах. Однако, современный международный терроризм, не имеющий национальной принадлежности, показал полную теоретическую несостоятельность либеральных идей мультикультуры, обозначил их социальную беспомощность в предотвращении любых социальных угроз. А ведь помыслы у проповедников мультикультурного проекта «общеевропейского дома» были самые оптимистичные. Более того, они с полным основанием могли декларировать нравственную ориентацию: «жить со всеми», пренебрегая при этом целостностью формулы: «жить со всеми и для всех».

Идеологи мультикультуры не смогли постичь всей нравственной глубины данного принципа, разработанного в философии «общего дела». Ведь само по себе, нравственное утверждение: «жить со всеми» отражает лишь внешнюю сторону человеческого общежития. Конечно, далеко не каждый из людей согласится стать вынужденным отшельником или злополучным «робинзоном», а по сему, значительно лучше «жить со всеми», чем страдать от одиночества. Так что эта часть нравственной формулы определяет лишь внешнюю необходимость совместного человеческого бытия. Когда же утверждается, что следует «жить со всеми и для всех», то тем самым выражается внутренняя готовность человека в своих индивидуальных поступках следовать интересам всеобщего блага.

Таким образом, нравственный принцип «супраморализма», по убеждению Н. Ф. Федорова, воплощает в социальную жизнь «живое христианство», а не ту, добавим от себя, «постхристианскую» культуру, в которой пребывают граждане стран современной Западной Европы. Именно как подлинно «живое христианство», этот принцип нравственного общежития должен быть положен в основание совместной деятельности всего человечества по предотвращению глобальных кризисов.

Супраморализм, по мнению Н. Ф. Федорова, если он станет нравственной жизненной установкой каждого, бесспорно должен способствовать принесению в науку, в искусство, в политику не корпоративные, но новые возвышенные нравственные приоритеты во имя «общего дела» всего

человечества. В частности, это позволит науке преодолеть существующую избыточную геоцентрическую направленность, т. е. извечную ориентированность на сугубо земные явления и процессы, исследуемые для удовлетворения, прежде всего, природных потребностей людей. Будущая наука как проективная деятельность «общего дела», по убеждению Н. Ф. Федорова, должна в интересах всего человечества направить основные усилия на изучение просторов Вселенной как будущих «оазисов жизни». Только при этой космической ориентации мировой науки, удастся преодолеть издержки невежественного общественного стереотипа, в котором Вселенная традиционно воспринималась как «враждебная человеку пустыня с бездушными мирами». Это особенно важно для «общего дела», ибо в своем глобальном значении нравственный принцип супраморализма мировой науки позволит воспринимать беспредельные просторы Космоса не только в их физической сущности, но и как бесчисленные миры, как «оазисы духа» для «сынов человеческих», способные стать их «всенаселенным» домом.

В современных глобальных тенденциях экономического развития реализация этического принципа супраморализма в его конкретном теоретическом наполнении возможна лишь в соответствии с идеями ноосферной теории В. И. Вернадского. Нам, живущим в XXI веке, с его экономическими, социальными и духовными неурядицами, важно понять ценностный смысл ноосферологии, которая в своей научной основе обосновывает необходимость утверждения глобальных гуманистических жизненных ориентиров, противостоящих потребительскому смыслу жизни. Ведь многие нынешние социальные беды и контрасты, прежде всего, исходят оттого, что не только очень многие люди, но и целые страны, зомбированные стяжательским смыслом жизни, иную аксиологическую цель своей жизненной реализации просто не представляют. Какое же будущее ожидает нынешнюю информационную цивилизацию, ориентированную на построение глобального «цифрового общества», когда посредством выдающихся технологических достижений в индивидуальном и общественном сознании активно культивируются потребительская культура, корпоративная этика и геополитическое превосходство одних стран над другими? Представляется, что большинству людей на Земле понятно, что в самом характере этого заданного вопроса уже содержится и самый удручающий ответ.

Общественные отношения, основанные на порочной по гуманистической сути потребительской нравственной ориентации жизненных помыслов, по мнению Н. Ф. Федорова, культивируются эгоистическими «инстинктами самоизоляции», являющимися наследием примитивной «зооморфической» формы природной жизни. На этом уровне живой природы «зооморфическая» регуляция органических форм жизни растительного и животного мира реализуется посредством их рефлекторной и инстинктивной адаптации к внешней природной среде. Но человек как рационально мыслящее существо, самой природой определен находится на более высокой ступени взаимодействия с окружающим миром. Эта идея очень близка к концепции Коллективного разума являющегося доминантой общественно-экономического развития в условиях перехода человечества к ноосферной исторической эпохе.

Все людские распри, их биологическое «небратство», побуждающее человечество к идеологическим, классовым, национальным и иным социальным обособлениям, Н. Ф. Федоров образно назвал историческим «несовершеннолетием» людей. И, по его мнению, чтобы человечество смогло

преодолеть это историческое «несовершеннолетие», оно должно прежде всего осознать его природную причину и противопоставить ей могущество коллективного разума и нравственные ориентиры по объединению творческих усилий всего человечества для устранения этих «слепых» природных причин.

Нетрудно заметить, в какой степени эти до некоторой степени абстрактные идеи социально-этических преобразований нашли свое конкретное воплощение в ноосферной теории В. И. Вернадского. Глубокий нравственный и проективный замысел космической философии «Общего дела» Н. Ф. Федорова изначально был и остался бы лишь дерзновенным призывом к преодолению «слепых» закономерностей земной регуляции, если бы не появилась обоснованная теория объективного перехода биосферы в новое качество ноосферной эволюции человеческой культуры. Исходя из этой объективной необходимости, по убеждению В. И. Вернадского, перед глобальным человеческим «братством» возникает судьбоносная задача реализации ноосферного проекта развития всего человечества.

Н. Ф. Федоров был убежден, что «Искра сознания, воссиявшая в человеке, делает его абсолютно уникальным существом не только на земле, но и в огромной Вселенной. В человеке сама природа как бы начинает сознавать саму себя, прозревать в себе смерть, ужасаться царствующему в ней закону «взаимного стеснения и вытеснения». Но, начав сознавать себя через человека, она через человека должна начать и «управлять собою», идя к «совершенству, или такому состоянию, достигнув которого, она уже ничего разрушать не будет, а все в эпоху слепоты разрушенное восстановит, воскресит». В ноосферной теории В. И. Вернадского федоровская мысль об «искре сознания, воссиявшей в человеке», обретает более ясный концепт Коллективного разума, становящегося проективной силой научно-технического прогресса, определяющего вектор развития человечества.

В философии «Общего дела» Н. Ф. Федоров обозначил лишь некоторые духовные перспективы научно-технического прогресса, обуславливающие формирование гуманистического общечеловеческого мировоззрения, избавленного от издержек национальных, классовых и партийных и иных противостояний народов. Но разработка теоретически обоснованного проекта реализации этих перспектив в рамках ноосферной теории была выполнена продолжателем идей космической философии В. И. Вернадским.

Ноосферный проект, целенаправленно развивая «Философию общего дела», предполагает реальные меры морализации всех сфер человеческой деятельности для окончательной победы коллективного разума над утилитарным эгоизмом. Тем самым, по мнению В. И. Вернадского, будет достигнут окончательный поворот человеческой истории от эволюции биосферы в ноосферу, от сугубо технико-технологического вектора общественного прогресса к общественному идеалу добродетели и всеобщего блага. Как и его идейный предшественник Н. Ф. Федоров, главное зло цивилизации, лишенной всеобщей нравственной цели своего последующего развития, В. И. Вернадский видит в ее очевидной культурной безликости, в превалировании вседозволенности над внутренней свободой духа, в тотальном фетишизме вещей и товарно-денежных отношений над нравственностью, над подлинной человеческой жизнью в ее разумном творческом начале.

Итогом рассмотрения космологического учения Н. Ф. Федорова может быть тезис о том, что он строил «Философию общего дела» не как умозрительную метафизику пассивного созерцания мира, а как систему «проективной

философии», т. е. философии «действия» во благо всего человечества (см.: [3]). XXI век не оставляет для современной цивилизации иной альтернативы как переоценка ценностей земного бытия людей в котором экологическое сознание становится приоритетным в иерархии ценностей гуманистического сознания и Коллективного разума. Насущная необходимость формирования ноосферного сознания выдвигалась В. И. Вернадским как важнейшая ориентация всех общественных отношений, означающих «...новый резкий перелом в научном сознании человечества..., когда бы то ни было ... на его памяти» [2, с. 63].

Органическая связь «Философии «общего дела» Н. Ф. Федорова с ноосферологией В. И. Вернадского убедительно свидетельствует о многообразии теоретико-аксиологического потенциала философии «русского космизма», которая в своих гуманистических идеях от начала и до конца пронизана духовным творческим вдохновением, жадной «полного и всеобщего спасения» как главной цели человечества и искренней верой в то, что сознание человека и Коллективный разум человечества в будущем смогут осуществить такую грандиозную, поистине великую цель. Ценностно-теоретический потенциал, заложенный в философии «русского космизма», яркими представителями которой являются Н. Ф. Федоров и В. И. Вернадский, еще предстоит по достоинству оценить нынешнему поколению, озабоченному будущим развитием современной цивилизации. Всем нам ныне живущим и размышляющим о смысле своей жизни, важно понять, что нравственному пессимизму западной «философии жизни», в лице ее прошлых апологетов А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и др., а также нынешних западных философов — выразителей алармистских прогнозов «конца истории» и неизбежной трагической участи современной цивилизации, эти выдающиеся русские мыслители противопоставили свою оптимистическую веру в нравственно исцеляющее «общее дело» всех жителей планеты Земля, достигших своего нравственного и интеллектуального «совершеннолетия» и способности формирования Коллективного разума ноосферной эпохи мировой истории.

Библиографический список

1. Русский космизм: Антология философской мысли / сост. и предисл. к текстам С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой; примеч. А. Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 365 с.
2. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
3. *Гачева А. Г.* Н. Ф. Федоров: pro et contra. Антология. СПб.: РХГИ, 2004. Т. 1. 1112 с.
4. *Подоль Р. Я.* Истоки «русского космизма» в трудах Н. Ф. Федорова // Истоки и становление космической идеи на Рязанской земле: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной официальному открытию Года российской космонавтики в Рязанской области. Рязань: Редакционно-издательский центр РГУ им. С. А. Есенина, 2011. С. 11—19.
5. *Федоров Н. Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М., 1995—1999.

Сведения об авторах

БАЛДИН доктор исторических наук, профессор.
Кирилл Евгеньевич kebaldin@mail.ru

ВАНСЯЦКАЯ кандидат филологических наук, доцент,
Елена Александровна заведующая кафедрой английского языка,
Ивановский государственный университет.
e_vansyatskaya@yahoo.com

ГРИГОРЬЕВА кандидат филологических наук,
Екатерина Михайловна доцент кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
grigoryeva.ekaterina@mail.ru

КАРПОВА доктор филологических наук, профессор,
Ольга Михайловна заведующая кафедрой английской филологии,
Ивановский государственный университет.
olga.m.karpova@gmail.com

КОКУРИНА кандидат филологических наук, доцент кафедры
Инна Владимировна германской и романской филологии,
Ивановский государственный университет.
Inna-kokurina@mail.ru

ОКОЛОТИН доктор исторических наук,
Владимир Сергеевич заведующий кафедрой истории России,
Ивановский государственный университет.
okolotin.vladimir@yandex.ru

ОПОЛОВНИКОВА кандидат филологических наук,
Мария Владимировна доцент кафедры немецкого языка,
Ивановский государственный университет.
omw@mail.ru

ПОДОЛЬ доктор философских наук, профессор,
Рудольф Янович заведующий кафедрой философии,
Рязанский государственный университет
имени С. А. Есенина.
r.podol@365.rsu.edu.ru

ПРОХОРОВ доктор философских наук, профессор кафедры
Михаил Михайлович истории, философии, педагогики
и психологии, Нижегородский государственный
архитектурно-строительный университет.
mmpgo@mail.ru

ТАГАНОВ доктор филологических наук, профессор кафедры
Александр Николаевич германо-романских языков и литературы,
Ивановский государственный университет.
shishtag@mail.ru

ФИНОГЕНТОВ доктор философских наук, профессор кафедры
Валерий Николаевич естественнонаучных и гуманитарных дисциплин,
Орловский государственный аграрный
университет им. Н. В. Парахина.
v_fin@mail.ru

ЮДИН кандидат исторических наук,
Кирилл Александрович доцент кафедры истории России,
Ивановский государственный университет.
kirill-yudin.hist@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, коррекмирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2019. Вып. 3 (12). Филология. История. Философия**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 14.11.2019 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,05. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 100 экз. Заказ № 110. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

